

ФГБОУ ВО «ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Чиканова Наталья Александровна

**ДИНАМИКА КОММЕМОРАЦИЙ Н. М. ЯДРИНЦЕВА
в 1894 – 1994 гг.**

Специальность 5.6.1 – отечественная история (исторические науки)

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
доцент С. Г. Сизов

Омск – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. КОММЕМОРАЦИИ Н. М. ЯДРИНЦЕВА в 1894 – 1917 гг.	
§ 1. Образ лидера сибирского областничества в периодической печати.....	55
§ 2. Научный дискурс о Н. М. Ядринцеве в дореволюционный период.....	70
§ 3. Места памяти Н. М. Ядринцева в 1894 – 1917 гг.....	80
ГЛАВА 2. ОБРАЗ Н. М. ЯДРИНЦЕВА В КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ СИБИРЯКОВ в 1917 – 1994 гг.	
§ 1. Репрезентации Н. М. Ядринцева в периодической печати 1917 – 1994 гг.....	99
§ 2. Образ Н. М. Ядринцева в научных исследованиях советского периода.....	118
§ 3. Места памяти и коммеморативные практики, посвящённые Н. М. Ядринцеву.....	168
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	186
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	194
Библиография работ Н. М. Ядринцева.....	221
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	249

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Общественный интерес к историческим личностям, их биографиям и образам обусловлен формированием коллективной идентичности. На основе коммеморации значимых для сообщества исторических сюжетов формируется чувство общности, которое способствует сплочению его членов. В периоды переломных исторических эпох происходит «поиск» идентичности, когда общество «вспоминает» и увековечивает образы исторических личностей.

Н. М. Ядринцев выступает одним из символов Сибири: его именами названы улицы, библиотеки, ему установлены мемориальные доски; его имени посвящены ежегодные научные конференции; активно переиздаётся его литературное и публицистическое наследие. История коммеморации Н. М. Ядринцева расширят представление о конструировании и эволюции регионального самосознания сибиряков, позволит выявить акторов и социальные маркеры этого процесса, охарактеризовать отношение власти к нему.

Изучение эволюции представлений о Н. М. Ядринцеве имеет не только общественно-политическую, но и академическую актуальность. «Антropolогический», «лингвистический» и «визуальный» повороты исторической науки обусловили повышение интереса исследователей к изучению коллективных представлений, ментальных установок, ценностных ориентиров различных сообществ, а также к институтам формирования таких представлений. В связи с этим исследование способов и уровней конструирования и трансляции образа Н. М. Ядринцева и контекстов обращения к его личности и деятельности

разными группами в зависимости от «вызовов» эпохи представляется актуальным с академической точки зрения.

Историография темы. Всю литературу по теме диссертационного исследования можно разделить на следующие группы по проблемно-хронологическому принципу: 1) исследования о феномене культурной памяти; 2) работы про культурную память сибиряков и мемориализацию лидера сибирского областничества; 3) исследования, посвященные сибирской региональной идентичности, становление которой происходило в контексте коммемораций Н. М. Ядринцева, и институтам формирования образа Н. М. Ядринцева.

Согласно замыслу диссертационного исследования, монографии и научные статьи историков, литературоведов, этнографов, специалистов по истории журналистики о Н. М. Ядринцеве, то есть исследователей, конструировавших образ областников в сибирском социуме, отсутствуют в историографическом разделе, в силу того, что они привлекались в качестве исторических источников.

Значение обращения к сюжетам и персонажам исторического прошлого для формирования самосознания и идентичности территориальных, национальных, социокультурных групп признано и проблематизировано историками со второй половины XX в.

Феномен культурной памяти изучен достаточно полно в современной отечественной и зарубежной гуманитаристике. Со временем античной философии и до конца XIX в., память рассматривалась как индивидуальное свойство человека. На рубеже XIX–XX вв. исследователи начали рассматривать память как категорию сознания, выходящую за рамки индивидуальности, присущую социальной группе в контексте её ценностей, текущей политической и социально-экономической ситуации.

С последней трети XIX в. и на протяжении XX в. происходит переосмысление феномена памяти в социокультурном ключе – как явлению, которое во многом определяется воздействиями извне. Такое понимание памяти

представлено в работах Э. Ренана, М. Хальбвакса, П. Нора, А. Ассман, Я. Ассмана, Н. Копосова, Л. П. Репиной, Ф. Б. Шенка¹.

Наиболее ранней из работ, исследующих феномен памяти, стала известная речь Э. Ренана «Что такое нация?».² В ней высказана мысль о «духовном принципе» формирования новых социальных сообществ, на основе которого приобретают значение объективные факторы – географические, языковые, религиозные, политические. То, что в современной гуманитаристике называют «коллективной идентичностью», Э. Ренан в 1882 г. именовал «душой», на основе которой формируется чувство общности. По Ренану, самоидентификация членов сообщества основывается на их представлениях о тех событиях истории, которые способствуют сплочению и определению его границ. События отечественной региональной истории иллюстрируют процесс «присвоения» образа Н. М. Ядринцева разными социальными группами в зависимости от собственных целей, интересов, устойчивости, потребности установления границ сообщества. В зависимости от мировоззрения акцептора образа Н. М. Ядринцева, а также от объективных обстоятельств, территориальные, культурные, идеологические, профессиональные группы наделяли категории областничества, патриотизма, сибирского суверенитета разным смысловым содержанием. Дальнейшее осмысление речи Э. Ренана приводит к выводу о значении каналов передачи и популяризации этих представлений. Очевидно, что представление о прошлом воспроизводится, в первую очередь, в текстах историков, поэтому большое значение приобретает вопрос о соотношении культурной памяти и истории.

Значительный вклад в изучение феномена культурной памяти внёс французский философ М. Хальбвакс³. По мысли исследователя, формирование

¹ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. – М., 2014; Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом, и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. – М., 2004; Копосов Н. Память строгого режима: история и политика в России. – М., 2011; Нора, П. Франция – память /пер. с фр. Д. Хапаевой. – СПб., 1999; Ренан, Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений: В 12 Т. / Пер. с фр. В.Н. Михайловского. – Киев, 1902; Л. П. Репина. Историческое сознание в пространстве культуры: проблемы и перспективы исследования // Время – История – Память: историческое сознание в пространстве культуры / под ред. Л. П. Репиной. – М., 2007; Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. – М., 2007; Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000) / Пер. с нем. Е. Земской и М. Лавринович. – М., 2007.

² Ренан Э. Указ. соч. – Т. 6. – С. 87.

³ Хальбвакс М. Указ. соч.

культурной памяти происходит не в индивидуальных воспоминаниях, а в воспоминаниях различных по величине социальных групп. Социальные воспоминания включаются в память каждого конкретного индивидуума, формируя у него чувство самоидентификации с какой-либо группой.

Из этого следует, что запоминание лиц и событий происходит в созданных обществом «рамках» и «ориентирах». Мы предполагаем, что именно поэтому Н. М. Ядринцев стал одним из коммуникативных и интегративных «ориентиров» для сибирского сообщества, в связи с которым происходила трансляция групповых ценностей, преломлённых через объективные потребности времени.

Понятие «рамки» у М. Хальбвакса представлено в двух аспектах. Первоначальный вопрос, поставленный исследователем, заключается в возможности чёткого разграничения сути воспоминаний и ограничивающих их рамки. «Рамка и событие – писал М. Хальбвакс – тождественны по природе: события суть воспоминания, но и сама рамка состоит из воспоминаний»⁴. С другой стороны, исследователь видит возможность отделения «рамки» от воспоминаний, если их границами считать объективные факторы: пространство, время, язык, понятийно-классификационные системы, социально-классовую дифференциацию общества. В этом случае локализация воспоминаний задана обществом, поскольку именно оно конструирует представления о базовых категориях, которые формируют у каждого индивида «чувство реальности, неотделимое от нашей жизни»⁵. Несмотря на конвенциональную устойчивость объективных социальных ориентиров, коллективные воспоминания, созданные с их помощью, не являются статичными и могут изменяться «в зависимости от времени и обстоятельств»⁶. Идея динамики социальных маркеров востребована при реконструкции образа Н. М. Ядринцева, когда социально-значимые категории патриотизма, гражданского долга, просветительства наделялись новым содержанием в зависимости от объективно заданных обстоятельств.

⁴ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. – М., 2007. – С. 135.

⁵ Там же. – С. 147.

⁶ Там же. – С. 325.

М. Хальбвакс противопоставлял историю и память: история – это истинное, объективно-универсальное знание, собрание фактов, очищенных от каких бы то ни было отношений к групповой идентичности, память же носит субъективную окраску⁷. В процессе конструирования культурной памяти происходит её историзация: общество задаёт каждому индивиду и социальной группе «ориентиры», или, как их называл П. Нора, «места памяти» – опорные, базовые социальные воспоминания, которые помогают найти и закрепить индивидуальные реминисценции, в результате чего происходит межгрупповая и межпоколенческая историзация воспоминаний. Исходя из данной исследовательской установки, в рамках изучения коммемораций о Н. М. Ядринцеве, нами были выявлены и проанализированы такие «места памяти», как названия географических объектов, возникновение научных конференций его имени, музейные коллекции, мемориальные доски, символические надписи, посвящённые лидеру областничества, научные тексты, материалы периодической печати. Личности, подобные лидеру сибирского областничества, сами могут восприниматься социальными группами как некий ориентир: их личностные качества не существуют в отрыве от деятельности, обусловленной объективными обстоятельствами. Впоследствии коллективным воспоминаниям придаётся именно исторический характер: таким образом происходит ранее упоминавшееся сплочение социальной группы.

Продолжая мысль Э. Ренана о конструировании наций на основе чувства принадлежности к ней, П. Нора представлял память как «цемент национального сообщества»⁸. Память постоянна, она вбирает в себя протяжённость даже самой законченной истории, поэтому наделяет её носителя важным механизмом самоидентификации с каким-либо сообществом. В то же время, память выступает как субъективная категория, а история представляет собой ряд объективных событий.

⁷ Цит. по: Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263 – 2000) / Авторизованный пер. с нем. Е. Земской и М. Лавринович. – М., 2007. – С. 17.

⁸ Нора П. Франция – память /пер. с фр. Д. Хапаевой. – СПб., 1999. – С. 5.

Развитие государства и формирование наций внутри него не представляется П. Нора непременно синхронными процессами. Применительно к теме нашего исследования отмечается десинхронность основных наступления основных исторических эпох нашего государства и формирования локальных сообществ в нём. В силу географической отдалённости Сибири от центральной России формирование интеллигенции, основного акцептора трансляции образа Н. М. Ядринцева, а также формирование общественного мнения о нём происходило более медленными темпами. Таким образом, мы предполагаем, что Н. М. Ядринцев символизировал не только территориальную идентичность, но и социокультурную (как интеллигент), профессиональную (как журналист, историк, этнограф, археолог), хотя его принадлежность к сибирскому региону стала основой для формирования других идентичностей.

Я. Ассман рассмотрел память как «коннективную структуру», которая осуществляет связь поколений. Символическое кодирование воспоминаний в культурной памяти каждого поколения происходит по-разному. Формирование культурной памяти о Н. М. Ядринцеве в 1894 – 1994 гг. иллюстрирует не только трансляцию воспоминаний о лидере областничества в разных формах, но и становление этнотерриториальной общности сибиряков, осознание ей собственных интересов и потребностей. Для обозначения подобных общностей Ф. Б. Шенком был введён в научный оборот термин «мы-группа» – сообщества, сплочённость которых базируется не на «объективных» критериях, таких, например, как язык, религия, культура, раса или среда обитания, а на субъективном признании принадлежности к группе её членов⁹. Именно потребности «мы-групп» предопределяли контексты воспоминаний о Н. М. Ядринцеве: разные поколения сибирской интеллигенции вкладывали в них собственный смысл, трансформируя образ Н. М. Ядринцева в необходимый для конкретной эпохи исторический символ.

⁹ Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263 – 2000) / Авторизованный пер. с нем. Е. Земской и М. Лавринович. – М., 2007. – С. 14.

Связь между поколениями, нацией и идентифицирующей её памятью осуществляется посредством исторического нарратива, который Ф. Б. Шенк разделил, согласно функциям, выполняемым им в социуме, на нормативный и формирующий. Повествования о Н. М. Ядринцеве, иллюстрирующие возникновение и передачу сибирской культурной идентичности, следует причислять к группе текстов с формирующей функцией. «Тексты формирующего характера, – писал исследователь, – отвечают на вопросы «кто мы?» и «кто есть другие?»¹⁰. Они играют роль «границ», обеспечивающих конструирование динамичного образа регионального сообщества и его специфических черт. Наше исследование затрагивает проблему формирования мы-групп, выступающих трансляторами памяти о Н. М. Ядринцеве, а также условия изменения символов, лежащих в основе их идентичности. Для нас важным был поиск ответа на вопрос, являлся ли Н. М. Ядринцев устойчивым символом коллективной идентичности, несмотря на сопротивление сохранению дореволюционных «мест памяти» (и социальных воображаемых территориальных, этнических, культурных групп) со стороны советской власти, сохранил ли он своё значение в постсоветскую эпоху? Связь результатов нашего исследования и социально-исторического контекста формирования сибирского сообщества содержит отсыл к актуальности работы.

А. Ассман выделила политическую память в особый вид коллективной памяти. Исследовательница писала о различных стратегиях, применяемых в контексте исторической политики: продуцировании положительных представлений о собственной истории, трансляции героических ценностей, отрицания собственных ошибок и вины («витальная забывчивость»)¹¹. Применительно к теме нашего исследования, можно увидеть вышеуказанные стратегии со стороны органов власти и местного самоуправления, проявившиеся в дореволюционную и постсоветскую эпохи. В рамках существования советской идеологической доктрины, помимо вышеназванных, применялись стратегии замалчивания, вытеснения, критики, забвения. Амбивалентность политики памяти

¹⁰ Там же.

¹¹ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. – М., 2014. – С. 120.

в период советской власти отражает смену её идеологических доктрин, а также противопоставление дореволюционного порядка с его сюжетами истории и её персонажами, новому режиму, конструировавшему версию истории Сибири, биографии и взглядов Н. М. Ядринцева в собственных интересах.

В отечественной историографии разработкой категории «культурной памяти» занимается Л. П. Репина. Под культурной памятью она понимает определенным образом сфокусированное сознание, которое отражает особую значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим. Культурная память по сути дела является выражением процесса организации, сохранения и воспроизведения прошлого культурного опыта народа, страны, государства для возможного его использования в деятельности людей или для возвращения его влияния в сферу общественного сознания¹².

Значительное внимание, по мнению исследователя, должно быть уделено анализу средств контроля над исторической памятью. В связи с этим на первый план выступает проблема позиции историка в отношении памяти: с одной стороны, над ним довлеют принципы профессиональной этики, не предполагающие каких-либо искажений в политических или иных целях, с другой – обсуждается роль истории для конструирования и поддержания воображаемых сообществ. Последнее особо значимо для культурной памяти постсоветского периода, когда в обществе произошла, по выражению Ф. Б. Шенка, «тоска по истории». В контексте общих центробежных тенденций в России 1990-х гг. не академическую, а социальную актуальность приобрела областническая концепция. Имя Н. М. Ядринцева стало интегративным и коммуникативным ресурсом для сибирской общественности постсоветского периода не только в рамках академических исследований, но также и в рамках массовой культурной памяти регионального сообщества. Говоря об аспектах «использования прошлого», Л. П. Репина обращала внимание на такие свойства культурной памяти, как избирательность и тенденциозность. В зависимости от содержания образа персонажа или сюжета истории, память может служить средством

¹² Репина Л. П. Культурная память и проблемы историописания. – М., 2003. – С.34.

обоснования легитимности существующего порядка или, напротив, противопоставлять его прошлому, создавая специфический «идеальный» образ исторической эпохи¹³.

Исследования Н. Копосова, О. Б. Леонтьевой, Е. В. Волкова, Н. А. Антипина, Г. А. Бордюгова, А. М. Эткинда, И. М. Полетаева, С. Ю. Малышевой, О. Ю. Малиновой, К. Петроне, И. В. Сибирякова посвящены культурной памяти россиян и советских граждан изучаемой эпохи. Необходимо отметить интерес исследователей, в первую очередь, к памяти, формирующейся и принадлежащей к советской эпохе, в то время как дореволюционному периоду отводится значительно меньше внимания. В условиях пересмотра отношения к историческому прошлому в современной России развивается мемориальное законодательство, происходит восстановление дореволюционных и конструирование новых «мест памяти».

Характеризуя формирование культурной памяти россиян в дореволюционный период, О. Б. Леонтьева писала об апогее общественной мысли на рубеже XIX – XX вв. По мнению исследователя, вторая половина XIX в. стала «колыбелью национальной идентичности», в процессе формирования которой выявились системообразующие категории русской философской мысли: власть, народ, интеллигенция¹⁴. Выдвинутый О. Б. Леонтьевой тезис актуален как в общероссийском масштабе, так и для отдельно взятого Сибирского региона, в рамках которого именно со второй половины XIX в. стала развиваться общественная мысль, возникло областничество; получили развитие сибирские газеты; появился тот слой интеллигенции, который причислял себя именно к Сибири и испытывал потребность в механизмах собственной идентификации с регионом. В контексте этих процессов начала формироваться культурная память сибиряков.

¹³ Репина Л. П. Историческое сознание в пространстве культуры: проблемы и перспективы исследования // Время – История – Память: историческое сознание в пространстве культуры / под ред. Л. П. Репиной. – М., 2007. – С. 6.

¹⁴ Леонтьева О. Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. – Самара, 2011. – С. 22.

Концептуальное осмысление культурной памяти россиян в советский период выстраивается вокруг понятия «политика памяти». Если дореволюционный период складывания культурной памяти россиян характеризовался как сознательный акт общественного выбора, то после 1917 г. активную роль в формировании воспоминаний о прошлом начало играть государство. По мнению Н. Копосова, политика памяти характеризуется проблемой «сведения счетов с прошлым», которая заключается в поиске и обнародовании новых исторических источников, порождающих возникновение новых трактовок истории, которые способны оказывать воздействие на существующие идентичности¹⁵. Политике памяти посвящена работа О. Ю. Малиновой, которая рассматривала её как практику формирования национальной идентичности¹⁶.

И. В. Сибиряков рассмотрел специфику государственного праздника как части политики памяти¹⁷. Отличаясь массовостью, праздничная форма коммемораций играла особую роль для достижения актуальных государственных целей в советский период. Практики закрепления памяти о Н. М. Ядринцеве в XX в. подтверждают вывод о доминирующей роли советской интеллигенции в подготовке и проведении юбилейных мероприятий исторической направленности. Обширный корпус исследований И. В. Сибирякова о российской интеллигенции освещает её особенности в рамках формирования и восприятия культурной памяти об исторических событиях и лицах¹⁸.

О культурной памяти россиян после социальной катастрофы – советских репрессий – писал А. М. Эткинд¹⁹. Идеи областничества и их идеологии тоже пережили гонения по двум причинам. Во-первых, как маркеры дореволюционной

¹⁵ Копосов Н. Память строгого режима: история и политика в России. – М., 2011. – С. 61.

¹⁶ Малинова О. Ю. Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010 годам // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 6. – С. 139-158.

¹⁷ Сибиряков И. В. Празднование столетней годовщины первой обороны Севастополя // Новейшая история России. – 2020. – Т. 10. - № 31. – С. 483-502.

¹⁸ Сибиряков И. В. Интеллигенция и террор: исторический опыт России начала XX века // Интеллигенция и мир. – 2011. - № 1. [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/intelligentsiya-i-terror-istoricheskiy-opyt-rossii-nachala-hh-veka> . Дата обращения: 1.06. 2012; Он же. Интеллигенция и советская власть: первый опыт существования // Интеллигенция и мир. – 2007. - № 3. – С. 34-44; Он же. Интернет-интеллигенция: миф или реальность? // Интеллигенция и мир. – 2009. - № 2. – С. 18-26; Он же. Нравственные ценности российского либерализма (Исторический аспект): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Челябинск, 1998.

¹⁹ Эткинд А. М. Кривое горе. Память о непогребённых. – М., 2016.

истории, во-вторых, как трансляторы ценностей, противоположных советской идеологии. Александр Маркович описал складывание культурной памяти в подобной ситуации, когда её акцепторами выступает сложная социальная среда: жертвы, палачи, свидетели преступлений.

В контексте нашего исследования целесообразно упомянуть работу С. Ю. Малышевой, в которой выделены три уровня мифологизации памяти россиян: глобальный, содержащий общие представления об истории; уровень мифологии, который складывается вокруг отдельных событий; уровень мифов, или микроуровень, который характеризует память об отдельно взятой исторической личности²⁰. По мнению Светланы Юрьевны, миф выступает центральной категорией памяти, что не противоречит сложившейся зарубежной традиции противопоставления памяти и истории. Одним из механизмов ремифологизации истории в современной России исследователем Н. Копосовым названы реформы исторического образования, особенно школьного: создаются новые образовательные стандарты, публикуются новые учебники, в написании которых принимают участие видные историки.

Одной из гипотез нашего исследования выступает тезис об увеличении численности упоминаний о Н. М. Ядринцеве в периодической печати, приурочивание мероприятий по мемориализации памяти лидера сибирского областничества к значимым датам его биографии, либо истории Сибири. В связи с этим актуальной для нас оказалась работа Г. А. Бордюгова²¹. Автор делает акцент на политике памяти в период юбилейных дат и связанных с ними торжеств. На примере годовщин Октябрьской революции показаны механизмы управления культурной памятью советского общества.

²⁰ Малышева С. Ю. Мифологизация прошлого: Советские революционные празднества 1917 – 1927- х годов // Диалоги со временем: память о прошлом и история. – Казань, 2005. – С. 683-684.

²¹ Бордюгов Г. А. Октябрь. Сталин. Победа: культ юбиляров в пространстве памяти. – М., 2010.

Предметом изучения Е. В. Волкова стала культурная память о белом движении²². Исследователь выделил характеристики «образа врага», отражённые в мемуарах, научных текстах и произведениях искусства.

Н. А. Антипов рассматривал процесс формирования, трансформации, актуализации и прекращения коммеморативных практик на материале мемориализации Русско-японской войны²³. Исследователь выделил два уровня формирования культурной памяти: индивидуальный, исходящий от участников и современников событий, и государственный, к которому Н. А. Антипов отнёс торжественные собрания, встречи, приёмы, прессу, радио, телевидение, переиздание художественных произведений, организацию выставок и экспозиций.

Итак, следует отметить, что в исторической науке сложилась традиция изучения культурной памяти как исследовательской категории. Культурная память определяется исследователями как категория общественного сознания, способствующая возникновению чувства коллективной идентичности, которая закрепляется посредством специфических «точек воспоминания» («мест памяти», «фигур памяти»). Каждое поколение и каждая социальная группа по-своему «вспоминают» актуальные исторические события. Зарубежные исследователи (А. Ассман, Я. Ассман, П. Нора, М. Хальбвакс, Ф. Б. Шенк) солидарны в разграничении памяти и истории: историю они определяют как объективную последовательность событий, память – как субъективную, динамичную категорию, присущую социальным группам. Политика памяти отражает действия власти по сохранению или забвению исторических событий, включая появление мемориального законодательства в демократических государствах. Культурная память неотделима от исторического сознания, потому что задаётся в рамках представлений социальных групп и общества в целом о собственном прошлом.

²² Волков Е. В. Белое движение в культурной памяти советского общества: эволюция «образа врага»: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Челябинск, 2009 ; Он же. «Гидра контрреволюции»: белое движение в культурной памяти советского общества. – Челябинск, 2008; Он же. «Колчаковщина» в советском игровом кино // Новый исторический вестник. – 2013. – Вып. 35. – С. 84–108.

²³ Антипов Н. А. 50-летие Русско-Японской войны в СССР: коммеморативные практики (1954–1955) // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. – 2012. – № 40. – С. 79–93.

В рамках темы культурной памяти исследователями выявлены контексты и механизмы её формирования у россиян, обозначены причины актуализации «мест памяти», названы адресанты и акцепторы коммеморативных практик. Важным для изучения коммемораций Н. М. Ядринцева стал вывод о том, что, чтобы стать образом прошлого, историческое событие или личность должны нести символику или ценности социальной группы, а поступки героя воспоминаний – показывать способы утверждения этих ценностей.

В отдельную группу объединим работы, посвящённые культурной памяти сибиряков и формированию образа Н. М. Ядринцева в Сибири. Первая работа, посвящённая культурной памяти сибиряков, относится к периоду новейшей историографии и принадлежит М. Я. Рожанскому²⁴. Говоря о дореволюционном периоде, Михаил Яковлевич отмечал, что формирование сибирских городов совпадало со становлением регионального самосознания.

Модель социокультурного исследования сибирских городов предложена В. Г. Рыженко²⁵. Особую роль в их пространстве исследовательница отвела научной и художественной интеллигенции, способной осуществлять преобразование культурного, в том числе, мемориального и коммеморативного облика сибирского города. Этот тезис позволяет выдвинуть гипотезу о том, что сибирские городские «места памяти» Н. М. Ядринцева можно рассматривать как отражение процесса становления сибирской коллективной идентичности. Рассматривая советские идеальные смыслы «мест памяти» в пространстве сибирских городов, иркутский исследователь пришёл к выводу об использовании советской властью коммеморативных ресурсов не только в собственных идеологических интересах,

²⁴ Рожанский М. Я. Сибирь как пространство памяти. – Иркутск, 2014.

²⁵ Рыженко В. Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы: вопросы теории, истории, историографии, методов исследования. – Екатеринбург-Омск, 2003; Рыженко В. Г., Назимова В. Ш., Алисов Д. А. Пространство советского города (1920-е — 1950-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики (на материалах Западной Сибири). — Омск, 2004; Рыженко В. Г. Социокультурные функции интеллигенции крупных городов Сибири в условиях 1920-х гг.: поиск подходов // Интеллигенция в советском обществе. — Кемерово, 1993. — С.88-98; Она же. Выставки в культурном пространстве современного города // Культурологические исследования в Сибири. — Вып. 2. — Омск, 1999. — С.91—101; Рыженко В. Г., Петренко О. В. Современные конференции как коммуникативная площадка и особое звено интеллектуального пространства «без границ» // Культура и интеллигенция России: Личности. Творчество. Интеллектуальные диалоги в эпохи политических модернизаций: материалы VIII Всероссийской научной конференции с международным участием (Омск, 16—18 октября 2012 г.). — Омск, 2012. — С. 14—18.

но и для вычёркивания примет предшествующих эпох²⁶. Вывод М. Я. Рожанского подтверждается фактическим материалом нашего исследования о политике «намеренного забвения» Н. М. Ядринцева как дореволюционного символа в советский период.

Исследуя исторические идеи и политические практики сибирского сепаратизма, А. В. Сушко пришёл к выводу о том, что необходимым условием для деятельности интеллектуалов, выступавших за суворенизацию Сибири, является культурная идентичность²⁷. Сопоставление исторический опыт первых областников в вопросе развития сибирского самосознания и современные коммуникативные ресурсы интеллектуалов региона приводит к рассмотрению сущности неообластничества и выявлению новых коммеморативных практик, посвящённых Н. М. Ядринцеву.

Е. И. Красильникова исследовала «места памяти» Н. М. Ядринцева на территории Западной Сибири²⁸. В её монографии к ним причислены: Нагорное кладбище в Барнауле, похоронно-поминальные практики, омский, томский, новосибирский краеведческие музеи. Для нашего исследования актуальны выводы Е. И. Красильниковой о динамике коммемораций советского довоенного времени по сравнению с дореволюционным периодом, а также о неоднородности культурного пространства сибирских городов, в связи с чем характерувековечения в них «мест памяти» имел свою специфику²⁹.

Тенденция сплочения сибирской интеллигенции вокруг имени Н. М. Ядринцева берёт начало в дореволюционный период. Н. М. Бурик писала о ежегодных панихидах на могиле лидера областничества, начиная с 1900 г.³⁰. В. Г.

²⁶ Рожанский М. Я. Сибирь как пространство памяти. – Иркутск, 2014. – С. 4.

²⁷ Сушко А. В. Исторические идеи и политические практики сибирского сепаратизма // Вестник ТГУ. – 2018. - № 426. – С. 192 – 206.

²⁸ Красильникова Е. И. Помнить нельзя забыть... Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.). – Новосибирск, 2015.

²⁹ Красильникова Е. И. Помнить нельзя забыть: памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941г.). – Новосибирск, 2015.

³⁰ Бурик Н.М. Образ Н.М. Ядринцева в газетной прессе Алтая 1910-х гг. // Культура и интеллигенция России: Личности. Творчество. Интеллектуальные диалоги в эпохи политической модернизации: материалы VIII Всероссийской научной конференции с международным участием в рамках подготовки к 300-летию Омска и празднованию юбилейных событий российской истории (Омск, 16-18 октября 2012 г.) / ответственный редактор В.Г. Рыженко, О. В. Петренко. – Омск, 2012. – С. 431.

Рыженко охарактеризовала образ Н. М. Ядринцева как интегративный ресурс для сибирской интеллигенции, который создал коммуникативное поле для научного сообщества советского и постсоветского периодов³¹.

Значимость «мест памяти» Н. М. Ядринцева для формирования образа лидера сибирского областничества в массовом сознании писала Л. С. Рафиенко³². Рассматривая коммеморации Н. М. Ядринцева от дореволюционного к современному периоду, исследователь пришла к выводу о социально-психологической потребности в них сибирского сообщества для формирования групповой идентичности.

О деятельности Г. Н. Потанина по мемориализации воспоминаний о Н. М. Ядринцеве писал М. В. Шиловский³³. Историк обращает внимание на стремление Г. Н. Потанина сохранить память о ближайшем сподвижнике в областническом контексте. Институтами мемориализации памяти Н. М. Ядринцева в дореволюционный период стали газета «Восточное Обозрение»; биография лидера областничества, выпущенная Б. Б. Глинским и эссе Г. Н. Потанина, впоследствии собранные Н. Н. Яновским в сборнике «Литературное наследство Сибири»; «ядринцевская витрина» в Иркутском краеведческом музее.

Подводя итоги, следует отметить, что современные исследователи выделяют интеллигенцию в качестве акцептора коммемораций Н. М. Ядринцева. «Местами памяти» Н. М. Ядринцева в пространстве сибирских городов в дореволюционный и советский периоды стали могила, связанные с его биографией здания и тексты о нём. В 1990-е гг., когда происходило становление постсоветской исторической науки и возрождались идеи областничества в общественном сознании, к «местам памяти» Н. М. Ядринцева добавились научные конференции его имени, которые стали интегративным ресурсом для сибирской интеллигенции. Исследователями

³¹ Рыженко В. Г. Оглядываясь в начало 1990-х годов: образ Н.М. Ядринцева в материалах научной конференции, посвящённой его памяти // Первые ядринцевские чтения. – Омск, 2012. – С. 75.

³² Рафиенко Л. С. Мемориальные памятники Н. М. Ядринцеву в Сибири // Памятники истории и культуры в Сибири: Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научно-практической конференции. – Омск, 1995. – С. 53 – 57.

³³ Шиловский М. В. Деятельность Г. Н. Потанина по мемориализации памяти Н. М. Ядринцева и выявлению его творческого наследия // Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 100-летию Революции и Гражданской войны в России. – Омск, 30-31 октября 2017. – С. 69 – 73.

выдвинут тезис о преемственности в создании «мест памяти» Н. М. Ядринцева, что объясняется формированием групповой идентичности в рамках сибирского сообщества.

Третья группа работ включает в себя исследования, посвящённые институтам формирования культурной памяти о Н. М. Ядринцеве. Признавая периодическую печать важнейшим институтом формирования образа Н. М. Ядринцева в культурной памяти сибиряков, мы привлекли обобщающие исследования Л. С. Любимова, В. В. Шевцова, Н. В. Жиляковой, Ю. С. Гольдфарба, В. В. Шевцова, Ю. Л. Мандрики, А. И. Рейтблата, посвящённые истории сибирской прессы конца XIX – начала XX в. Они позволили выявить основные характеристики сибирской прессы, уточнить историю и авторский корпус отдельных изданий, определить направленность привлечённых к исследованию газет и журналов, уточнить основные темы, волновавшие сибирскую периодику.

В исследовании специалиста по социологии чтения А.И. Рейтблата газета названа основой для формирования массового сознания во второй половине XIX – начале XX вв., дававшая низшим социальным слоям исчерпывающую информацию о городской жизни, мировых новостях, удовлетворяла публицистические потребности, «втягивала в сферу воздействия печатного слова»³⁴. Говоря о специфике сибирской газеты, необходимо назвать работы Л. Л. Ермолинского «Сибирские газеты в XIX веке», Ю. Л. Мандрики «Провинциальная частная печать», В. В. Шевцова «Правительственная периодическая печать Сибири», Н. В. Жиляковой «История «Сибирской газеты» и Л. С. Любимова «История сибирской печати»³⁵. Авторы излагают историю возникновения и развития журналов и газет Сибири в XVIII-XIX вв., начиная с рукописной журналистики. Советские исследователи связывали возникновение и официальное разрешение периодической печати с этапами классовой борьбы в России. Изучавший частную провинциальную печать Ю. Л. Мандрика указывал

³⁴ Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту: Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX в. – М., 1991. – С. 112.

³⁵ Ермолинский Л.Л. Сибирские газеты 70 – 80-х гг. XIX в. – Иркутск, 1985; Любимов Л.С. История сибирской печати. – Иркутск, 1982.

на ёщё один мотив появления прессы в Сибири – стремление издателей извлечь коммерческую выгоду из организации издательского дела: «становление сибирской печати – это долгий путь идеи областников, пытавшихся сделать газету товаром, отличавшимся контентом от столичных изданий»³⁶.

Отличительной особенностью сибирской периодики второй половины XIX в. была её скучность и немногочисленность. Исследователи связывают эти специфические черты с низким образовательным уровнем населения, малонаселённостью края, жёсткой цензурной регламентацией содержимого газет и журналов. Даже говоря об официальных периодических изданиях, В. В. Шевцов приводил статистику убыточности и плачевного состояния сибирских типографий³⁷.

С. И. Гольдфарб осветил газетное дело в Сибири, не только представив динамику периодической печати, но и исследовав историю газеты «Восточное Обозрение», показав роль Н. М. Ядринцева в становлении региональной прессы. Автор определил место «Восточного Обозрения» среди других газет о Сибири, упомянул о позиции местной администрации по отношению к изданию. В более поздних работах исследователь обратил внимание как на экономические условия существования сибирской прессы, так и на цензурные условия сибирских газет, их редакторов, спонсоров, представил способы их распространения. С. И. Гольдфарб пришёл к выводу об областнической направленности как одной из специфических черт сибирской периодики на рубеже XIX – XX в.³⁸.

Н. В. Жилякова, В. В. Шевцов, Е. В. Евдокимова указывали на значительную роль областничества в формировании газетно-журнальной периодики Сибири³⁹. Именно областники стали инициаторами основания новых периодических изданий, как столичных, так и региональных. В целях пробуждения

³⁶ Мандрика Ю. Л. Провинциальная частная печать. – Тюмень, 2007. – С. 6.

³⁷ Шевцов В. В. Правительственная периодическая печать в Сибири (вторая половина XIX – начало XX вв.). – Томск, 2016. – С. 206-207.

³⁸ Гольдфарб С.И. Периодическая печать Сибири – источник по изучению общественно-политической жизни Восточной Сибири в XIX в. (по материалам «Восточного Обозрения») // Проблемы источниковедения и историографии истории Сибири. – Иркутск, 1982. – С. 102 – 106.

³⁹ Жилякова Н. В., Шевцов В. В., Евдокимова Е. В. Периодическая печать Томской губернии (1857 – 1916): становление журналистики и формирование регионального самосознания. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. – Т. 1. – С. 19.

общественного самосознания писал как сам Н. М. Ядринцев, так и другие авторы о лидере сибирского областничества. Авторы выделили основные темы периодических изданий, в рамках которых происходили коммеморации Н. М. Ядринцева: разработка основных вопросов сибирской общественной, культурной, экономической жизни; изучение истории Сибири, сибирских верований, местных достопримечательностей; внимание к университетскому вопросу; переселенческий вопрос; образование земств в Сибири; сибирская литература; освещение проблем сибирской жизни. Авторы приходят к выводу о том, что столичная и региональная пресса была тесно связана с областническими идеями, выступая «социал-демократической платформой, позволяющей развивать областнические идеи»⁴⁰.

В работах Н. Н. Родигиной определены причины интереса столичной журнальной прессы к Сибирскому региону в конце XIX – начале XX в., выявлены издания, чаще сотрудничавшие с областниками и с Н. М. Ядринцевым, раскрыты основные характеристики «областнического дискурса» русской журнальной прессы⁴¹.

Обобщающие исследования Р. П. Овсепяна, И. В. Кузнецова, М. М. Козловой, Г. В. Жиркова, А. Г. Беспаловой, Е. А. Корнилова, А. П. Короченского, Ю. В. Лучинского, А. И. Станько посвящены истории советской прессы⁴². Жёсткая цензура и центростремительные тенденции советской власти способствовала закрытию множества сибирских газет. Те из них, которые пережили революцию, должны были подстраиваться под новые реалии идеологического контроля.

Характерными отличительными чертами советской журналистики как в начале ее становления, так и в последующие несколько десятков лет, М. М.

⁴⁰ Там же. – С. 32.

⁴¹ Тема Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX - начала XX в: аннотированный указатель / сост. Н. Н. Родигина. – Новосибирск, 2014. – 384 с.

⁴² Овсепян Р. П. История новейшей отечественной журналистики. – М., 1999; Кузнецов И. В. История отечественной журналистики (1917-2000 гг.). – М., 2002. Козлова М. М. История отечественных средств массовой информации: учеб. пособие. – Ульяновск, 2000; Жирков Г. В. История цензуры в России XIX-XX вв.: учеб. пособие. – М., 2001; Беспалова А. Г., Корнилов Е. А., Короченский А. П., Лучинский Ю. В., Станько А. И. История мировой журналистики. – М. – Ростов н/Д., 2003.

Козлова называет «идеологический партийный диктат во всех сферах жизни, борьбу с инакомыслием, в том числе и физическую, закрытие всех оппозиционных и частных изданий, монополизацию права издания СМИ, использование СМИ и информации как инструмента политического воздействия на людей»⁴³. СМИ воспринимался советской властью как один из основных институтов формирования общественного мнения, в связи с чем в периодической печати отражена позиция государства по отношению к историческому прошлому. Учитывая, что пресса представляет собой институт формирования массовых представлений об образе исторической личности, можно говорить о ней как об одном из источников изучения политики коммемораций Н. М. Ядринцева на государственном уровне в советский период.

И. В. Кузнецов акцентировал внимание на проблемах советской журналистики. После установления советской власти отмечена нехватка кадров и ресурсов: «принятая в наследство от царского режима полиграфическая база была маломощна и изношена»⁴⁴. Чтобы исправить сложившуюся ситуацию, в 1919 г. была образована Школа журналистики, преобразованная в 1921 г. в Институт красных журналистов. Параллельно с подготовкой кадров на государственном уровне началось движение рабселькоров, которые «являлись в печати выразителями и проводниками пролетарского общественного мнения»⁴⁵.

Другой проблемой ранней советской прессы стало снижение качества периодических изданий. Причины этого заключались как в их переходе на самоокупаемость, так и в ориентации на исключительно массовую аудиторию. Г. В. Жирков приводит в пример цитату Б. Волина из «Журналиста» 1922 г.: «Передовая статья тонет в море вин Сараджевых, Касабовых и прочих, на первой странице печатаются объявления, рекламирующие похабную оперетку или кричащие во всю циничную глотку о голом теле»⁴⁶.

⁴³ Козлова М. М. История отечественных средств массовой информации: учеб. пособие. – Ульяновск, 2000. – С. 56.

⁴⁴ Кузнецов И. В. История отечественной журналистики (1917-2000 гг.). – М., 2002. – С. 21.

⁴⁵ Беспалова А. Г., Корнилов Е. А., Короченский А. П., Лучинский Ю. В., Станько А. И. История мировой журналистики. – М. – Ростов н/Д., 2003. – С. 56.

⁴⁶ Жирков Г. В. История цензуры в России XIX-XX вв.: учеб. пособие. – М., 2001. – С. 34.

Обозначенные сложности советской периодики 1920-х годов вели к сужению публицистической тематики, игнорированию исторических сюжетов, забвению памятных дореволюционных дат. Низкий уровень специалистов и нехватка финансирования приводили к приоритетной (иногда единственно возможной) публикации идеологически правильных и понятных массовому читателю газетных статей и заметок. Этим объясняется снижение количества публикаций о Н. М. Ядринцеве и в целом о сибирском областничестве в довоенный советский период. Дефицит средств, выделяемых на прессу, предопределил также практически полное отсутствие портретов Н. М. Ядринцева и иных визуальных источников (мест памяти, фотографий музейных экспозиций, зданий, могилы) в советской периодической печати довоенного периода.

Р. П. Овсепян писал о довоенной советской журналистике как о средстве идеологического и организационного обеспечения большевистской концепции социалистического строительства⁴⁷. Именно в этот период дореволюционные образы отступили на второй план. В середине 1920-х гг. активный контроль над советской печатью начала осуществлять цензура. Это позволило современным историкам говорить о возникновении «цензурного субъективизма», который воплотился в деятельности нового надзорного органа – Главлита⁴⁸. Таким образом, партийный контроль над массовой периодической продукцией предопределил трансляцию в прессе только тех материалов, которые были необходимы для укрепления концепции советского государства. Это положение позволяет выяснить динамику образа Н. М. Ядринцева, выявить устойчивые характеристики исследователя, просветителя, публициста, патриота, а также изучить, какое содержание вкладывало молодое советское государство в каждую из них.

Поворотным моментом в демократизации советской периодической печати стала «Оттепель» духовной жизни. Р. П. Овсепян отмечал качественное изменение советской периодики на этом этапе: «в движении активистов печати

⁴⁷ Овсепян Р. П. История новейшей отечественной журналистики. – М., 1999.

⁴⁸ Беспалова А. Г., Корнилов Е. А., Короченский А. П., Лучинский Ю. В., Станько А. И. Указ. соч. – С. 703.

появилось еще одно звено, о котором практически нигде не упоминается. Речь идет о камерных, тюремных, лагерных корреспондентах⁴⁹. В целом произошла плюрализация содержания прессы, и показателем этого процесса было не только разрешение на ранее запретную тюремную тему, но и появление всё большего количества региональных тем, обращение к сюжетам региональной дореволюционной истории. Пресса «вспомнила» о Н. М. Ядринцеве, качественно изменилось содержание статей: критический тон журналистов сменился на попытки подчеркнуть заслуги героя нашего исследования, материалы всё чаще сопровождались иллюстрациями.

И. В. Кузнецов писал о начавшейся дифференциации прессы, что позволило максимально охватывать интересы всех слоев населения и обеспечить рост популярности газет и журналов⁵⁰. Этот вывод приобретает особую актуальность для анализа эволюции коммемораций Н. М. Ядринцева. В эпоху «оттепели» произошёл значительный прирост интеллигенции, в том числе, – региональной, внесшей собственное, значимое для этой социальной группы, содержание в образ лидера областничества, которое было направлено на популяризацию его заслуг для Сибирского региона. Благодаря разнообразию материалов советская пресса завоевала авторитет в обществе, постепенно сменяя роль трибуны коммунистической идеологии на эффективный механизм формирования и трансляции общественного мнения, хотя и существующий в рамках цензуры.

Музеи стали важнейшим институтом коммеморативных практик о Н. М. Ядринцеве в XX веке. Репрезентации прошлого в рамках выставочно-экспозиционной работы актуальны для изучения политики памяти. Музеи, как государственный институт, участвовали в официальных массовых коммеморативных практиках, способствовали актуализации образов исторических личностей и связанных с ними артефактов, выстраивали концепцию связи прошлого с настоящим. Музеи служили местом пересечения государственных интересов, которые задавали ориентиры на сохранение памяти о

⁴⁹ Овсепян Р. П. История новейшей отечественной журналистики. – М., 1999. – С. 240.

⁵⁰ Кузнецов И. В. История отечественной журналистики (1917-2000 гг.). – М., 2002. – С 104.

Н. М. Ядринцеве в рамках сибирской истории, и интересов интеллигенции, силами которой осуществлялся сохранение и отбор материалов для музейных коллекций и экспозиций.

Изучение музейных практик, посвящённых коммеморациям Н. М. Ядринцева, побудило нас обратиться к исследованиям музеиного дела. Общая картина развития музеев в дореволюционной России и СССР представлена в работе группы авторов во главе с А. М. Разгоном. Ими подготовлено семь выпусков «Очерков истории музеиного дела в СССР». Наиболее актуальными для нас стали исследования С. А. Овсянниковой, Д. А. Равикович, В. Н. Игнатьевой, О. В. Ионовой об организации региональных музеев до революции и в годы советской власти, о роли государственной политики в экспозиционной и научной работе музеев, о частном коллекционировании в дореволюционной России⁵¹. В отличие от исследований советского периода, написанных в духе времени с использованием большого количества идеологических клише, современные «Российская музейная энциклопедия», «Музейное дело России» характеризуют работу отечественных музеев в разных направлениях⁵².

В рамках изучения общих тенденций развития музеиного дела в России и СССР приоритетным для нас был вопрос о специфике сибирских музеев, потому что именно они выступают институтами формирования коммеморативных практик о Н. М. Ядринцеве. В статьях «Сибирской советской энциклопедии» обозначены условия развития музеиного дела в Сибири, перечислены музеи западносибирских городов⁵³. Обобщающее исследование О. Н. Шелегиной посвящено истории сибирских музеев со второй половины XIX в.⁵⁴. В работе автора представлена классификация музеев, выделены подходы к построению

⁵¹ Овсянникова С. А. Частное коллекционирование в России в пореформенную эпоху (1861-1917 гг.) // Очерки истории музеиного дела в СССР. – М., 1960. – Вып. II. – С. 66 – 144; Равикович Д. А. Музеи местного края во второй половине XIX – начале XX века // Очерки истории музеиного дела в СССР. – М., 1960. – Вып. II. – С. 145 – 223; Она же. Организация музеиного дела в годы восстановления народного хозяйства (1921-1925) // Очерки истории музеиного дела в СССР. – М., 1960. – Вып. VI. – С. 97 – 145; Игнатьева В. Н. Организация музеиного дела и музейное строительство РСФСР в послевоенные годы (1945-1953) // Очерки истории музеиного дела в СССР. – М., 1960. – Вып. VI. – С. 54 – 96; Ионова О. В. Музейное строительство в годы довоенных пятилеток (1928-1941 гг.) // Очерки истории музеиного дела в СССР. – М., 1960. – Вып. V. – С. 84 – 118.

⁵² Российская музейная энциклопедия: в 2 Т. – М., 2001; Музейное дело России. – М., 2005.

⁵³ Сибирская советская энциклопедия: в 4 Т / под ред. М. К. Азадовского. – Новосибирск, 1937.

⁵⁴ Шелегина О. Н. Музеи Сибири: очерки создания, развития, адаптации. – Новосибирск, 2010.

экспозиции. Раннему этапу становления сибирских музеев посвящена статья Н. М. Щербина⁵⁵. Н. А. Томилов представил периодизацию работы музеев в городах Западной Сибири⁵⁶. Исследователи признают музеи одним из институтов формирования, трансляции и наследования культурной памяти сибиряков. Принимая во внимание тот факт, что музеи транслируют не только государственную политику памяти, но и профессиональные интересы музейных работников как представителей сибирской интеллигенции, можно говорить об их значительной роли в коммеморациях Н. М. Ядринцева.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что к настоящему времени в значительной степени изучена культурная память как социополитический феномен, названы её особенности, выявлены групповой и индивидуальный аспекты её формирования. Исследователями охарактеризованы механизмы символического закрепления группами базовых социальных воспоминаний. В рамках проблематики культурной памяти поставлен вопрос о политике памяти, её функциях, механизмах реализации и о роли историков в процессе конструирования воображаемых сообществ.

В рамках изучения отечественной национальной идентичности и влияния на неё культурной памяти, исследователями сделан акцент на советском периоде. Центральным понятием, привлекающим внимание в его границах, стала политика памяти, её механизмы, системообразующие категории. Изучение тематики, связанной с культурной памятью дореволюционного и постсоветского обществ, на сегодняшний день только начинается.

Тема культурной памяти сибиряков и коммемораций Сибирского региона практически не разработана. Положено начало изучению роли сибирских городов в формировании региональной идентичности. Имеются фрагментарные исследования о роли интеллигенции в формировании культурной памяти Сибирского региона. Подготовлена источниковедческая почва для дальнейших

⁵⁵ Щербин Н. М. История создания, становления и развития общественно-краеведческих музеев в Сибири (вторая половина XIX – первая треть XX в.) // Роль музеев в формировании и трансляции региональной идентичности. – Новосибирск, 2012. – С. 266–282.

⁵⁶ Томилов Н. А. Периодизация истории исторических и краеведческих музеев Сибири // Социально-экономическое и историко-культурное наследие Тарского Прииртышья. – Тара, 2009. – С. 121–127.

исследований: охарактеризована дореволюционная и советская пресса как один из институтов формирования общественного мнения, имеются работы, посвящённые сибирскому музеиному делу. Нами не выявлено работ, раскрывающих особенности сибирских визуальных источников. В последние десятилетия исследователями предприняты отдельные попытки освещения сибирских коммеморативных практик, однако отсутствуют комплексные работы по их изучению. Также нет обобщающих исследований, посвящённых специфике региональных «мест памяти», условиям и факторам, влияющим на динамику коммемораций в Сибири.

Цели и задачи исследования.

Цель диссертационного исследования – определить содержание, способы и динамику коммемораций Н. М. Ядринцева в 1894 – 1994 гг.

Для реализации поставленной цели нам предстояло решить ряд взаимосвязанных **задач**.

- 1) Выявить специфику коммемораций Н. М. Ядринцева в периодической печати 1894 – 1994 гг.; определить содержание его образа, слова-маркеры, характеризующие лидера областничества; выяснить, какие социальные группы участвовали в формировании образа Н. М. Ядринцева в прессе; определить социальные группы – акцепторы образа Н. М. Ядринцева; выявить мотивы и контексты обращения социальных групп к биографии и наследию героя нашего исследования; выявить роль государства (установление цензуры, учреждение печатных изданий, появление органов, контролирующих деятельность СМИ) в освещении образа Н. М. Ядринцева и его роли в жизни сибирского региона.
- 2) Раскрыть компоненты образа Н. М. Ядринцева в научном дискурсе; определить идеологические и мировоззренческие установки авторов-адресантов образа Н. М. Ядринцева; выяснить влияние социально-политических условий на контексты употребления и мотивы исследования образа Н. М. Ядринцева; осветить роль государства (цензура, социальный

заказ, политico-идеологические цели) в частоте изучения и полноте раскрытия образа Н. М. Ядринцева в научном нарративе 1894 – 1994 гг.

3) Определить «места памяти» Н. М. Ядринцева, выявить их региональную специфику; осветить коммеморативные практики, посвящённые Н. М. Ядринцеву; выявить социальные группы и общественные институты, по инициативе которых происходило материальное закрепление или уничтожение «мест памяти» Н. М. Ядринцева; определить устойчивые и новые «места памяти» лидера сибирского областничества; охарактеризовать динамику коммеморативных практик Н. М. Ядринцева в 1894 – 1994 гг. и объяснить её причины.

Объектом исследования являются коммеморации Н. М. Ядринцева в 1894 – 1994 гг.: статьи о нём в периодической печати; посвящённые ему тексты представителей исторической, литературоведческой, этнографической науки; памятные места; коммеморативные практики, а также политика памяти.

Предметом исследования является динамика коммемораций Н. М. Ядринцева в 1894 – 1994 гг.

Методология исследования. Исследование, представленное в данной диссертации, выполнено в рамках подхода *Cultural Memory Studies*, которое предполагает смещение фокуса исторических исследований с прошлого на память о нём. *Cultural Memory Studies* разрабатывался в немецкой (Т. Адорно, Я. Ассман, Ю. Хабермас, Ю. Шеррер) и французской (П. Рикёр, М. Хальбвакс, П. Нора и др.) исторических школах. Для изучения коммемораций, происходивших в рамках сибирской истории, нами была востребована исследовательская модель, предложенная Е. И. Красильниковой⁵⁷.

В связи «культурным поворотом» произошло обновление понятийного аппарата исторической науки – центральное место в нём занимают определения «памяти», «культурной памяти», «рамок», «мест памяти», «ориентиров»,

⁵⁷ Красильникова Е. И. Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941г.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2016; Она же. Помнить нельзя забыть...Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941г.). – Новосибирск, 2015.

«исторической памяти», «воображаемых сообществ», «мы-групп», «групповой идентичности».

Вслед за А. Ассман, которая ввела в научный оборот понятие «функциональности памяти», то есть использование в определённых социальных целях, мы понимаем *культурную память* как воспоминания определённых социальных групп, которые содержат ценности, поведенческие нормы и механизмы идентификации. Ключевыми характеристиками культурной памяти в настоящем исследовании являются следующие тезисы. Во-первых, воспоминания социально обусловлены: каждая социальная группа воспроизводит значимые для неё события, при этом индивидуальная и коллективная память тесно взаимосвязаны друг с другом. Во-вторых, культурная память представляет собой динамичную характеристику, способную меняться под воздействием объективных и субъективных обстоятельств, эмоций, мотивов и интересов социальных групп. В-третьих, культурная память фиксирует постулат о неизменности той социальной группы, которая выступает субъектом воспоминаний, поскольку является одним из факторов формирования коллективной идентичности. В-четвёртых, с течением времени индивидуальные воспоминания представителей социальных групп сливаются в идеализированные образы, которые могут отражаться в символических «местах памяти»⁵⁸.

Складывание культурной памяти обусловлено формированием коллективной идентичности. В рамках данного исследования мы говорим о региональной (территориальной) сибирской идентичности. Анализ исследований проблемы показывает преобладание регионального взгляда на неё: сибирская идентичность рассматривается как синоним территориальной идентичности и означает причисление к сообществу сибиряков по факту принадлежности к Сибири⁵⁹. Представление о сибирской идентичности расширила М. А. Жигунова, предложившая региональное, этническое, культурное, психологическое,

⁵⁸ Нора П. Франция – память / пер. с фр. Д. Хапаевой. – СПб., 1999.

⁵⁹ Мосиенко Н. Л. Социально-территориальная структура пространства городской агломерации. – Новосибирск, 2010; Сверкунова Н. В. Региональная сибирская идентичность: опыт социологического исследования. – СПб., 2002; Шматко Н. А., Качанов Ю. Л. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // Социологические исследования. – 1998. - № 4. – С. 94–110.

историческое понимание термина⁶⁰. Вслед за А. А. Анисимовой и О. Г. Ечевской мы рассматриваем сибирскую идентичность в трёх аспектах: 1) как свойство индивида или группы причислять себя к Сибирскому региону, которое является результатом взаимодействия процессов глобализации и локальных откликов на них; 2) как способ взаимодействия с территорией в рамках биографических фактов; 3) как механизм «публичного заявления общности о себе с целью признания отличий, культурной специфики, социальных и экономических прав»⁶¹.

В случае целенаправленного формирования культурной памяти говорят о *коммеморации*. Вслед за А. С. Святославским под коммеморацией мы подразумеваем «сознательный социальный акт передачи нравственно, эстетически, мировоззренчески или технологически значимой информации путем увековечения определенных лиц и событий, то есть введения образов прошлого в пласт современной культуры»⁶². Коммеморацию также можно рассматривать как процесс актуализации какого-либо дискурса в рамках воспроизведения значимого для группы события, которое служит средством идентификации членов сообщества. В рамках исследования культурной памяти о Н. М. Ядринцеве мы выделяем следующие формы коммемораций:

1) *памятные места* – материальные объекты, намеренно созданные для мемориализации памяти Н. М. Ядринцева. К памятным местам мы относим тексты периодической печати, научные тексты, мемориальные доски, посвящённые лидеру сибирского областничества в Омске и Барнауле, могилу Н. М. Ядринцева, названия географических объектов, музеиные коллекции, посвящённые биографии и деятельности Николая Михайловича.

2) *Коммеморативные практики* – целенаправленная деятельность по сохранению и воспроизведению памяти о Н. М. Ядринцеве. К коммеморативным

⁶⁰ Жигунова М. А. Этносоциология русских в Сибири: проблемы современной идентичности // Этносоциальные процессы в Сибири: тематич. сборник / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ие, институт философии и права. – Новосибирск, 1998. – С. 191 – 195.

⁶¹ Анисимова А. А., Ечевская О. Г. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации. – Новосибирск, 2012. – С. 9.

⁶² Святославский А. С. Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры: автореф. д-ра культурологии. – М., 2012. – С. 1.

практикам мы относим научные конференции, носящие имя Н. М. Ядринцева, торжества, посвящённые годовщинам и юбилеям Н. М. Ядринцева, организацию библиотечных выставок и другие мероприятия, приуроченные к региональным и общегосударственным праздникам, например, дню Сибири (26 октября) или Дню знаний.

Исследуя коммеморации Н. М. Ядринцева, мы обращаемся к *образу исторической личности* – представлению о субъекте истории, которое вписывается в идеологический, историографический, культурный, политический дискурс и несёт при этом специфическую семантическую, аксиологическую, художественную нагрузку⁶³. Образу исторической личности присуща динамичность: его содержание подвержено неоднократным изменениям вместе с пересмотром роли исследуемого персонажа истории. В рамках нашего исследования мы выдвигаем гипотезу об эволюции представлений о Н. М. Ядринцеве в контексте изменения идеологической парадигмы на протяжении изучаемого периода, что нашло отражение в динамике характеристик его образа.

В создании, воспроизведении, забвении, изменении содержания образа исторической личности значительную роль играет *политика памяти* – способы создания необходимых власти представлений об историческом прошлом. Политика памяти всегда направлена на формирование выгодных власти исторических образов и коллективных идентичностей. Наиболее объективно политика памяти выражена в официальных документах. В рамках нашего исследования произведён анализ делопроизводственной документации о создании мест памяти Н. М. Ядринцева: открытии мемориальных досок, присвоении улицам его имени, переименовании села, поскольку позволяет выяснить роль государства и общества в коммеморации героя нашего исследования.

Заявленная методология согласуется с методами исследования историко-антропологического подхода, характеризующегося междисциплинарностью; активным диалогом между отраслями исторического знания, который М. М.

⁶³ Леонтьева О. Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. – Самара, 2011. – С. 12.

Кромм характеризовал как объединение социальной, экономической и политической истории вокруг понятия «культура»⁶⁴; вниманием преимущественно к различным формам социальных взаимодействий (групповым, личностным); приоритетом взгляда на события с позиции их участников. Применительно к нашему исследованию историко-антропологический подход был востребован в контексте анализа процесса формирования территориальной сибирской общности и её взаимодействия с другими социальными группами: этот процесс является частью выстраивания тех рамок, о которых писал М. Хальбвакс. Воспоминания о Н. М. Ядринцеве в массовом сознании и научном дискурсе охватывают не только его биографические данные, качества личности, специфику деятельности и отношение акцептора воспоминаний к ней, но и особенности политического и экономического состояния Сибири второй половины XIX в. Вместе с тем, эти воспоминания не содержат простую констатацию факта или установление причинно-следственных связей, но служат историческим обоснованием роли Н. М. Ядринцева в развитии сибирской культуры, формирования общественного мнения, вклада в региональную науку.

Обращение к исследовательскому опыту культурологов дало возможность актуализации понятия «памятник». Вслед за А. В. Святославским под памятником мы понимаем объект материальной действительности, который обладает мемориальными свойствами и аксиологическими смыслами⁶⁵. В этой трактовке к памятникам отнесём надгробие Н. М. Ядринцева на Нагорном кладбище в Барнауле, а также мемориальные доски, посвящённые герою нашего исследования, в Омске и Барнауле.

Обращение к текстам о лидере сибирского областничества предполагает их историко-лингвистический анализ. Вслед за Ф. Б. Шенком мы понимаем *дискурс* как корпус текстов, изображений и высказываний, связанных определённой содержательной согласованностью⁶⁶. Метод дискурсивного анализа применялся

⁶⁴ Кром М. М. Отечественная история в антропологической перспективе // Исторические исследования в России – II. Семь лет спустя. – М., 2003. – С. 190.

⁶⁵ Святославский А. В. История России в зеркале памяти. – С. 29.

⁶⁶ Шенк Ф. Б. Указ. соч. – С. 21.

нами для работы с разного вида источников: мемуаров, текстов периодической печати, визуальных и научных нарративов. Этапами дискурсивного анализа были: 1) выяснение автора источника, его близости (биографической, мировоззренческой, временной, территориальной) к Н. М. Ядринцеву; 2) анализ мотивов и замысла создания источника, что позволило выяснить реминисценции образа Н. М. Ядринцева на индивидуальном и групповом уровнях; 3) анализ содержания текстов позволил выявить специфические и универсальные характеристики образа Н. М. Ядринцева, а также проследить реакцию аудитории на коммеморацию лидера сибирского областничества

На основе историко-генетического метода нами производилась реконструкция образа Н. М. Ядринцева представителями каких-либо сообществ в различные исторические эпохи, механизмы его передачи и результаты присвоения. Начиная с наиболее ранних воспоминаний о герое нашего исследования, появившихся ещё при его жизни и сразу после смерти и заканчивая современными нам реминисценциями его образа, иллюстрирующими психологическое состояние социальных групп, нами учитывались мотивы и механизмы складывания культурной памяти, биографические данные или специфика формирования (в случае с социальной группой) её адресанта. Используя историко-функциональный и эволюционно-исторический методы, удалось осуществить анализ преемственности образа лидера сибирского областничества и его творческого наследия, раскрыть универсальные и специфические характеристики его образа в разных видах исторических источников, детерминировать устойчивость, или, напротив, хронологическую сменяемость ценностных доминант образа сибирского интеллигента.

Для выявления структурных элементов образа Н. М. Ядринцева, их характеристик и иерархии использовался историко-структурный метод. Выделение структурных компонентов поставило задачу исследования связей между ними для конструирования целостного образа героя нашего исследования.

Вместе с тем, нами анализировалось, какое содержание вкладывала каждая конкретная историческая эпоха в образ Н. М. Ядринцева.

Использование методов интеллектуальной и культурной истории не вступает в противоречие с такими традиционными методами исторического исследования, как принцип историзма, препятствующий механическому переносу в историческое прошлое современных представлений и приоритетов; принцип объективности, заключающийся в анализе объективных временных (цензура; господствующая идеология; активизация центробежных сил в государстве; смена власти; объективные экономические и социополитические потребности Сибири в конкретный период) и субъективно-личностных (степень близости к Н. М. Ядринцеву; политico-идеологическая ориентация адресанта) факторов, повлиявших на актуализацию воспоминаний и возникновение образа Н. М. Ядринцева.

Сравнительно-исторический метод исследования необходим для реконструкции мировоззрения социальных групп и сопоставления образов Н.М. Ядринцева, что позволяет выделить общее и повторяющееся, с одной стороны, и особенное, индивидуальное, с другой. Сравнительно-исторический метод также использовался нами для сопоставления маркеров воспоминаний внутри одной социальной группы, но в разные хронологические периоды, что обусловило выявление динамики образа Н. М. Ядринцева в научном дискурсе и массовом сознании россиян.

Метод реконструкции даёт возможность поиска и логического обоснования в разных группах источников целостного образа лидера сибирского областничества, а также выявления контекста его формирования и эволюции. Внутренняя реконструкция образа Н. М. Ядринцева заключалась в анализе воспоминаний о нём внутри одной социальной группы в разные исторические периоды и опиралась на сосуществование в культурной памяти фактов, разновременных по своему происхождению, что позволило выявить соотношение между ними в прошлом и настоящем. Внешняя реконструкция состояла в сличении образа Н. М. Ядринцева в культурной памяти разных социальных

групп, восстановлении наиболее ранних воспоминаний о лидере сибирского областничества, в процессе которого существенную роль играл историко-генетический метод.

В работе использованы хронологический и проблемно-хронологический принципы изложения материала.

Хронологические рамки исследования. История воспоминаний о Н. М. Ядринцеве начинается сразу после его смерти в 1894 г. с написания некрологов и опубликования слов соболезнования в газетах. Время его смерти совпало с началом формирования сибирской коллективной идентичности, выразившемся в создании текстов, обозначающих границы сообществ. С этого времени Н. М. Ядринцев занял прочное место в культурной памяти россиян. Верхняя хронологическая граница – 1994 г. – столетие со дня смерти лидера сибирского областничества. К этому времени получил развитие новый этап формирования коллективной сибирской идентичности, который сопровождался плюрализмом идеологий, популярностью идей неообластничества, переводами на русский язык работ зарубежных исследователей, посвящённых областнической тематике. Потребность исследования образа Н. М. Ядринцева на протяжении столетия (1894 – 1994 гг.) вызвана не только необходимостью полного рассмотрения памяти о герое нашего исследования, но и выделением в рамках заявленного периода этапов формирования культурной памяти, отражающих переоценку роли Николая Михайловича в истории.

Территориальные рамки исследования ограничиваются пределами сибирских городов: Омска (и расположенного в Омской области села Увало-Ядринского), Томска, Иркутска, Барнаула, Новосибирска. Выбор этих городов объясняется несколькими обстоятельствами. Названные города представляют исторические центры Сибири, иллюстрирующие динамику общественно-политической и научной мысли, представляя, тем единое социокультурное пространство, в котором доминирующим было русское население. Н. М. Ядринцев был биографически связан с этими сибирскими городами, в силу чего в

них прослеживаются процессы создания, уничтожения, реконструкции «мест памяти» Н. М. Ядринцева.

Источниковая база работы обусловлена выбором предмета исследования, поставленной целью и научными задачами. В основу классификации источниковой базы работы нами взят принцип классификации источников, предложенный С. О. Шмидтом⁶⁷.

1. Нarrативные источники.

Материалы периодической печати являются важнейшим источником для исследования массовых представлений, ментальных установок, ценностных ориентиров различных воображаемых (по Б. Андерсону) сообществ. Материалы периодической печати – комплексный исторический источник. На их страницах помещались художественные и публицистические тексты, официальные документы, мемуары и некрологи, информационные сообщения и письма читателей. Нами были востребованы такие виды источников, конструировавших образ известного сибирского областника, как: сибирские и центральные газеты, общественно-популярные и научные журналы. Доступность материалов прессы, злободневность освещаемых проблем, разнообразие представленных материалов (от художественных до статистических, новостных, официально-политических), – обусловили решающее воздействие газет и журналов на общественное мнение.

Высокая читаемость прессы позволяет сделать вывод о формировании и трансляции общественного мнения на её страницах. Для исследования образа Н. М. Ядринцева на страницах периодической печати нами были востребованы дореволюционные столичные и сибирские газеты и журналы областнического направления 1870–1910-х гг. Критериями отбора периодических изданий стали их идейная и мировоззренческая ориентация на освещение проблем Сибирского региона.

Центральное место среди сибирских дореволюционных газет занимает «Восточное обозрение», основателем и редактором которой был Н. М. Ядринцев,

⁶⁷ Шмидт С. О. О классификации исторических источников // Вспомогательные исторические дисциплины. – Вып. 16. – Л., 1985. – С. 3-24.

поэтому обращение к его имени в контексте рассмотрения проблемы формирования культурной памяти о нём происходило не только в связи с его биографическими годовщинами, но также в рамках утверждения публицистической традиции, преемственности газеты и её авторов начала XX в. центральной миссии сибирской периодической печати – «дать по возможности правдивую картину жизни Востока в её многообразных проявлениях, попытаться определить роль русской национальности на азиатском Востоке и её общечеловеческое признание, а также желая выразить нужды и потребности русского общества на окраине»⁶⁸. Ввиду цензурных ограничений «Восточное обозрение» не освещало суд и ссылку Н. М. Ядринцева и интерпретировало его областническую программу как направленную на культурную, а не на экономическую и политическую автономию Сибири. Высокая информативность для нашего исследования содержится в цикле статей Т. М. Фарафоновой «Из бумаг сибирского патриота», созданном в 1902–1904 гг. в рамках работы автора в музее ВСО ИРГО над письмами и рукописями Н. М. Ядринцева по поручению Г. Н. Потанина⁶⁹. Кроме того, «Восточное обозрение» публиковало статьи по истории, географии, этнографии Сибири, фельетоны и рассказы, которые тоже внесли значительный вклад в формирование образа Н. М. Ядринцева.

Упоминания о Н. М. Ядринцеве содержатся в дореволюционных газетах «Восточное обозрение», «Русские ведомости», «Степной край», «Сибирский вестник», «Сибирская жизнь», «Сибирская газета», «Сибирская мысль», «Речь Алтая», «Время», «Пермские губернские ведомости», «Новое время», «Томский листок», «Русские ведомости», «Утро Сибири» и связаны, в первую очередь, с годовщинами его смерти.

Другим институтом формирования культурной памяти о Н. М. Ядринцеве стали «толстые» журналы, которые со второй половины XIX в. были «властителями дум» русской образованной публики.

⁶⁸ От редакции // Восточное обозрение. – 1882. – № 1. – С. 1.

⁶⁹ РГАЛИ. Ф. 163. Оп. 1. Д. 215. Л. 1.

Мы обращались к посмертным публикациям о Н. М. Ядринцеве столичных и сибирских ежемесячных и еженедельных журналов, выявленных нами благодаря библиографическому указателю «Тема Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в.»⁷⁰. Материалы столичных журналов о лидере сибирского областничества представлены некрологами, мемуарами о нём, публикацией его текстов и рецензий на них, публицистическими очерками о его жизни и деятельности, портретами Н. М. Ядринцева. Нами были востребованы дореволюционные журналы «Нива», «Журнал министерства народного просвещения», «Этнографическое обозрение», «Известия ВСО ИРГО», «Северный вестник», «Сибирский сборник», «Ежемесячные сочинения», «Образование», «Сибирский торгово-промышленный календарь», «Сибирь», «Всемирная иллюстрация», «Сибирский студент», «Сибирский вестник», «Сибирские вопросы», «Современный мир», «Сибирские записки», «Сибирский рассвет», «Голос минувшего» обращение к образу Н. М. Ядринцева в которых иллюстрирует процесс формирования сибирской коллективной идентичности.

Периодическая печать советской эпохи представлена газетами и журналами тех регионов Сибири, которые связаны с биографией Н. М. Ядринцева и местами памяти о нём, а также изданиями, имеющими общесибирское распространение. К имени Н. М. Ядринцева обращались газеты «Рабочий путь», «Алтайская правда», «Омская правда», «Молодой сибиряк», «Вечерний Омск», «Вечерний Барнаул» и журналами «Советская печать», «Советская Сибирь», «Алтай», «Простор», «Сибирь», «Байкал», «Сибирские огни». Научные работы были опубликованы в академических изданиях «Проблемы истории докапиталистических обществ», «Известия Иркутского научного музея», «Вопросы русской и зарубежной литературы», «Вопросы языка и литературы», «Известия СО АН СССР», «Известия Новосибирского отдела Географического общества СССР», «Фольклор и литература Сибири», «Наука в Сибири», «Вопросы географии Сибири». Большую роль в формировании образа Н. М. Ядринцева сыграли журналы

⁷⁰ Тема Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в.: библиографический указатель / под ред. Н. Н. Родгиной. – Новосибирск, 2014. – 388 с.

«Сибирские огни», «Байкал» и «Алтай» как имеющие общесибирское распространение и просуществовавшие долгий период времени. Наиболее ранним из них стали «Сибирские огни», издававшиеся с 1922 г. в Новониколаевске. В 1920-е гг. цензура была ещё довольно мягкой, и издание содержало материалы, носящие областническую окраску. В 1928 г. журнал был обвинён в «сменовеховском национализме» и «областничестве», изменён состав редакции и к 1930-м гг. те, кого называли классовыми врагами, или исчезли из печатавшихся в журнале материалов, или подверглись критике. Журналы «Алтай» и «Байкал» ведут свою историю с 1947 г. и, как и «Сибирские огни», содержат литературно-художественные материалы о Сибири и её знаменитых деятелях. Нами был осуществлён сплошной просмотр «толстых» журналов, что позволило выявить динамику образа Н. М. Ядринцева на их страницах.

Газеты «Третья столица», «Омская правда», «Свободный курс», «Вечерний Омск», «Вечерний Новосибирск», «Новое обозрение», «День за днём в Омске», «Вечерний Барнаул», «Алтайская правда», «Томский вестник» и рассчитанные на широкую читательскую аудиторию журналы «Вестник культуры», «Дело молодое», «Сибирская старина», также периодические академические издания «Гуманитарные науки в Сибири», «Культурологические исследования в Сибири», «Финансы в Сибири» представляют разнообразные прочтения образа Н. М. Ядринцева в постсоветской периодической печати. Для нашего исследования материалы периодической печати имеют большое значение, поскольку отражают эволюцию массовых представлений о Н. М. Ядринцеве в политико-идеологическом контексте их создания.

Монографии и научные статьи историков, этнографов, литературоведов, специалистов по истории журналистики, географов. Критерием отбора академических текстов послужило наличие в них информации о Н. М. Ядринцеве и соответствие жанру научного исследования. Для анализа историографической ситуации нами была востребована модель, разработанная В. П. Корзун, предложившей комплексное рассмотрение профессиональных текстов историков не только с позиции создаваемого ими нарратива, но и в контексте динамики

советской идеологии и социального пространства, корпоративных интересов и мотивов отдельных представителей⁷¹.

Дореволюционные работы историков о Н. М. Ядринцеве представлены его биографиями, написанными М. Лемке и Б. Б. Глинским по поручению Г. Н. Потанина и других областников. Создание посмертных биографий Н. М. Ядринцева преследовало двойную цель: с одной стороны, требовалось нивелировать факт его самоубийства, не потеряв авторитета областничества, с другой – необходимо было обзавестись собственным «мучеником», который ушёл из жизни, не увидев надежды в сибирской действительности.

Исторический дискурс периода 1917–1940-х гг., в основном, выражен публикациями историков в «толстых» журналах. Публикации исторических трудов в периодической печати были вызваны, во-первых, удобством такой формы для полемики, в том числе, привлечения в неё общественного мнения; во-вторых, потребностью подать исторический материал, пока он не устарел: в указанные хронологические рамки смена идеологий, цензурные ограничения происходили стремительно. Образ Н. М. Ядринцева в исторических публикациях рассматривался в рамках областнического дискурса, поэтому значительное влияние на его содержание оказали мировоззренческие позиции авторов. Авторы, разделявшие позиции областников (Н. Н. Козьмин, С. Жидиловский, В. К. Крутовский), а также историки – революционеры (М. К. Ветошкин, Н. А. Рожков, Г. В. Круссер) отмечали положительные итоги деятельности Н. М. Ядринцева в развитии сибирского общественного сознания, популяризации культуры азиатской России, формирования патриотизма в Сибири⁷². Для этих работ, создававшихся в период революционных потрясений, характерно присвоение

⁷¹ Корзун В. П. Образы исторической науки на рубеже XIX – XX вв. – Екатеринбург-Омск, 2000; Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. / под ред. В. П. Корзун. – М., 2011.

⁷² Козьмин Н. Н. Областничество // Сибирские записки. – 1918. – № 1; Ландарма. По поводу писем Н. М. Ядринцева // Сибирские записки. – 1916. № 2; Жидиловский С. Николай Михайлович Ядринцев. Краткая биография-характеристика // Сибирский рассвет. – 1919. – № 9; Крутовский В. М. Областное обозрение // Сибирские записки. – 1917. – № 3; Он же. Из истории сибирского областничества // Сибирские записки. – 1917. – № 3; Ветошкин М.К. Сибирское областничество // Современный мир. – 1913. – № 3; Рожков Н. А. Исторический эскиз // Сибирский студент. – 1915. – № 1-2; Круссер Г. В. Сибирское областничество по данным следственной комиссии 1865 г.// Известия Западно-Сибирского Русского географического общества. – Т. IV. – Вып. 1. – Омск, 1924.

образа Н. М. Ядринцева с целью пропаганды социалистических, леворадикальных идей.

После окончания Гражданской войны, установления цензуры и оформления единой концепции исторической науки, направленной на историческое обоснование и укрепление советской власти, сохраняется тенденция рассмотрения образа Н. М. Ядринцева в рамках областнического дискурса. Меняются акценты: в 1920 – 1940-е гг. приоритетным направлением исследований стало рассмотрение областничества с позиций классового подхода. В связи с этим появляется большое количество работ, Н. М. Ядринцева за его взгляды по отношению к буржуазии, уход от революционной деятельности (началом которой считалось написание прокламации «Патриотам Сибири») к общественной, литературной и научной. К исследованиям, выполненным в таком ключе, относятся работы В. Д. Вегмана, Г. В. Круссера, Н. Ф. Чужака (Насимовича), В. И. Николаева, В. А. Ватина, М. А. Гудошникова, А. Терентьева, Н. Степанова, С. Г. Сватикова⁷³.

Основными вопросами, обсуждавшимися исторической наукой в рамках конструирования образа Н. М. Ядринцева, стали проблемы возникновения и сущности областнической идеи; установления подлинного авторства прокламации «Патриотам Сибири»; взглядов лидера областничества на проблемы колонизации Сибири; влияния пореформенной эпохи на формирование мировоззрения Н. М. Ядринцева; социально-классовые и хозяйствственные взгляды героя нашего исследования. В рамках обозначенной тематики написаны исследования Л. М. Горюшкина, Н. Н. Яновского, П. П. Косенко, Я. Р. Кошелева,

⁷³ Вегман В. Д. Областнические иллюзии, рассеянные революцией // Сибирские огни. – 1923. – № 3; Круссер Г. В. Сибирское областничество по данным следственной комиссии 1865 г.// Известия Западно-Сибирского Русского географического общества. – Т. IV. – Вып. 1. – Омск, 1924; Чужак Н. Ф. О сибирской и иносибирской интеллигенции // Сибирский архив. – 1913. – № 5; Он же. Старое и новое (Открытое письмо Е. Е. Колосову) // Багульник. – 1916. – № 2; Он же. К подлинному лицу областничества // Забайкальское обозрение. – 1916. – 14 марта. – № 10–11; Николаев В. И. Сибирская печать и политическая ссылка // Каторга и ссылка. – 1928. – № 4,6; Ватин В. А. Юбилей Потанина и молодая Сибирь // Сибирский архив. – 1915. – № 12; Гудошников М. А. Классовая природа областничества // Будущая Сибирь. – 1931. – Кн. 1; Терентьев А. Н. М. Ядринцев // Сибирские огни. – 1934. – № 6; Степанов Н. П. А. Словцов (у истоков сибирского областничества). – Л., 1935; Сватиков С. Г. Россия и Сибирь (к истории сибирского областничества в XIX веке). – Прага, 1930.

Н. А. Лапина, Р. Г. Круссера, В. К. Коржавина, С. Ф. Коваля, Н. П. Митиной⁷⁴. Помимо упомянутых вопросов, в исследованиях М. В. Шиловского, М. Б. Шейнфельда, М. Г. Сесюниной, В. Г. Мирзоева составлена областническая историография Сибири второй половины XIX – начала XX вв.⁷⁵. Следует отметить, что, в отличие от периода 1920–1940-х гг., общий тон исследований стал менее критическим. Эволюция репрезентаций Н. М. Ядринцева в работах советских историков объясняется как «оттепелью» в культурной (в том числе, исследовательской) жизни государства, так и исключением необходимости тотальной критики дореволюционной эпохи, как следствия сплочения и формирования собственной, советской, идентичности после Великой Отечественной войны. В контексте основного тезиса нашего исследования о «присвоении» образа Н. М. Ядринцева «мы-группами», нами отмечена тенденция поиска черт марксистской идеологии в мировоззрении лидера сибирского областничества в трудах историков 1950 – 1980-х гг.

Дореволюционный научный интерес к исследованиям Н. М. Ядринцева проявился при его жизни в контексте работ, посвящённых этнографии и географии Сибири. Мотивами обращения к имени Н. М. Ядринцева для А. Н. Пыпина, А. Н. Седельникова, Т. П. Белопогого, П. Н. Столпянского, В. А.

⁷⁴ Горюшкин Л. М. Место Сибири в России в период капитализма // Исторический опыт освоения Сибири. Бахрушинские чтения. – Новосибирск, 1986. – С. 37 – 50; Коржавин В. К., Мирзоев В. Г., Яновский Н. Н. К характеристике сибирского областничества // Сибирские огни. – 1971. – № 12. – С. 138 – 151; Он же. Неопубликованные ранее произведения Н. М. Ядринцева // Алтай. – 1984. – № 4. – С. 126 – 128; Косенко П. П. Скрещение судеб // Простор. – 1981. – № 1. – С. 84 – 112; Кошелев Я. Р. Новое о Ядринцеве // Из истории культуры Сибири. – Томск, 1966. – С. 65 – 115; Лапин Н. А. Сибирское крестьянство в трудах Н. М. Ядринцева // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири: доклады и сообщения научной конференции по истории сельского хозяйства и крестьянства Урала и Западной Сибири 10-12 июня 1965 г. / Учёные записки. – Сборник 38. – Свердловск, 1966. – С. 191 – 203; Он же. Революционное движение 60-х гг. XIX в. в Западной Сибири. – Свердловск, 1967; Круссер Р. Г. Политическая ссылка и «Восточное Обозрение» 80-х – начала 90-х гг. XIX в. / Из истории общественно-политической жизни Сибири. – Томск, 1981. – С. 3 – 17; Коржавин В. К. Н. М. Ядринцев и проблема присоединения и заселения Сибири // Известия СО АН СССР. Общественные науки. – Вып. 3. – № 11. – С. 69 - 77; Он же. Ядринцев как исследователь сибирского крестьянства // Известия Новосибирского отдела Географического Общества СССР. – 1973. – Вып. 6. – С. 159 – 166; Он же. Ядринцев и сибирская буржуазия // Уч. записки Кемеровского пед. института. – 1973. – Вып. 33. – С. 45 – 68; Коваль С. Ф. За правду и волю. – Иркутск, 1966; Митина Н. П. Революционное движение в Сибири в канун восстания политических ссыльных на Кругобайкальской дороге // Ученые записки института Востоковедения АН СССР. – М., 1965. – Т. 29.

⁷⁵ Шиловский М. В. Вопросы историографии и социально-политическое развитие Сибири (XIX – XX вв.). – Красноярск, 1978; Шейнфельд М. Б. Историография Сибири (конец XIX – начало XX вв.). – Красноярск, 1973; Сесюнина М. Г. Г. Н. Потанин и Н.М. Ядринцев – идеологи сибирского областничества (к вопросу о классовой сущности сибирского областничества второй половины XIX в.). – Томск, 1974; Мирзоев В. Г. Историография Сибири (дореволюционный период). – М., 1970; Горюшкин Л. М. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX вв.). – Новосибирск, 1984;

Долгорукого стало его членство в Западно-Сибирском Отделе Императорского Русского Географического Общества и экспедиции в рамках его исследовательской работы⁷⁶. По поручению Г. Н. Потанина после смерти Н. М. Ядринцева Т. Фарафонтова начала исследование его рукописей, часть из которых была опубликована в 1902–1904 гг. в газете «Восточное обозрение»⁷⁷; на основе источников, отражающих географический, этнографический, антропологический, социально-исторический поиск, автором были выпущены работы, посвящённые Ядринцеву-исследователю⁷⁸.

Исследования о Н. М. Ядринцеве 1917–1940-х гг. в рамках этнографического дискурса представлены краткими сообщениями о нём как участнике экспедиций по поручению Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества, которое после революции стали именовать Государственным Русским Географическим обществом. К числу этнографических работ, написанных в этот период, относятся «Очерк пятидесятилетней деятельности Западно-Сибирского Отдела Государственного Русского Географического Общества» В. Ф. Семёнова, «Всесоюзное географическое общество за сто лет: 1845 – 1945» Л. С. Берга и заметка под инициалами Б. Р. «Праздник краеведов Западной Сибири» в газете «Рабочий путь», М. Г. Худякова⁷⁹. Таким образом, источники о Ядринцеве-этнографе за период 1917–1940-х гг. содержат лишь фрагментарные упоминания о нём, что, очевидно, было связано с политико-идеологическими причинами.

В 1950–1980-е гг. тема Н. М. Ядринцева-этнографа не вызывала специального интереса исследователей и рассматривалась как этап становления

⁷⁶ Пыпин А. Н. История русской этнографии. Т. IV: Белоруссия и Сибирь. – СПб., 1892. – С. 373 – 377; Седельников А. Н., Белопогов Т. П., Столпянский П. Н. Восточная часть Киргизского края // Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. – СПб., 1903. – С. 343 – 435; Путеводитель по всей Сибири и Среднеазиатским владениям России / под ред. В. А. Долгорукого. – Томск, 1895. – С. 325 – 330.

⁷⁷ РГАЛИ. Ф. 163. Оп. 1. Д. 215. Л. 1.

⁷⁸ Фарафонтова Т. Н. М. Ядринцев. Омск, 1902; Она же. Н. М. Ядринцев // Юбилейный сборник Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества. – Омск, 1902. – С. 1 – 22.

⁷⁹ Семёнов В. Ф. Очерк пятидесятилетней деятельности Западно-Сибирского Отдела Государственного Русского Географического Общества. – Омск, 1927; Берг Л. С. Всесоюзное географическое общество за сто лет: 1845 – 1945. – М. – Л., 1946; Б. Р. Праздник краеведов Западной Сибири // Рабочий путь. – 1928. – 10 января. – С. 4; Худяков М. Г. Дореволюционное сибирское областничество и археология // Проблемы истории докапиталистических обществ. – 1934. – № 9 – 10. – С. 135 – 143.

этнографической науки в России. В связи с этим упоминания его имени встречались в справочниках по советской этнографии и в периодической печати⁸⁰.

Вопросами фундаментальной сибирской этнографии занимались Н. А. Томилов и И. В. Захарова, которые рассматривали исследовательскую и экспедиционную деятельность Н. М. Ядринцева в рамках периодизации этнографической науки в Сибири⁸¹. Н. М. Ядринцев как этнограф указан в справочнике Н. К. Гацунаева «Географы и путешественники» и в «Энциклопедии знаменитых россиян» Е. А. Грушко⁸².

Литературный дискурс о Н. М. Ядринцеве в дореволюционный период связан, в первую очередь, с газетой «Восточное Обозрение». Именно в нём было опубликовано наибольшее количество литературных публицистических, художественных и поэтических текстов лидера областничества как при его жизни, так и посмертно. Дореволюционных работ, ставящих целью освещение литературного творчества Н. М. Ядринцева, нами не выявлено. О его писательской деятельности как средстве пробуждения общественной мысли Сибири упоминалось в журналах («Сибирский рассвет», «Сибирский студент», «Сибирские записки») 1915–1919 гг.

Основной корпус источников, раскрывающих образ Ядринцева-литератора был создан в период 1950–1980-х гг. К ним относятся исследования Н. Н. Яновского, А. Г. Кандеевой, Г. П. Раппопорта, Е. Г. Раппопорта, Н. А. Атамановской, Е. Ю. Хваленской, Н. Кондратьева, Е. А. Кукиной, Б. А. Чмыхало, В. П. Трушкина, Т. М. Назарянц, Ю. С. Постнова, Н. Е. Меднис, Н. О.

⁸⁰ Наумов Г. В. Русские географические исследования Сибири в начале XIX – начале XX в. – М., 1965. – С. 61; Фиалков Д. Н. Из тьмы забвения // Омская правда. – 1992. – 3 ноября. – С. 2; Трухин Г. Исследователи Сибири // Вечерний Омск. – 1980. – 27 октября. – С. 3; Камбалов Н. Путешественник, краевед, публицист // Алтайская правда. – 1964. – 1 ноября. – С. 3; Скворцова Р. Вторая экспедиция Н.М. Ядринцева на Алтай // Страницы из истории Алтая. – Барнаул, 1971. – С. 63 – 65.

⁸¹ Томилов Н. А. Омская этнографическая наука и проблема её периодизации // Вестник Омского университета. – 1999. – Вып. 2. – С. 68 – 72; Захарова И. В., Томилов Н. А. Этнографические научные центры Западной Сибири середины XIX – начала XXI вв. Омский этнографический центр. – Омск, 2007; Захарова И. В., Томилов Н. А. Этнографическая наука в Омске: истоки, история и современное состояние // Народы Сибири и сопредельных территорий. – Томск, 1995.

⁸² Гацунаев Н. К. Географы и путешественники. – М., 2001. – С. 566 – 568; Грушко Е. А. Энциклопедия знаменитых россиян. – М., 2001. – С. 649.

Шаракшиновой⁸³. Специфика этих текстов заключается в стремлении исследователей осветить литературный процесс в Сибири, выявить его специфику, основные темы, формы обнародования литературных произведений.

Формой коммемораций о Н. М. Ядринцеве выступает также переиздание его исследовательских, публицистических, художественных текстов. Нами была составлена библиография работ Н. М. Ядринцева с целью выявления временных периодов, в которые они были наиболее востребованными. Переиздания текстов героя нашего исследования часто сопровождались вступительными и пояснительными статьями, иллюстрациями и фотографиями Н. М. Ядринцева, воспоминаниями современников о нём, что позволило расширить источниковую базу диссертации.

Резюмируя, отметим, что исследовательские тексты в рамках этнографического, исторического, литературного дискурсов, в отличие от массового сознания, конструирующего культурную память в рамках большой территориальной «мы-группы» («сибиряки»), иллюстрируют отношение интеллигентии к общественно-политическому и научному наследию Н. М.

⁸³ Яновский Н. Н. Верность. – Новосибирск, 1984; Он же. Из малоизвестных рассказов Н. М. Ядринцева // Алтай. – 1978. – № 1. – С. 66 – 69; Он же. «Я – жизнь свою даю!..» // Алтай. – 1980. – № 4. – С. 61 – 66; Кандеева А. Г. О литературно-публицистической деятельности Н. М. Ядринцева // Фольклор и литература Сибири. – Омск, 1976. – 66-99; Она же. Общественная и литературная деятельность Н. М. Ядринцева пер. пол. 60-х гг. XIX в. // Вопросы русской и советской литературы Сибири / под ред. В. Г. Однокова. – Новосибирск, 1971. – С. 130 – 145; Она же. Общественная и литературная деятельность Н. М. Ядринцева пер. пол. 60-х гг. XIX в. // Вопросы русской и советской литературы Сибири / под ред. В.Г. Однокова. – Новосибирск, 1971. – С. 130-134; Раппопорт Г. П. Страницы литературного прошлого Алтая. – Барнаул, 1958. – С. 31 – 39; Раппопорт Е. Г. Н. М. Ядринцев/ Раппопорт Е. Г. Литературная Сибирь. Писатели Восточной Сибири. – Иркутск, 1971; Он же. Рукопись считалась утерянной. – Иркутск, 1967; Атамановская Н. А. О фельетонах Н. М. Ядринцева // Уч. записки Барнаульского пед. института. – 1966. – Т. 6. – Вып. 1. – С. 45 – 62; Хваленская Е. Ю. Фельетоны Н. М. Ядринцева в сибирской печати 70 – 80-х гг. XIX в. // Вопросы языка и литературы. – Новосибирск, 1969. – Вып. 3. – Ч. 1. – С. 144 – 152; Кондратьев Н. К истории альманашной и журнальной прессы в Сибири / Сибирь. – 1973. – № 3. – С. 118 – 124; Куклина Е. А. Идейно-эстетическая роль фольклора в поэзии Н. М. Ядринцева // Взаимодействие литературы народов Сибири и Дальнего Востока / под ред. Г. И. Ломидзе, Р. Ф. Юсуфова. – Новосибирск, 1983. – С. 263 – 270; Она же. Идеи преобразования Сибири в поэтическом творчестве Н. М. Ядринцева // Вольная поэзия в Сибири. – Новосибирск, 1977. – С. 52 – 62; Чмыхало Б. А. Н.М. Ядринцев и Г. Н. Потанин как теоретики «сибирской литературы» в 70-е гг. XIX в. // Развитие литературно-критической мысли в Сибири / под ред. Л. П. Якимовой. – Новосибирск, 1986. – С. 57 – 75; Он же. Н. М. Ядринцев и вопросы «сибирской литературы» // Очерки литературной критики Сибири / под ред. Л. П. Якимовой. – Новосибирск, 1987. – С. 18 – 28; Трушкин В. П. Литературная Сибирь первых лет революции. – Иркутск, 1967; Назарянц Т. М. К характеристике просветительских взглядов Н. М. Ядринцева (60-е – нач. 70-х годов XIX в.) / Вопросы русской и советской литературы Сибири / под ред. В. Г. Однокова. – Новосибирск, 1971. – С. 146 – 163; Постнов Ю. С. Н. М. Ядринцев – литературовед и критик // Литературные очерки. – Новосибирск, 1985. – С. 157 – 174; Он же. Русская литература Сибири первой половины XIX в. – Новосибирск, 1970; Меднис Н. Е. Поэтика литературно-критических статей Н. М. Ядринцева // Литературная критика в Сибири / под ред. Л. П. Якимовой. – Новосибирск, 1988. – С. 130 – 138; Шаракшина Н. О. Вопросы фольклора в кругу научных интересов Н. М. Ядринцева // Проблемы востоковедения в трудах учёных Восточной Сибири. – Иркутск, 1980. – С. 29 – 30.

Ядринцева. Создание научных текстов о Н. М. Ядринцеве в 1894 – 1994 гг. характеризуется эволюционностью, обусловленной как особенностями идеологических и цензурных рамок, так и восприятием интеллигентами самих себя как преемников дореволюционных исследователей, или противоположной им социальной группы.

Источники личного происхождения – воспоминания о Н. М. Ядринцеве Г. Н. Потанина, А. Круглова, Н. Левина, И. И. Наумова, Д. А. Клеменца, Н. Михайловского, А. Головачёва, С. Н. Южакова, Я. Смолева, В. Крутовского, С. Швецова, И. И. Попова, И. П. Белоконского, В. В. Богданова, Д. Поникаровского, В. Острогорского, В. И. Семевского, Н. А. Ошуркова. Помимо воспоминаний, к источникам личного происхождения относятся воспоминания Н. М. Ядринцева о событиях своей жизни («К моей автобиографии» и «Опыты биографии») и эпистолярное наследие⁸⁴.

Нами выявлены особенности воспоминаний современников о Н. М. Ядринцеве, повлиявшие на содержание компонентов его образа. Большая часть воспоминаний была написана и опубликована вскоре после смерти Николая Михайловича, поэтому содержит оттенок скорби, эмоциональной наполненности. Авторы мемуаров могут быть отнесены к одной социальной группе – интеллигенции, многие представители которой подвергались гонениям со

⁸⁴ Потанин Г. Н. Воспоминания. Ядринцев//Сибирская жизнь. – Томск. – 1913. – № 98, 103, 109, 114; Потанин Г.Н. Николай Михайлович Ядринцев. Некролог // Этнографическое обозрение. – 1894. – № 4. – С. 154 – 157; Круглов А. Воспоминания о Н.М. Ядринцеве // Новости. – 1894. – № 166. – С. 1; Левин Н. Памяти хорошего человека // Восточное обозрение. – Иркутск, 1894. – № 89; Н.И. Наумов: письма Г.Н. Потанину / Сибирский сборник. – 1895. – Вып. 4; Михайловский Н. К характеристике Н.М. Ядринцева // На сибирские темы: сб. в пользу Том. Воскрес. школ и Гоголевского народного дома. – Спб., 1905. – С. 57-61; Головачев А. Воспоминания о друге молодёжи // Восточное обозрение. – 1896. – № 56-58; Головачев А. Ядринцевские четверги // Сибирская жизнь. – 1902. – № 234; Южаков, С. Н. Памяти Н. М. Ядринцева // На сибирские темы: сб. в пользу Томских воскресных школ и Гоголевск. нар. дома. – СПб, 1905. – С. 62-68; Крутовский, В. Из истории одной дружбы. Н. М. Ядринцев – Г. Н. Потанин: очерк // Сибирские записки. – 1919. – № 2. – С. 11-22; Крутовский, В. Отрывки из воспоминаний о Н. М. Ядринцеве // Там же. – С. 36-45; Крутовский, В. Ученые труды Николая Михайловича Ядринцева // Там же. – С. 65-70; Швецов, С. Тени прошлого. Отрывки из воспоминаний Н. М. Ядринцева // Альманах «Утренники». – Кн. 1. – СПб., 1922. – С. 99-100; Попов, И. И. Памяти друга Сибири // Сибирь. – Иркутск, 1914. – № 126; Д.П. Воспоминания о Николае Михайловиче Ядринцеве / Сибирский сборник. – 1896. – Вып. 1. – С. 189 – 214; Гурьев, Н. Николай Михайлович Ядринцев: некролог / предисл. В. Острогорского, воспом. Г. Потанина. – М., 1895; Острогорский, В. Памяти Н. М. Ядринцева // Восточное обозрение. – Иркутск, 1894. – № 104, 105; Семевский, В. И. Несколько слов в память Н. М. Ядринцева // Русская мысль. – 1895. – Кн. 1. – С. 29-37; ТОКМ. Оп. 14. № 24. Л. 2-7; ТОКМ. Оп. 14. № 24. Л. 48 – 51, 58, 59; Письма Н. М. Ядринцева к А. А. Ионину // Сибирский архив. – 1914. – № 5. – С. 221-227; Письма Николая Михайловича Ядринцева Г. Н. Потанину (с 20 февраля 1872 г. по 8 апреля 1873 г.) // Сибирские записки. – Красноярск, 1918. – Вып. 1. – С. 8-232; Письма Н. М. Ядринцева: Д. А. Поникаровскому, 1880-1888 гг. / публ. Р. С. Скворцовой] // Алтай. – Барнаул, 1969. – № 4. – С. 124-131; ГАИО. Ф. 295. Оп. 1. Д. 141. Л. 1.

стороны власти (арестам, политической ссылке). Г. Н. Потанин, В. Крутовский, И. П. Белоконский, Н. А. Ошурков разделяли его областнические взгляды, многие были публицистами и сотрудничали с ним в газете «Восточное Обозрение». Часть воспоминаний (Н. Левина, Я. Смолева, В. В. Богданова, В. И. Семевского) связана с этнографической деятельностью Н. М. Ядринцева и позволяет реконструировать картины его экспедиционной и исследовательской работы.

Воспоминания современников о Н. М. Ядринцеве позволяют раскрыть моменты его биографии, реконструировать социальные роли в разные периоды его жизни. Анализ биографий авторов мемуаров позволяет сделать вывод о том, что большинство из них стали знакомы с Н. М. Ядринцевым со второй половины 1880-х гг. в рамках сотрудничества в газете «Восточное обозрение». Большая часть воспоминаний была опубликована в периодической печати, что позволяет вывести работу на уровень анализа не только индивидуальных, но и массовых представлений о Н. М. Ядринцеве.

Делопроизводственная документация об открытии мемориальных досок, переименовании улиц, присвоения имени Н. М. Ядринцева культурным учреждениям и географическим объектам, причислении «ядринцевских» мест к объектам культурного наследия (Постановления исполнительных органов власти, распоряжения) позволяет выяснить роль государства в процессе коммемораций Н. М. Ядринцева. Востребованная нами делопроизводственная документация находится в фондах государственных архивов: Российского государственного исторического архива (РГИА); Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ); Исторического архива Омской области (ИАОО); Государственного архива Иркутской области (ГАИО); Государственного архива Томской области (ГАТО). К числу неопубликованных источников относится делопроизводственная документация по делу областников, документы по истории наименований и переименований топонимических объектов, некоторые работы Н. М. Ядринцева, а также некоторые источники личного происхождения.

Справочно-энциклопедические издания отражают академическое прочтение образа Н. М. Ядринцева и включают статьи в энциклопедии Брокгауза и Ефона,

в «Сибирской энциклопедии», «Большой советской энциклопедии», региональных справочно-энциклопедических изданиях⁸⁵. Статьи в таких источниках могут быть как посвящены Н. М. Ядринцеву, так и включать его имя в контексте повествования об областничестве.

2. Визуальные источники представлены изображениями Н. М. Ядринцева в дореволюционных⁸⁶, советских⁸⁷ и современных⁸⁸ периодических и академических изданиях. Портрет Н. М. Ядринцева работы А. В. Евреинова хранится в Иркутском областном художественном музее. Большую роль в исследовании визуального образа Н. М. Ядринцева сыграли описания его портретов, представленные Н. Н. Козьминым, М. К. Лемке, С. П. Швецовым и М.

⁸⁵ Ядринцев, Николай Михайлович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефона: в 86 т. – Т. 41. – С. 501; Ядринцев Н. М. // Большая советская энциклопедия. – М., 1957. – Т. 49. – С. 485–486; Николай Михайлович Ядринцев (150 лет со дня рождения) // Приангарье: годы, события, люди. – Иркутск, 1992. – С. 42 – 46; Ядринцев Н.М. (1842 – 1894) // Литературная Сибирь. Писатели Восточной Сибири /сост. В. П. Трушкин. – Иркутск, 1971. – С.53 – 56;

Ядринцев Н.М. (1842 – 1894) // Литературная Сибирь: Критико – библиогр. словарь писателей Вост. Сибири / сост.: В.П. Трушкин, В.Г. Волкова – Иркутск, 1986. – С. 124 – 128; Ядринцев Н.М. // Иркутская летопись, 1661 – 1940 гг. /сост. Ю.П. Колмаков – Иркутск, 2003. – С. 73, 89, 102, 110, 149, 239, 264, 379, 382, 486; Ядринцев Николай Михайлович // Северо-Казахстанская область. Энциклопедия. Алматы, 2004. С. 604; Стож М. Е. Ядринцев Николай Михайлович // Стож М. Е. Словарь: В 4 ч. / М. Е. Стож. – Иркутск, [1911]. – Ч. 1: Писатели, поэты и учёные. – С. 17, 32; Утробина Т. Г. Ядринцев Николай Михайлович / Т. Г. Утробина, Н. А. Яковleva // Энциклопедия Алтайского края: В 2 т. – Барнаул, 1997. – Т. 2. – С. 423–424; Яновский Н.Н. Ядринцев // Краткая литературная энциклопедия. – М.: Сов. энцикл., 1962—1978. — Т. 9. — С. 801—802; Ядринцев, Николай Михайлович // Томск от А до Я. Краткая энциклопедия города / под ред. Н. М. Дмитриенко. Томск, 2004. – С. 429 – 430.

⁸⁶ Брож, К. О. Портрет Н.М. Ядринцева (с фотографии В. Павловского) // Всемирная иллюстрация. – Т. 51. – № 1325. – С. 416; Николай Михайлович Ядринцев. Фотография В. Павловского // Юбилейный сборник Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества. Цветная вклейка между с. III – IV; Шатилов М. Б. На славном посту // Сибирский студент. – 1915. – С. 43; Портрет Н. М. Ядринцева // Путеводитель по всей Сибири и Среднеазиатским владениям России / под ред. В. А. Долгорукого. – Томск, 1895. – С. 327; Н. М. Ядринцев. С фотографии Н. Чарушина // Лемке М. Н. М. Ядринцев: очерк к 10-летию со дня кончины. – СПб., 1904. – Между с. 112 – 113.

⁸⁷ Николай Михайлович Ядринцев. 70-е годы XIX в. // Литературное наследство Сибири. – Новосибирск, 1979. – Цветная вклейка между с. 128 – 129; Н.М. Ядринцев. Петербург, 1875 г.; Там же. Редакция газеты «Восточное обозрение» // Литературное наследство Сибири. – Новосибирск, 1979. – Цветная вклейка между С. 304 – 305; Н.М. Ядринцев. Снимок 90-х годов XIX века; Там же. Н. М. Ядринцев во время экспедиции. 1891 г. // Литературное наследство Сибири. – Новосибирск, 1979. – Цветная вклейка между с. 320 – 321; Там же. Могила Н. М. Ядринцева в день открытия памятника в Барнауле, 7 июня 1900 г.; Там же. Бюст на могиле Н. М. Ядринцева (фрагмент памятника); Там же. Фото А. А. Позднякова, 1978.

⁸⁸ Фото П. А. Милевского. М. Я. Писарев, Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин, М. В. Загоскин, А. П. Нестеров. 1890-е гг. (из архива редакции) // Свободный курс. – 2015. – 3 апреля. [Электронный ресурс]. URL: <http://altapress.ru/story/154828> (Дата обращения: 12.07.2015); Долгушин А. Имя в строке истории // Омская правда. – 2001. – 17 января. – С. 7; Мордкевич Т. П. Имя на карте Омской области // Вестник культуры. – 2014. – № 1. – С. 6; Кандеева А. Г. «Провинция – будущее!» // Новое обозрение. – 1991. – 12 апреля. – С. 7; Раннинен И. История Омской области в лицах // Дело молодое. – 2007. – № 1. – С. 82; Из XVIII в. – в век XXI: история Омска: историко-краеведческий альбом / сост. Н. А. Миненко, В. Г. Рыженко. – СПб., 2006. – С. 166; Старый Омск: Начало XVIII – начало XX в.: иллюстрированная хроника событий / сост. П. П. Вибе, Т. М. Назарцева и др. – Омск, 2006. – С. 76.

Ф. Вольской-Лазеевой⁸⁹. Словесное описание портретов Н. М. Ядринцева не только воспроизводит знания о его внешности, но отражает также уровень индивидуальных представлений адресата его образа. Описания внешности Н. М. Ядринцева и верbalного воссоздания портретов лидера областничества представляются ценными для настоящего исследования ещё и потому, что многие изображения были утрачены в течение XX в. В целом, как и любые источники личного происхождения, подобные описания носят субъективный характер и отражают собственный опыт и мировоззренческую позицию их авторов.

Визуализация истории и повседневности, характерная для рубежа XX – XXI вв., вкупе с популяризацией локальной истории, побудила сибирских исследователей создать историко-краеведческие альбомы «Из XVIII в. – в век XXI: история Омска»⁹⁰ и «Старый Омск: Начало XVIII – начало XX в.: иллюстрированная хроника событий»⁹¹, содержащие информацию о портретах Н. М. Ядринцева.

Особое место в исследовании визуального образа Н. М. Ядринцева занимают тексты, сопровождающие изображения. Им посвящены работы П. К. Мартынова «Цвет нашей интеллигенции: Словарь–альбом русских деятелей XIX в. в силуэтах, кратких характеристиках, надписях к портретам и эпитафиях» и М. Б. Шатилова «На славном посту»⁹².

3. Вещественные источники для изучения культурной памяти о Н. М. Ядринцеве представлены памятником и надгробием, мемориальными досками, зданиями, связанными с Н. М. Ядринцевым.

⁸⁹ Козьмин Н. Н. Вступительная статья // Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов Н. М. Ядринцева. – Красноярск, 1919. – С. XIV; Лемке М. К. Н. М. Ядринцев: биографический очерк к десятилетию со дня кончины. – СПб., 1904. – С. 193; Швецов С. П. Тени прошлого // Литературное наследство Сибири. – Новосибирск, 1980. – Т. 5. – С. 380; Вольская – Лазеева, М. Ф. Казнили... портрет!// Земля сибирская, дальневосточная. – 1993. – № 1-2. – С. 53; Денисенко, С. Возвращение Николая Ядринцева // День за днём в Омске. – 2001. – № 5. – С. 5; Долгушин, А. Имя в строке истории // Омская правда. – 2001. – 17 января. – С. 7; Раннинен, И. История Омской области в лицах // Дело молодое. – 2007. – № 1. – С. 82-85.

⁹⁰ Из XVIII в. – в век XXI: история Омска: историко-краеведческий альбом / сост. Н. А. Миненко, В. Г. Рыженко. – СПб., 2006. – С. 166.

⁹¹ Старый Омск: Начало XVIII – начало XX в.: иллюстрированная хроника событий / сост. П. П. Вибе, Т. М. Назарцева и др. – Омск, 2006. – С. 76.

⁹² Мартынов П. К. Цвет нашей интеллигенции: Словарь–альбом русских деятелей XIX в. в силуэтах, кратких характеристиках, надписях к портретам и эпитафиях. – СПб., 1891. – С. 246.

История создания, установки, разрушения и восстановления памятника и надгробия Н. М. Ядринцева отражало репрезентации его образа в разные периоды отечественной истории. Выбор эпитафии, гравировка на стеле названий основных трудов Н. М. Ядринцева, установка чугунной доски, цитирующей героя нашего исследования, позволяют установить те элементы образа, которые целенаправленно транслировались в память о лидере областничества. Мемориальные доски как вид исторического источника «представляют собой знаки намеренного увековечивания, позволяющие наиболее полно выявить, что именно хотела транслировать данная культура будущему»⁹³. Посвящённые Н. М. Ядринцеву мемориальные доски, установленные в Омске и Барнауле, являются продуктом памяти постсоветского периода и служат иллюстрацией формирования современной региональной идентичности.

Память о Н. М. Ядринцеве сохраняется также посредством зданий, связанных с биографией лидера областничества. В Томске это – дом, в котором проживала семья Ядринцевых (его фотография помещена в иллюстрированном приложении к № 121 газеты «Сибирская жизнь» за 1903 г., а также в четвёртом томе «Литературного наследства Сибири»⁹⁴); здание томской гимназии, где учился Н. М. Ядринцев⁹⁵, дом Н. И. Наумова и первый в Сибири университет, к открытию которого был причастен Н. М. Ядринцев. В Омске – здание общественного собрания; здание гауптвахты; генерал-губернаторский дворец, в котором Н.М. Ядринцев пребывал на службе у Н. Г. Казнакова; здание военного собрания, где проходили заседания Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества. В Иркутске с именем Н. М. Ядринцева связаны здания на углу улиц Троицкой и Харлампиевской, где располагалась типография газеты «Восточное обозрение» с 1888 до 1906 гг. На Алтае память о Н. М. Ядринцеве, помимо Нагорного кладбища, сохранилась в связи с его

⁹³ Беседина Е. А., Буркова Т. В. «В этом здании жил и работал...»: мемориальные доски как образ исторической памяти / Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. – 2013. – № 16. – С. 48.

⁹⁴ Дом в Томске, где жило семейство Ядринцевых в 50-х годах XIX в., не сохранился / Литературное наследство Сибири. – Новосибирск, 1979. – Цветная вклейка между с. 128-129.

⁹⁵ Здание Томской гимназии, в которой учились Н. М. Ядринцев и Н. И. Наумов, ныне школа № 3 на углу улицы Карла Маркса и Совпартшкольного переулка / Там же.

посещением Колыванской шлифовальной фабрики (на ней же впоследствии был изготовлен памятник лидеру областничества). В Тюмени, Тобольске, Красноярске Н. М. Ядринцев посещал музеи, училища, осматривал частные краеведческие коллекции.

4. Конвенционные источники.

Топонимические источники включают названия улиц и других географических объектов, связанных с Н. М. Ядринцевым. К таким относятся улица имени Ядринцева в Омске (с 1900 г. ул. Ядринцевская, с 1904 г. – ул. Ядринцева, в 1970-е гг. была упразднена, в 2007 г. вновь появилась на карте города), переулок имени Ядринцева в Барнауле, улицы Ядринцевские в Новосибирске, Томске и Иркутске, деревня Ядринцево в Омской области (с 1937 г. – село Увало-Ядринно⁹⁶). Присвоение географическим объектам названий по именам персонажей и сюжетов локальной истории рассмотрено нами в двух аспектах. Во-первых, этот процесс отражает общую картину формирования коллективной территориальной идентичности в тот или иной период. Во-вторых, топонимические источники отражают политику памяти как институт социального управления. Мы разделяем точку зрения исследователя политики символов в контексте формирования национальной идентичности О. Ю. Малиновой: «Практика политического использования прошлого властвующей элитой в полной мере отражает дилеммы, с которыми сопряжено конструирование идентичности сообщества, стоящего за современным Российской государством»⁹⁷.

Музейные коллекции и библиотечные выставки, посвящённые Н. М. Ядринцеву, научные конференции, которым присвоено имя Н. М. Ядринцева – результат формирования и трансляции памяти о Н. М. Ядринцеве профессиональными сообществами. Как свидетельствует М. К. Лемке, впервые идея «собрания материалов о жизни и деятельности Н. М. Ядринцева,

⁹⁶ ИАОО. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 5. Л. 7-8; ИАОО. Ф. 437. Оп. 14. Д. 2846. Л. 53.

⁹⁷ Малинова О. Ю. Эволюция символической политики и дилеммы российской идентичности: ресурсы исторической политики в постсоветской России [Электронный ресурс]. URL: <http://gefter.ru/archive/15351> (дата обращения: 07. 06. 2015).

образования особых «ядринцевских витрин» или «ядринцевского зала» в каком-либо учреждении, с бумагами покойного и прочим» была высказана в 1903 г. А. М. Головачёвым⁹⁸. Позднее, к 25-летию со дня смерти Н. М. Ядринцева, совет Алтайского подотдела Русского географического общества постановил организовать при его музее особый отдел, посвящённый памяти Н. М. Ядринцева, в который должны были войти рукописи, газеты и журналы, в которых он публиковался, все его сочинения, фотографии⁹⁹. В фонде Ядринцева музея изобразительных искусств г. Иркутска хранятся его рисунки «Наброски алтайских видов и Западной Сибири, Барабы из путешествия 1878 – 1889 гг.». В краеведческих музеях Иркутска, Омска, Томска, Новосибирска, Барнаула проходят выставки, посвящённые Н.М. Ядринцеву, которые приурочены к годовщинам его рождения или смерти, а также к Дню Сибири (26 октября). Омский краеведческий музей стал инициатором организации всероссийской конференции исследователей «Ядринцевские чтения». Схожая традиция присуща и сибирским библиотекам.

Подводя общий итог, сделаем вывод о репрезентативности источников базы для настоящего исследования. Наибольшим потенциалом для решения поставленных задач обладают материалы периодической печати. Пресса отражает разные уровни формирования культурной памяти о Н. М. Ядринцеве. Высокая читаемость газет и журналов позволяет рассматривать образ Н. М. Ядринцева в массовом сознании. Групповой уровень связан с фактом существования общесибирских и областнических изданий. Индивидуальный срез иллюстрируют опубликованные на страницах прессы фрагменты источников личного происхождения – воспоминания людей, лично знавших героя нашего исследования или имевших связь с сюжетами его биографии.

Материалы газет и журналов позволяют установить факторы динамики коммемораций Н. М. Ядринцева на протяжении столетнего периода, потому что, обладая периодичностью, они быстро отражают изменение взглядов общества, государственную политику (наложение или снятие цензурных ограничений на

⁹⁸ Лемке М. К. Н. М. Ядринцев: биографический очерк к десятилетию со дня кончины. – СПб., 1904.

⁹⁹ От редакции. Память Н.М. Ядринцева // Речь Алтая. – 1919. – 20 июня. – С. 1 – 2.

отдельные темы), иллюстрируют актуальные для социальных групп сюжеты и связанные с ними хронологические точки.

Материалы прессы также использовались нами для выявления содержания образа Н. М. Ядринцева в научном дискурсе в дореволюционный и довоенный периоды, потому что академические тексты печатались в «толстых» журналах. Исследовательский нарратив позволил выявить круг основных вопросов, в рамках которых происходило формирование культурной памяти о Н. М. Ядринцеве, и сделать вывод о «присвоении» его образа интеллигенцией. Для решения задачи анализа коммемораций Н. М. Ядринцева в научном дискурсе нами также привлекались академические исследования представителей исторической, литературоведческой и этнографической науки. Их тексты иллюстрируют механизмы формирования воспоминаний об историческом деятеле в рамках социальной группы учёных, отражают механизм их самоидентификации посредством утверждения преемственности идей и исследовательских достижений лидера областничества.

Делопроизводственная документация, топонимическое законодательство, вещественные источники, отчасти – материалы периодической печати и исследовательские тексты – служат средством выявления государственной коммеморативной политики. Данный вопрос актуален в рамках настоящего исследования в связи с тем, что государство, особенно в советский период, принимало активное участие в создании, упразднении или реконструкции «мест памяти» Н. М. Ядринцева.

Определению дореволюционных «мест памяти» лидера сибирского областничества способствовал не только указанный комплекс документов, но и различного рода изображения и источники личного происхождения. Они используются для создания библиотечных и музейных экспозиций, которые позволяют выяснить коммеморативные практики, исходящие от профессиональных сообществ.

Таким образом, вовлечённую в исследование источниковую базу можно считать достаточно репрезентативной и разнообразной. Среди мобилизованных нами источников есть как традиционные, так и ранее не использовавшиеся в исследованиях. Поставленные нами задачи позволяют раскрыть высокий исследовательский потенциал проанализированных выше источников.

Научная новизна исследования. В работе впервые проанализировано содержание динамики коммемораций Н. М. Ядринцева в академических трудах, периодической печати, визуальных источниках, делопроизводственной документации, топонимических источниках в длительной (столетней) ретроспективе. Реконструирован образ Н. М. Ядринцева на индивидуальном, групповом и массовом уровнях. В процессе реконструкции выявлены специфические черты образа значимой для Сибири исторической личности, которые отражали складывание региональной идентичности. Выявлены условия и факторы, влияющие на динамику коммемораций Н. М. Ядринцева в Сибири в контексте столетнего периода. Внесён вклад в освещение сибирских коммеморативных практик и исследование сибирских «мест памяти».

Теоретическая значимость исследования обусловлена разработкой модели исследования региональных коммемораций исторической личности. На основе применения обновлённого понятийного аппарата исторической науки автором показаны способы выявления и анализа «мест памяти» исторической личности, определения роли социальных групп и социальных институтов, в первую очередь, государства, на формы, способы и динамику её коммемораций. Предложенная автором модель исследования позволяет использовать её для изучения механизмов формирования групповой (социальной, территориальной) идентичности посредством создания «мест памяти» и воспроизведения коммеморативных практик значимых для группы сюжетов и исторических личностей.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов для проведения исследований, посвящённых коммеморативным практикам, образу исторической личности и механизмам его закрепления, их роли в формировании коллективной идентичности. Как продукт, представляющий результаты, содержащие информацию о региональной истории и личности в ней, диссертация может быть использована для разработки образовательных программ, научно-популярных изданий и учебных пособий по истории Сибири. Результаты исследования могут применяться в рамках образовательного туризма, для составления маршрута по «местам памяти» Н. М.

Ядринцева. Тема исследования может быть также интересна журналистам, занимающимся популяризацией идей областничества и неообластничества.

Положения, выносимые на защиту.

1. С конца XIX века сложилась устойчивая традиция коммеморации Н. М. Ядринцева, представленная широким кругом источников: периодической печатью, мемориальными досками, академическими текстами, учебной литературой, изображениями, памятником и надгробием на его могиле, кинематографом, присвоением его имени сёлам, улицам, библиотекам, научным конференциям. В каждой исторической эпохе происходило «присвоение» образа Н. М. Ядринцева, то есть наделение его содержанием, актуальным для сообщества–реципиента и его времени. Эта тенденция сложилась ещё в дореволюционный период и регулярно воспроизводилась в XX в. как средство формирования групповой идентичности сибиряков.

2. Ранний образ Н. М. Ядринцева начал формироваться в периодической печати, что позволяет говорить о его коммеморациях в массовом сознании. Содержательной доминантой образа Н. М. Ядринцева в газетах и журналах стало изображение его как символа борьбы за равноправие Сибири в контексте её взаимоотношений с европейской частью государства. В связи с этим в коммеморациях используются слова-маркеры, характеризующие Н. М. Ядринцева: «патриот», «радетель Сибири», «защитник народа», «гражданский долг», «областник».

3. В ситуации разрыва коммуникативных полей можно говорить о попытках сибирского научного сообщества и представителей местной власти сделать Н. М. Ядринцева интегративной фигурой памяти. В среде сибирской интеллигенции на протяжении 1894 – 1994 гг. сохранялась выраженная преемственность в трансляции культурной памяти о Н.М. Ядринцеве, который выступал как символ идентификации сибирской интеллигенции.

4. Содержание политики памяти о Н. М. Ядринцеве на протяжении исследуемого периода претерпевало эволюцию. В дореволюционный период на коммеморации Н. М. Ядринцева оказывали значительное влияние общественные

силы, представленные его сподвижниками и последователями. На 1930 – 1940-е гг. приходится попытка советских властей применить по отношению к Н. М. Ядринцеву как дореволюционному герою политики забвения и вытеснения. С конца 1950-х гг., с началом «оттепели», происходит возврат к наследию лидера областничества и публицисту Сибири, но со значительными цензурными ограничениями и, в основном, в академической среде. Начало постсоветского периода отмечено стремлением региональной власти и прессы возвратить и увековечить память о Н. М. Ядринцеве.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационной работы отражены в 11 научных публикациях (в том числе – 5 из них в журналах, рекомендованных ВАК), а также были представлены в выступлениях и докладах на пяти всероссийских и международных научных конференциях (Омск, 2015, Варна, 2015, Международная научная школа «Парадигма», 2016, Омск, 2021)¹⁰⁰.

Структура диссертации соответствует поставленной цели и задачам. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы, библиографии трудов Н. М. Ядринцева.

¹⁰⁰ В журналах, рекомендованных ВАК: Чиканова Н. А. Образ Н. М. Ядринцева в дореволюционной периодической печати // Омский научный вестник. – 2015. – № 3. – С. 34 – 38; Чиканова Н. А. Образ Н. М. Ядринцева в портретах и фотографиях // Вестник рязанского государственного университета. – 2016. – № 2. – С. 56 – 67; Чиканова Н. А. Образ Н. М. Ядринцева в современных учебных пособиях // Преподавание истории в школе. – 2015. – № 7. – С. 75 – 76; Чиканова Н. А. Образ Н. М. Ядринцева в послевоенной советской периодической печати // Вестник рязанского государственного университета. – 2021. – № 3. – С. 84 – 90; Чиканова Н. А. Коммеморации Н. М. Ядринцева в сибирских музеях и библиотеках в 1917 – 1994 гг.// Преподавание истории в школе. – 2021. – № 5. – С. 75 – 78.

В других журналах: Чиканова Н. А. Коммеморации Н. М. Ядринцева как коммуникативный и интегративный ресурс сибирского интеллектуального сообщества // Вопросы истории Сибири. – 2015. – № 12. – С. 190 – 194; Чиканова Н. А. Образ Н. М. Ядринцева в культурной памяти омичей // Вопросы истории Сибири. – 2015. – № 11. – С. 67 – 72; Чиканова Н. А. Репрезентации Н. М. Ядринцева в современном кинематографе // Современные исследования социальных проблем. – 2015. – № 4. С. 86 – 108; Чиканова Н. А. Сибирская самобытность как феномен культуры: образ Н. М. Ядринцева в литературном дискурсе XXI в. // Гуманитарный научный журнал. – 2015. – № 2. – С. 22 – 26; Чиканова Н. А. Image of N. M. Yadrintsev in the context of formation of regional identity of Siberians at the end of XIX – the beginning of the XXI centuries // Economics. Society: Selected Papers of the International Scientific School "Paradigma" (Summer-2015, Varna, Bulgaria) // Compiling Editor Dr.Sc., Prof. E.Sibirskaya. - Yelm, WA, USA: Science Book Publishing House, 2015. – С. 114 – 122; Чиканова Н. А. Политика памяти о Н. М. Ядринцеве как средство формирования сибирской идентичности // VI Ядринцевские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции на тему: «Образы прошлого в публичном пространстве: проблемы презентации исторических знаний». – Омск, 2021. – С. 260 – 264.

ГЛАВА 1. КОММЕМОРАЦИИ Н. М. ЯДРИНЦЕВА В 1894 – 1917 ГГ.

§ 1. Образ лидера сибирского областничества в периодической печати

1894 – 1917 гг.

Высокий потенциал для изучения субъективных представлений, ментальных установок, ценностных ориентиров различных воображаемых

сообщества содержится в материалах периодической печати. Доступность её материалов, злободневность освещаемых проблем, разнообразие представленных материалов (от художественных до статистических, новостных, официально-политических), – обусловили популярность газет и журналов, начиная со второй половины XIX в. Высокая читаемость прессы позволяет сделать вывод о формировании и трансляции общественного мнения на её страницах. Н. М. Ядринцев сыграл важную роль в формировании общественного мнения среди интеллигенции и народных масс, в том числе – среди коренного населения Сибири.

Мотивы воспоминаний о Н. М. Ядринцеве определялись рядом факторов: личности автора и его общественной позиции, степени близости автора к герою воспоминаний, политической обстановки в стране, объективных экономических, общественно-культурных потребностей Сибири в период написания материала прессы.

Ранняя память о Н. М. Ядринцеве на страницах периодической печати формируется при его жизни. В 1873–1875 гг. С. С. Шашков на страницах газеты «Дело» в статье «Красоты обывательской журналистики» и Д. Мордовцев в статье «Печать в провинции» начали полемику о содержании провинциальных периодических изданий, высказав соображения о том, что местная пресса шероховата, копирует столичную печать и заслуживает критики. Авторы выделяли работы некоторых сибирских публицистов, особенно Н. М. Ядринцева¹⁰¹. Доказательством публицистического таланта Н. М. Ядринцева могут служить данные о том, что до начала выхода газеты «Восточное обозрение», ставшей его основной «трибуной», в центральных и региональных газетах им было опубликовано более 85 статей, посвящённых социально-экономическому развитию Сибири¹⁰². Образ Ядринцева-публициста, успешно пишущего о проблемах и перспективах развития Сибири, транслировался со страниц прессы, начиная с середины 1870-х гг. Примечательно, что сходным с

¹⁰¹ Шашков С. С. Красоты обывательской журналистики // Дело. – 1873. – № 11. – С. 64; Мордовцев Д. Л. Печать в провинции. // Дело. – 1875. – № 9. – С. 10.

¹⁰² РГАЛИ. Ф. 580. Оп. 1. Д. 25. Л. 3.

этим мнением представляется автообраз Николая Михайловича. Узнав в середине 1870-х гг., что «Волжско-Камская газета» намерена освещать проблемы Сибири, Н. М. Ядринцев написал редактору Н. Я. Агафонову: «Близко интересуюсь судьбами провинциальной журналистики, которой я глубоко всегда сочувствую, я готов служить ей – труды мои могут быть пригодны для вашей газеты. Я писатель по преимуществу сибирский и ежели чем могу быть полезным, то именно статьями о Востоке... Зная условия провинциального издания, я не требую в случае недостатка средств никакого гонорара, но зато буду просить, ежели мое сотрудничество станет постоянным высылки вашей газеты на Восток, в Сибирь, в 3 или 4 главных города - Тюмень, Томск, Иркутск и Омск, так как она, вероятно, недостаточно там популярна»¹⁰³.

После смерти Н. М. Ядринцева на страницах периодической печати происходило формирование культурной памяти о нём. При этом следует отметить, что в прессе часто публиковались прижизненные воспоминания современников о лидере сибирского областничества, отрывки из писем, поэтому уместно говорить об объединении источников личного происхождения и периодической печати. Становление коллективной памяти шло совместно с процессом «проживания» той поры жизни авторов воспоминаний, которые были связаны с Н. М. Ядринцевым. Например, Н. И. Наумов, узнав о смерти Н. М. Ядринцева, писал в письме Г. Н. Потанину: «С ним умерли лучшие годы моей жизни, моя свежесть и молодость, и не буду скрывать, чувствуя, что теперь очередь за мной, да, за мной!»¹⁰⁴

Социокультурные и психологические мотивы авторов воспоминаний 1894 г. очевидны: желание выразить скорбь, соболезнование по случаю кончины публициста и учёного. Сибирские, центральные и зарубежные газеты печатали известия о смерти Н. М. Ядринцева. «Русское Богатство», «Вестник Европы», «Русская мысль», «Русские Ведомости», «Неделя», «Русская жизнь», «Восточное Обозрение», «Степной край», «Сибирская мысль», «Сибирский вестник»,

¹⁰³ РГАЛИ. Ф. 580. Оп. 1. Д. 31. Л. 4.

¹⁰⁴ Наумов Н. И. Н. М. Ядринцев в томской гимназии // Сибирский сборник. – 1895. – Вып. 4. – С. 57 – 61.

«Сибирский наблюдатель», «Томский листок», «Новое время» и др. содержат как краткие слова соболезнования, так и обширные некрологи. В соответствии с жанровой спецификой некрологов, воспоминания о Н. М. Ядринцеве в них были формализованы: на передний план выходили слова соболезнования, а не осмысление его образа. Редакция газеты «Восточное обозрение», посвящая Н. М. Ядринцеву некролог, писала о его смерти как о «невознаградной утрате», а самого его характеризовала как «верного идеям преобразований и применения их в Сибири», «видного и трудолюбивого местного писателя», «полезного работника на благо Родины».¹⁰⁵ Спустя неделю после смерти Н. М. Ядринцева, «Восточное обозрение» опубликовало слова гласного Иркутской городской Думы Д. П. Першина, который называл покойного «одним из видных исследователей Сибири», и речь преемника Н. М. Ядринцева на посту редактора «Восточного обозрения» И. И. Попова, определившего его как «неутомимого деятеля родного края»¹⁰⁶.

Центральное место в процессе формирования культурной памяти о Н. М. Ядринцеве в начале XX вв. занимали газеты «Восточное обозрение», «Сибирская жизнь», «Сибирский вестник», «Байкал». Специалист по социологии чтения А. И. Рейтблат указывал, что в начале XX в. происходит переход лидерства от «толстого» журнала к газете, что определялось ускорением темпов исторического процесса, ростом грамотности среди населения, активизацией политической жизни. Этот комплекс факторов обусловил потребность читателей в «свежей» информации: именно газета с её более частой периодичностью могла предоставить такую информацию¹⁰⁷.

Популяризация образа Н. М. Ядринцева на страницах сибирской прессы происходила в контексте формирования регионального патриотизма. Он интерпретировался авторами статей и воспоминаний как деятельность, направленная на достижение благополучия сибирского региона. Именно в таком

¹⁰⁵ Некролог// Восточное обозрение. – 1894. – № 67. – 12 июня. – С. 1.

¹⁰⁶ Першин Д. П. Речь по поводу кончины Н. М. Ядринцева // Восточное обозрение. – 1894. – № 70. – 19 июня.

¹⁰⁷ Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту: Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX в. – М., 1991. – С. 114.

прочтении патриотизм предстаёт в статье Т. М. Фарафоновой в 1902 г.: «Любовь Ядринцева и его друзей к Сибири не была беспочвенным романтизмом, но она вытекала как прямое следствие из запросов времени, из нужд общественной жизни, она полна рефлексии, полна жгучего чувства острой боли за эту родину»¹⁰⁸.

В 1904 г. образ Н. М. Ядринцева претерпел изменения. Десятилетняя годовщина смерти областника совпала с годом начала русско-японской войны, актуализировавшей «азиатский» контекст обращения к имени Николая Михайловича. Опираясь на установку уникальности феномена азиатской культуры, газета «Восточное обозрение», тем не менее, направляла внимание на объединяющее содержание символа Н. М. Ядринцева: «По убеждению Ядринцева, для Европы нет оснований отгораживаться от древней, уже угасающей цивилизации азиатских стран. Наоборот, сильнейший обмен и культурные сношения наций послужили лишь к скорейшему осуществлению на земле высших идеалов мира и справедливости»¹⁰⁹. Применительно к общемировым событиям примечательно гуманистическое содержание образа Н. М. Ядринцева, «нападавшего на те предубеждения, которые господствовали не только в европейском обществе, но и в науке по отношению к «низшим расам»,¹¹⁰ «подчёркивавшем историческую связь европейского мира с азиатским»¹¹¹.

Потребность человеческой психики сознавать собственную значимость обостряется в периоды революционных потрясений и войн в связи с появлением возможности вписать своё имя в историю. Публицисты и журналисты дореволюционного периода акцентировали внимание читателей на издательской деятельности Н. М. Ядринцева. «Мы чествуем заслуги Ядринцева, выдвигая на первый план его журнальную деятельность», – писал С. П. в 1904 г.¹¹² Роль Николая Михайловича в создании газеты «Восточное обозрение» виделась журналистам гораздо шире, чем просвещение сибирского населения: его

¹⁰⁸ Фарафонова Т. М. из бумаг сибирского патриота // Восточное обозрение. – 1902. – № 148. – С. 2.

¹⁰⁹ Там же. – № 54. – С. 2.

¹¹⁰ Фарафонова Т. Из бумаг сибирского патриота // «Восточное обозрение». – 1904. – № 62. – С. 2.

¹¹¹ Там же. – № 86. – С. 2.

¹¹² С. П. Николай Михайлович Ядринцев // Восточное обозрение. – 1904. – № 134.

деятельность интерпретируется как способ формирования сибирского самосознания, побуждение к сохранению уникальной сибирской культуры, забота о потребностях сибиряков. «Ядринцев стремится выработать ясные и определённые взгляды на областную прессу. В его глазах местная газета являлась первым и главнейшим фактором общественного, и, в частности, областного самосознания», – отмечала Т. Фарафонтова¹¹³. Выступая в качестве преемников Ядринцева, газетные публицисты начала XX в. ощущали свою сопричастность процессу пробуждения и формирования особой сибирской духовности.

Внимание к публицистической и издательской деятельности Н. М. Ядринцева прослеживалось и на страницах сибирских «толстых» журналов, появившихся в период после 1905 г. В соответствии с динамикой революционного периода изменялись интерпретации публицистической деятельности Н. М. Ядринцева. Основанный в 1905 г. областнический журнал «Сибирские вопросы» характеризуется его издателями как продолжение издаваемого Н. М. Ядринцевым «Восточного обозрения», которое в 1905 – 1912 гг. воспринималось как инструмент «крайне неприятных обличений» местной администрации¹¹⁴. В контексте оценок редакторской и журналистской деятельности Н. М. Ядринцева отмечается преемственность печати конца XIX в. и начала XX в.: «мы должны...настаивать на широком самоопределении области и национальности, проведении всех тех заветов, носителем которых служило «Восточное обозрение»¹¹⁵.

Одним из популярных контекстов воспоминания о Н. М. Ядринцеве на страницах периодической печати стала его деятельность как лидера сибирского областничества. Т. Фарафонтова в газете «Восточное обозрение» концентрирует внимание читателей на областническом наследии Ядринцева: по её мнению, сибирское областничество стало «целым мировоззрением, целой жизненной программой, давшей, несомненно, огромные практические результаты»¹¹⁶. В

¹¹³ Фарафонтова Т. Из бумаг сибирского патриота // Восточное обозрение. – 1902. – № 188. – С. 2.

¹¹⁴ От редакции. // Сибирские вопросы. – 1905. – № 1. – С. III

¹¹⁵ Сибиряк-скитальц. Лесные «бунты» на Алтае. // Сибирские вопросы. – 1907. – № 2. – С. 100.

¹¹⁶ Фарафонтова Т. Из бумаг сибирского патриота // «Восточное обозрение». – 1902. – № 188. – С. 2.

картину мира сибирской интеллигенции закладывалось содержание областничества как движения, направленного на культурную, но не политическую самостоятельность региона. Такая интерпретация ядринцевской программы соответствовала потребностям времени первой русской революции, в которой национальные окраины могли рассчитывать на смягчение религиозной и культурной унификации, но Сибирь при этом, в отличие от западных окраин, не претендовала на политическую самостоятельность.

Революционная ситуация начала XX в. поставила перед российской общественностью ряд задач. Одной из проблем, актуальных для Российской империи этого периода, стала потребность окраин в культурной самоидентификации. Каталлизатором первой русской революции стали национальные волнения в Польше, Финляндии, среди еврейского населения, происходившие в 1899 – 1905 гг. На территории Сибири известно бурятское национальное движение 1900 – 1903 гг. Сибирь так же, как и другие национальные окраины, ощущала на себе давление центра. Внутреннее сопротивление в регионе вызывало формирование сибирского самосознания. Исторической фигурой, заложившей предпосылки этого процесса, стал защитник инородцев, исследователь местной культуры Н. М. Ядринцев, которому «в истории сибирского самосознания всегда будет принадлежать заслуженная роль крупного общественного деятеля и руководителя нескольких поколений»¹¹⁷. Рассматривая категорию самосознания, часто упоминающуюся вместе с именем Н. М. Ядринцева, выделим её ключевые характеристики, актуальные для периодической печати начала XX в. В газетных статьях 1902–1904 гг. показано разделение лидером сибирского областничества культуры на западную и восточную части. Складывается поле для осознания ценности собственной культуры, уникальности восточной картины мира, в силу исторического развития и географических условий вынужденной подчиняться европейско-столичным образцам на территории Российской империи. Фигура Н. М. Ядринцева в этом аспекте служила для сибирского населения начала XX в. как символ

¹¹⁷ Там же.

самоидентификации, осознания собственной неповторимости, культурной будущности инородческих племён.

Борьба за распространение политических реформ в Сибири, внедрение на её территории механизма защиты прав и свобод, требование введения в состав Государственной Думы депутатов от сибирского региона, а также смягчение цензуры позволяли интерпретировать областничество как более радикальное течение сибирской мысли. Областнический журнал «Сибирские вопросы» определял деятельность Н. М. Ядринцева как освободительную борьбу Сибири против своеволия местной администрации, её статуса как сырьевого придатка: «Имена Потанина, Ядринцева, Шашкова...не забудутся в истории освободительной борьбы в Сибири», – писал П. В. Вологодский в 1906 г.¹¹⁸. М. Боголепов в статье о финансовых отношениях между Сибирью и Европейской Россией противопоставляет их¹¹⁹. Европейская Россия представлена в образе врага, который разоряет природные богатства Сибири, покупая сырьё по низким ценам, требуя уплаты высоких налогов. Вновь, как и в областническом дискурсе, происходит призыв к борьбе за материальные богатства региона, а к образу Н. М. Ядринцева М. Боголепов обращается с целью показать исторические предпосылки этой борьбы. Такого рода оценки характеризуют потребность авторов чувствовать принадлежность к сибирскому сообществу, продолжать борьбу за права Сибири, начатую во второй половине XIX в. Опора на исторические традиции освободительной борьбы усиливала сплочённость её участников, а также способствовала конструированию их программных целей, а имя Н. М. Ядринцева использовалось в качестве символа этих традиций.

Поэтические творения Н. М. Ядринцева стали контекстом для его восприятия как патриота. К. Дубровский в 1912 г. приводил эпитеты, которые использовал Ядринцев для обозначения Сибири: «мама», «королева его сердца»,

¹¹⁸ Вологодский П. В. Из истории освободительного движения в Сибири // Сибирские вопросы. – 1906. – №2 (спецвыпуск). – С. 244.

¹¹⁹ Боголепов М. Финансовые отношения Сибири и Европейской России // Сибирские вопросы. – № 2. – С. 3

«заколдованная спящая красавица»¹²⁰. Автор статьи пришёл к выводу о том, что основным побудительным мотивом творчества Н. М. Ядринцева было стремление передать любовь к Сибири молодому поколению. Статья К. Дубровского, помимо литературоведческого значения, актуализировала ещё один аспект поэтического творчества Н.М. Ядринцева, который «символически отождествлял первые весенние цветы, гибнущие в поле от стужи, с судьбою ранних борцов за счастье и благополучие родной для них страны»¹²¹. Литературный контекст патриотизма Н. М. Ядринцева раскрывает его желание подготовить достойную смену борцам за её равноправие региона и в символической форме повествует о сложностях этой борьбы.

В дореволюционной периодической печати Н. М. Ядринцев представлен в качестве фигуры исторической идентификации эпохи шестидесятых годов XIX в. «Нужно сказать, – отмечала Т. М. Фарафонова, – что характеристики его личности настолько связаны с эпохой, в которой он жил, и с идеями, на которых воспитывалось его поколение, что разъединять их было бы великим историческим грехом»¹²². В воспоминаниях Д. Поникаровского, В. Острогорского, А. Круглова, Г. Н. Потанина, И. И. Наумова, А. Головачёва, печатавшихся на страницах газет начала XX в., шестидесятые годы XIX в. представлены как «весна», период начала глубинных модернизационных процессов не только в социально-экономической, но и духовно-нравственной сферах. Н. М. Ядринцев полностью вписывался в исторический нарратив этой эпохи: в период 1860-х гг. «дано было направление нашим политическим взглядам, было указано нам особое место в общественной деятельности»¹²³. Очевидно, что имя Н. М. Ядринцева в контексте эпохи Великих реформ символизировало оппозицию, голос которой мог быть услышан. Для дореволюционных газетных текстов характерно противопоставление 1860-х и 1880-х годов: первый период воспринимался как время выработки программы областничества, второй интерпретировался как

¹²⁰ Дубровский К. Н. М. Ядринцев в его стихотворениях // Сибирская жизнь. – 1912. – № 251. – С. 3.

¹²¹ Там же.

¹²² Фарафонова Т. Из бумаг сибирского патриота // «Восточное обозрение». – 1902. – № 148. – С. 2.

¹²³ Потанин Г. Н. Воспоминания // Сибирская жизнь. – 1913. – № 109. – С. 3.

реакционный этап, не позволивший идеям быть претворённым в жизнь. Начало XX в. давало надежды на реализацию некоторых принципов областничества, в связи с чем происходит активное обращение не только к идеям Н. М. Ядринцева как лидера течения, но и популяризация его биографии, которая могла стать примером для сибирской интеллигенции спустя несколько десятилетий. Т. Фарафонова включила позитивный образ Н. М. Ядринцева в исторический дискурс, выделив четыре периода его жизни: «теоретически-подготовительный», «период практического знакомства с сибирской действительностью», «период защиты интересов родной окраины», «период горьких испытаний судьбы»¹²⁴. Автор пришла к выводу о закономерном формировании областнической идеологии как сочетания двух факторов: специфики эпохи и биографических особенностей Николая Михайловича.

Особое уважение у авторов статей Н. М. Ядринцев заслужил не теоретическим, а практическим знакомством с жизнью разных социальных категорий: студентов, крестьян, переселенцев, заключённых, учёных-этнографов, литераторов. Широкий круг его отношений определил его историческую миссию по отношению к Сибири. Наиболее полно она высказана Г. Н. Потаниным в 1913 г.: «Ядринцев и я считали своим долгом вернуться на родину и служить ей и пропагандировали эту идею между товарищами, но, во всяком случае, верили, что большинство из них намерено поступить также как и мы»¹²⁵. Положительный образ Н. М. Ядринцева дополнялся отдельными эпизодами его биографии: о помощи переселенцам в 1891 г.,¹²⁶ об этнографических экспедициях в Усть-Кяхту и знакомстве с культурой инородцев,¹²⁷ о поддержке сибирских студентов в Петербурге,¹²⁸ о знаменитых ядринцевских четвергах¹²⁹. В связи с последним в нашем распоряжении имеется неопубликованное воспоминание Н. А. Ошуркова, работавшего вместе с Н. М. Ядринцевым: «Я хочу сказать..., что небольшие

¹²⁴ Фарафонова Т. Из бумаг сибирского патриота // «Восточное обозрение». – 1902. – № 160, № 172, № 188, № 237; Там же. – 1903. – № 128, № 145. – С. 2.

¹²⁵ Потанин Г. Н. Воспоминания // Сибирская жизнь. – 1913. – № 103. – С. 3.

¹²⁶ Головачёв Дм. Ядринцев и переселенцы 1891 г. // Сибирский вестник. – 1904. – № 121.

¹²⁷ Смолев Я. Из моих воспоминаний // Байкал. – 1904. – № 44.

¹²⁸ Головачёв П. Воспоминания о друге молодёжи // Восточное обозрение. – 1896. – № 56 – 58.

¹²⁹ Головачёв А. Ядринцевские четверги // Сибирская жизнь. – 1902. – № 236.

интеллигентные группы, выросшие то там, то сям по разным уголкам Сибири, точно так же, как и небольшие группы учащейся молодёжи собирались вокруг покойного Н. М. Ядринцева не по причине существования какой-нибудь ясно выраженной, постоянно и непрерывно действующей организации, а просто в силу некоторых особенностей личности покойного и давно уже назревшей потребности группироваться вокруг какого-нибудь дела, носящего характер общественности»¹³⁰. Таким образом, проведение «ядринцевских четвергов» в некоторой степени способствовало объединению тех, кто разделял взгляды областников.

Незначительность уступок, сделанных правительством в ходе революции 1905–1907 гг., всё больше давала знать о себе с течением времени. Назревала новая революционная ситуация. Общественное мнение радикализировалось в большей степени, чем в первые годы XX в. Мысль о культурной самостоятельности Сибири стала для современников очевидной целью. Но в 1913–1916 гг. современники обращались к образу Н. М. Ядринцева не только в контексте категорий духовной жизни. Всё чаще поднимались вопросы о равноправном статусе Сибири в составе Российской империи, в которых к имени Н. М. Ядринцева прикреплялись понятия демократизма, независимости, сепаратизма. Наиболее полное описание сущности областнической теории, дополненное биографическими данными Николая Михайловича, содержится в воспоминаниях Г. Н. Потанина в газете «Сибирская жизнь». Автор статьи был непосредственным участником описываемых событий, поэтому в его изложении содержатся детали, озвучить которые в периодической печати второй половины XIX в. не представлялось возможным ввиду цензурных ограничений. Вспоминая период формирования «сибирифильства», Григорий Николаевич характеризует себя и своего единомышленника Н. М. Ядринцева как социалистов, в связи с чем они «никогда не приходили к мысли о таможенной линии между Сибирью и Европейской Россией»¹³¹. Решающее значение для победы Сибири в борьбе за

¹³⁰ ИАОО. Ф. 295. Оп. 1. Д. 141. Л. 1.

¹³¹ Потанин Г.Н. Воспоминания // Сибирская жизнь. – 1913. – № 114. – С. 2.

независимость, по мнению Г. Н. Потанина, отводилось осознанию сибиряками собственных интересов, а также созданию активного слоя граждан, готовых представлять интересы региона. Для воспоминаний характерно создание образа сибиряков, которые представлены как беззащитный, угнетённый народ, подвергавшийся постоянным притеснениям со стороны правительенного аппарата империи. Вместе с тем, Григорий Николаевич описывает Н. М. Ядринцева как борца, полного решимости защищать собственную Родину: «Главное отличие Ядринцева от предшествующих патриотов, – писал Г. Н. Потанин, – заключалось в том, что он импонировал не правительству, а русскому обществу; он противопоставлял не интересы русского общества интересам правительства, а интересы сибирского общества интересам общества Европейской России, интересы колонии – интересам метрополии»¹³². В качестве объекта борьбы Потаниным названа Европейская Россия, которая применяет по отношению к Сибири все принципы колониальной политики. В воспоминаниях автор следует чёткой чёрно-белой схеме, разграничивая Сибирь и Европейскую часть Российской империи. Такого же противопоставления придерживалась вся сибирская областническая пресса. Примечателен образ субъекта борьбы, изображенный в газетах и журналах: он представлен сибирской интеллигенцией, которая, тем не менее, не отделена от простого народа, и эта тенденция сохранялась на протяжении всего дореволюционного периода. В сферу специфических интеллектуальных запросов интеллигенции, по мнению авторов статей периодических изданий, должна быть включена потребность исследовать культуру и быт сибирских инородцев, крестьян, переселенцев. Биография Н. М. Ядринцева служила иллюстративным материалом к портрету сибирского интеллигента, популяризованного в прессе как символ культурной, экономической, ближе к 1917 г. – политической независимости Сибири.

На наш взгляд, наиболее объективного мнения о Н. М. Ядринцеве как основателе областничества придерживался сибирский историк Н. Н. Козьмин. Он

¹³² Потанин Г.Н. Воспоминания // Сибирская жизнь. – 1913. – № 114. – С. 3.

писал о второстепенности политических вопросов для лидера областничества: «для Н. М. Ядринцева областничество, прежде всего и по существу, явление культурного порядка... Политическая сторона областнической идеи должна была носить формальный характер»¹³³. Формы организации государственной власти, выдвигаемые Н. М. Ядринцевым, прежде всего, интересны тем, что предполагают возможность осуществления широких культурных задач областничества, «для достижения национальных, духовных, экономических и других целей»¹³⁴. В условиях назревания революционного кризиса в России в 1913 – 1917 гг. очевидным был постулат о политическом контексте любой идеи, направленной на частичное или коренное преобразование общества. Тем не менее, уже в этот период стала очевидной мысль об эволюции областничества. В. И. Анучин делил течение на историческое, каким представлял его Н. М. Ядринцев во второй половине XIX в., и современное, начала XX в. Первый период назван «культурическим», Н. М. Ядринцев представлен в образе «пионера сибирской общественности, ...посыльно отвечавшего на все запросы жизни»¹³⁵. Роль лидера областничества заключалась, по мнению учёного, в увеличении потребностей сибиряков посредством повышения образованности, развития местной прессы, культурной пропаганды среди сибирского населения. По мысли В. И. Анутина, цели Н. М. Ядринцева не могли быть иными, кроме просветительских и культурнических, в это время¹³⁶. Лидер областничества осознавал, что необходимо сформировать политическую и бытовую культуру, создать условия для развития движущей силы областничества – широкого слоя местной интеллигенции, чему и посвящал свою деятельность. В современном В. И. Анутину более позднем областничестве возможно не только выделить политические цели, но и определить областников как «сибирских федералистов»¹³⁷. Будучи областником, В. И. Анучин стремился к закреплению

¹³³ Ландарма. По поводу писем Н.М. Ядринцева // Сибирские записки. – 1916. – № 2. – С. 74.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Анучин В. И. Сибирское областничество // Сибирский студент. – 1915. – № 1-2. – С. 68.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Там же. – С. 66.

традиций движения, которые давали отдельной личности представления о его существенных чертах, формировали чувство принадлежности и сплочённости.

Степень политизации образа Н. М. Ядринцева отражала динамику революционных настроений сибирского общества до 1917 г. Востребованность его имени историками объясняется необходимостью подчинить прошлое политическим потребностям настоящего. И, хотя результат этого приспособления трактовался как субъективная истина, он был инструментом для формирования общественного мнения сибирской интеллигенции и культурной памяти об исторической личности Сибири.

Образ Ядринцева—патриота актуализирован в газетных и журнальных статьях 1913 – 1917 гг. Во-первых, тема патриотизма использовалась как инструмент борьбы с неравноправием Сибири, о котором всё больше упоминали на страницах периодической печати в этот период. Имя Н. М. Ядринцева ассоциировалось с патриотизмом, но, отметим, что в указанный период в него вкладывалось более деятельное, менее созерцательное значение, чем во второй половине XIX в. Во-вторых, начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война характеризовалась всплеском патриотических настроений повсеместно в Российской империи. Локальный патриотизм приводил к формированию чувства сопричастности Сибири мировым процессам, её включённости в мировую историю. В связи с этим в периодической печати всё чаще упоминалась идея Н. М. Ядринцева о Сибири как арене взаимодействия Запада и Востока. Современникам было очевидно, что для этой миссии необходим ряд условий: материальных, интеллектуальных, культурных, политических. Поэтому они стремились найти в сибирской истории личность, ставшую идеалом воплощения этой мечты. В самый разгар Первой мировой войны, в 1916 г., Н. Н. Козьмин в журнале «Сибирские записки» писал о высшем проявлении патриотических чувств: «Ядринцеву мечталось, что Сибирь, покрытая высшими учебными

заведениями, культурная, экономически сильная, с развитой гражданской жизнью, ... явится посредником между Востоком и Западом»¹³⁸.

Авторы дореволюционных статей сибирской прессы задавались не только вопросом о необходимости политических, социальных, экономических и культурных реформ в Сибири, но и о том, силами какого слоя общества должна быть осуществлена борьба за равноправное положение региона. Для авторов было важным подчеркнуть самостоятельность сибирского населения и осознанность им программы преобразований, в которых нуждался регион. Формирование слоя активной сибирской интеллигенции – важный аспект практической деятельности Н. М. Ядринцева, о котором в разные годы писали в статьях Т. М. Фарафонова, Н. Н. Козьмин, В. М. Крутовский, Г. Н. Потанин, Н. Рожков, М. Шатилов, М. К. Ветошкин и другие. Активная поддержка Н. М. Ядринцевым образования, самоуправления, европеизации предполагала формирование образованного слоя людей, обладающих способностью накапливать и использовать духовный опыт, обладающая нравственным аспектом, характеризующаяся определённой психологией. Н. Н. Козьмин писал: «Вот почему он в течение всей своей жизни твердил и проповедовал, что само коренное население должно выдвинуть свою краевую интеллигенцию»¹³⁹. Рассматривая характеристики борцов за права Сибири, которые актуализированы авторами из наследия Н. М. Ядринцева, оказывается очевидным его принадлежность к группе интеллигентов тоже. Ядринцев-интеллигент – устойчивая черта его образа на страницах периодической печати. Культурный компонент больше, чем другие, характерный для раннего областничества, подразумевал лидера-интеллигента. Основными чертами, присущими Н. М. Ядринцеву в этом прочтении, были гражданская ответственность, стремление к социальной критике, нравственное сопереживание народу, оппозиционность столичной политике в отношении Сибири, патриотизм. Культивирование этих особенностей личности стало ещё одним мотивом изображение биографии Ядринцева в периодической печати.

¹³⁸ Ландарма. По поводу писем Ядринцева // Сибирские записки. – Красноярск, 1916. – № 2. – С. 73.

¹³⁹ Ландарма. По поводу писем Н. М. Ядринцева // Сибирские записки. – 1916. – № 2. – С. 74.

Резюмируя, отметим, что образ Н. М. Ядринцева занял прочное место в дореволюционной периодической печати. Используя терминологию П. Нора, Н. М. Ядринцев стал «местом памяти», обладавшим значимыми для дореволюционного периода его упоминания характеристиками. В изученных нами дореволюционных источниках центральное место в воспоминаниях о Н. М. Ядринцеве занимает областнический дискурс. На протяжении 1894 – 1917 гг. повествование об областническом наследии Н. М. Ядринцева эволюционировало в соответствии с потребностями сибирского общества и политической конъюнктурой в стране. Воспоминание об областническом наследии Н. М. Ядринцева предполагало выделение ряда значимых характеристик, по-разному интерпретированных авторами статей: патриотизм, культурный и (или) политический сепаратизм, гражданский долг, нравственные идеалы. Тексты, возникавшие непосредственно во время революций 1917 г. и Гражданской войны, формировали память о Н. М. Ядринцеве как о приверженце радикальных реформ в Сибири, стороннике её самостоятельного развития. Фрагменты исторического дискурса, представленные в сибирской периодической печати, указывали на принадлежность Н. М. Ядринцева к поколению «шестидесятников». В связи с этим фигура Н. М. Ядринцева была символом исторического опыта, который использовался в борьбе за демократизацию сибирской действительности. Статьи газет и журналов предстают перед нами как продукт своего времени, главной задачей которого стало формирование общественного мнения в отношении вопросов, актуальных для их современников. В связи с этим к имени Н. М. Ядринцева прикреплялись воспоминания, содержащие ответы на вопросы начала XX в.

§ 2. Научный дискурс о Н. М. Ядринцеве в дореволюционный период

Направленность научного дискурса на многоаспектное изучение опыта прошлого и современности побудило исследователей рассматривать личность и деятельность Н. М. Ядринцева как в контексте эпохи, так и в рамках отдельных взаимосвязанных тем. Вслед за Ф. Б. Шенком мы понимаем дискурс как корпус текстов, изображений и высказываний, связанных определённой содержательной согласованностью¹⁴⁰. Цель параграфа – охарактеризовать образ Н. М. Ядринцева в научном дискурсе 1894 – 1917 гг.

Частью истории памяти о Н. М. Ядринцеве являются тексты историков о нём. Первоначальным мотивом обращения научного сообщества к его имени было стремление сохранить память о Н. М. Ядринцеве в силу личного знакомства с ним авторов научных текстов. Ещё при жизни героя нашего исследования начал формироваться его образ как историка и этнографа Сибирского региона. Наличие цензуры в последнее десятилетие XIX века позволило научному сообществу

¹⁴⁰ Шенк Ф. Б. Указ. соч. – С. 20.

сформировать образ Н. М. Ядринцева—патриота, сделать акценты на его культурнической и просветительской деятельности, исключив из биографических повествований и исследовательских текстов тему его областнической деятельности.

Дореволюционные характеристики образа Н. М. Ядринцева представлены в историко-биографических исследованиях М. К. Лемке и Б. Б. Глинского. Мотивами написания обеих работ стала потребность сохранения и выражения культурной памяти о Н. М. Ядринцеве его современниками в ближайшие годы после его смерти. Современный исследователь областничества М. В. Шиловский в рамках освещения мемориализации имени Н. М. Ядринцева писал о принадлежности идеи увековечения биографии лидера движения Г. Н. Потанину¹⁴¹. В написании и опубликовании обеих работ значительную роль играла цензура, в связи с чем оценки историков областничества как демократического, либерального движения были сдержаны, как и интерпретации революционных для Сибири взглядов Н. М. Ядринцева на самодержавную и экономическую политику власти по отношению к региону. Поэтому его деятельность отнесена к разряду культурнической, осуществляющей вне революционно-демократического движения в Сибири.

Общей тенденцией в работах дореволюционных историков была характеристика Н. М. Ядринцева как «проповедника высшей гуманности», «патриота Сибири», «просветителя»¹⁴². Опубликовавший исследование к десятилетию со дня смерти Н. М. Ядринцева, М. К. Лемке прослеживал его жизненный путь, привлекая множество документальных источников, писем, воспоминаний, статей самого Н. М. Ядринцева, его высказываний, к примеру, по вопросу о возможности отдельного от Российской империи существования Сибири: «Дело было не в сепаратизме, а в уничтожении патриотических настроений в Сибири. После первого землячества в 1860-х гг. в Петербурге и

¹⁴¹ Шиловский М. В. Деятельность Г. Н. Потанина по мемориализации памяти Н. М. Ядринцева и выявлению его творческого наследия // Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 100-летию Революции и Гражданской войны в России. – Омск, 30-31 октября 2017. – С. 71.

¹⁴² Лемке М. К. Н. М. Ядринцев. – СПб., 1904, Глинский Б. Б. Н.М. Ядринцев: биографический очерк. – М., 1895.

после сибирского дела 1865 г., тенденция патриотизма, не считаясь дозволенной, замирает на время. Но она не могла исчезнуть и выступила через несколько лет. Она должна была выступить при большем сознании местного общества и выяснении им себе нужд края. Выступил вопрос об университете, выступил вопрос о ссылке. Появилась местная патриотическая печать. Само правительство желало удовлетворить некоторые местные нужды и дало реформы»¹⁴³.

Б. Б. Глинский, редактор журнала «Исторический вестник», писал биографию Н. М. Ядринцева по просьбе Г. Н. Потанина¹⁴⁴. Исследуя взгляды Н. М. Ядринцева в рамках культурической деятельности, писал о его публицистической, просветительской и редакторской работе. Вместе с тем, даже в рамках цензуры Б. Б. Глинский определял политические идеи Н. М. Ядринцева как синкетичные. Исследователь указывал на то, что статьи Н. М. Ядринцева выражали разные политические позиции и вкусы, что позволило им быть напечатанными в самом широком круге периодических изданий – и в умеренно-либеральном «Голосе», и научно-либеральном «Вестнике Европы», и в передовых «Деле» и «Отечественных Записках», и в «промежуточных» «Биржевых Ведомостях» и с 1875 г. – в «Сибири» В. Вагина. В рамках концепции просветительства Б. Б. Глинский затрагивал вопрос открытия Томского университета, «пророком и создателем» которого был Н. М. Ядринцев¹⁴⁵. Центральная вопрос, волнующий биографиста, заключался в том, получит ли Сибирь определённую долю самостоятельности, имея свой умственный центр, произойдёт ли развитие не только культуры и общественной мысли, но и промышленного производства, построенного на возможности использования собственных ресурсов?

Исторические исследования начала XX в. об областничестве и его лидере фрагментарны и представлены статьями в периодических изданиях. Исторические тексты о целях и роли областничества, вписании биографии Н. М. Ядринцева в контекст идеологии, находились во власти своего времени, интересов пишущего и

¹⁴³ Там же. – С. 67 – 68.

¹⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 163. Оп. 1. Д. 215. Л. 1.

¹⁴⁵ Глинский Б. Б. Н. М. Ядринцев: биографический очерк. – М., 1895. – С. 11.

заказчика. Революционные события начала XX в. предопределяли увеличение частоты обращений историков к имени Н. М. Ядринцева. На страницах журналов в 1913 – 1915 гг. разворачиваются дискуссии о целях областничества. «Культурные» цели, высказанные Н. М. Ядринцевым, историки сопоставляли с политическими, актуальными для их времени. М. К. Ветошкин писал, что «между культурным и политическим сепаратизмом существует самая тесная связь»¹⁴⁶. Автор признавал, что Н. М. Ядринцев и его единомышленники «ставили своей задачей проводить мысль о выделении Сибири в области искусства и в кругу общественных идей. Они мечтали о сепаратизме в живописи, музыке, театре, литературе, в материальной и духовной культуре и даже в патриотизме, то есть, как мы видим, сепаратисты мечтали о более или менее полном обособлении Сибири»¹⁴⁷. Историк не указывал приоритета политических целей у Н. М. Ядринцева, но видел свою задачу в поиске исторических предпосылок для современной ему комплексной потребности Сибири в самостоятельности. Революционный историк Н. А. Рожков характеризовал Н. М. Ядринцева как демократа, хотя называл его идеи «реакционными» в силу собственной принадлежности к левым политическим течениям¹⁴⁸.

Н. Ф. Чужак и В. А. Ватин первыми заявили о принадлежности Н. М. Ядринцева и раннего областничества к либерально-буржуазной идеологии¹⁴⁹. Авторы придерживались мнения о том, что раннее областничество возникло и могло развиваться по демократическому пути, но, поскольку его лидеры с первых же лет существования сибирского землячества и обнаружения прокламации «Патриотам Сибири» были подвергнуты государственному и общественному порицанию, заслуги Н. М. Ядринцева и Г. Н. Потанина являются «культурными», имеющими опосредованное значение для решения социально-политических проблем. Таким образом, работы дореволюционных

¹⁴⁶ Ветошкин М. К. Сибирское областничество // Современный мир. – 1913. – № 3. – С. 123.

¹⁴⁷ Там же. – С. 121.

¹⁴⁸ Рожков Н. А. Исторический эскиз // Сибирский студент. – 1915. – № 1–2. – С. 86.

¹⁴⁹ Чужак Н. Ф. О сибирской и ино-сибирской интеллигенции // Сибирский архив. – 1913. – № 5; Он же. Старое и новое (Открытое письмо Е.Е. Колсову) // Багульник. – 1916. – № 2; Он же. К подлинному лицу областничества // Забайкальское обозрение. – 1916. – 14 марта. – № 10 – 11; Ватин В. А. Юбилей Потанина и молодая Сибирь // Сибирский архив. – 1915. – № 12.

исследователей по истории областничества стремились провести анализ идеологических взглядов Н. М. Ядринцева, представить его как либерального деятеля, стремившегося обозначить общественно-политические проблемы сибирского региона и вектор их решения.

Мотивом сохранения имени Н. М. Ядринцева в памяти сибирских этнографов стали его географические и этнографические экспедиции. Н. М. Ядринцевым создан объёмный корпус источников по этнографии, географии и истории Сибири. Исследователями востребованы такие его исследования, как монографии «Сибирь как колония» (1882 г.) и «Сибирские инородцы, их быт и современное положение» (1892 г.), разработанная им Программа изучения инородцев Западной Сибири,¹⁵⁰ «Металл и его роль в культуре алтайско-туркских племён»,¹⁵¹ «Хронологическая таблица заселения Сибири»¹⁵², а также литературные произведения, написанные в ходе его путешествий: «Современная мания к путешествиям», «Поездка по Западной Сибири», «В чужих краях», «Алтай и его инородческое царство», «Привольные места Сибири. Степь и море», «Странник на Золотом озере», «В тайге», «Аул», «Раскольничьи общины на границе с Китаем» и другие. Необходимо отметить его библиографическую деятельность, которая заключалась в составлении указателей трудов отдела¹⁵³. Этнографическая деятельность Н. М. Ядринцева, а также развитие сибирской этнографии, предопределили складывание его образа в исследованиях этой науки.

В некрологах, написанных сразу после смерти Н. М. Ядринцева в 1894 г. в газете «Восточное обозрение», дана характеристика его этнографической и исторической деятельности: «Н. М. Ядринцев виделся не кабинетным учёным, которые группируют уже готовый материал, а учёным, который сам и собирает, сам и группирует, сам и делает выводы»¹⁵⁴. В дореволюционных источниках отмечена практическая направленность этногеографических исследований Н. М. Ядринцева. Мотивы обращения этнографов к личности Н. М. Ядринцева

¹⁵⁰ Ядринцев Н. М. Программа для исследования инородцев Западной Сибири. – Омск, 1880.

¹⁵¹ ИАОО. Ф. 295. Оп. 1. Д. 22. Л. 1-41.

¹⁵² ИАОО. Ф. 295. Оп. 1. Д. 8. Л. 1-29.

¹⁵³ ИАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 31. Л. 1-4.

¹⁵⁴ От редакции. Иркутская хроника //Восточное обозрение. – 1894. – 22 июня. – С. 1.

определялись, в первую очередь, его членством в Западно-Сибирском отделе Императорского Русского Географического Общества. Повествование об экспедициях и юбилеях ЗСО ИРГО побуждали исследователей писать о Н. М. Ядринцеве, его географических экспедициях и этнографической деятельности. Ранняя память о Н. М. Ядринцеве в работах, посвящённых сибирской этнографии, начала формироваться при его жизни. Дореволюционные исследователи Сибири и средней Азии А. Н. Пыпин, А. Н. Седельников, В. А. Долгорукий отмечали большие заслуги Н. М. Ядринцева в исследовании азиатской России.

Говоря о влиянии образования Н. М. Ядринцева на определение сферы его научных интересов, этнограф А. Н. Пыпин указывал на особую роль 1860-х гг. как времени всероссийского общественного подъёма: «Всё это было перемешано с юношескими простодушными мечтами, но вместе с тем послужило для многих сильным побуждением к изучению своей родины, а для некоторых определило всю дальнейшую трудовую жизнь»¹⁵⁵. Обобщающая дореволюционная характеристика личности Н. М. Ядринцева как учёного заключалась в его потребности видеть «связи и взаимодействия между наукой и жизнью»¹⁵⁶.

В связи с низким уровнем развития образования, отсутствием собственного университета, оттоком способного заниматься исследованиями населения в европейскую часть России, инородческий вопрос в Сибири к началу XX в. не получил широкого научного освещения. К началу XX в. произошли значительные изменения в geopolитическом и экономическом статусе Сибири. Строительство железнодорожной магистрали, связывающей запад и восток страны, позволило вывозить огромные запасы полезных ископаемых из Сибири. Активизация отношений с Китаем во второй половине XIX в. предполагала потребность исследования территорий Сибири, граничащих с северо-восточными провинциями Китая. Переселенческая политика царского правительства, проводившаяся во второй половине XIX – начале XX вв. в связи с острым

¹⁵⁵ Пыпин А. Н. История русской этнографии. – Т. 4: Белоруссия и Сибирь. – СПб., 1892. – С. 373.

¹⁵⁶ Фарафонова Т. М. Н. М. Ядринцев // Юбилейный сборник Западно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества. – Омск, 1902. – С. 4.

агарным кризисом европейской России, также диктовала необходимость более тщательного изучения хозяйства, быта и нравов коренных народов Сибири.

Исследователи конца XIX в. отмечали, что Н. М. Ядринцев боролся бесправием сибирского населения. А.Н. Пыпин, описывая условия складывания научного характера Н. М. Ядринцева, указывал на особое значение либеральных реформ 1860-х гг., которые дали будущему исследователю надежду на уравнение инородцев в правах с населением европейской России¹⁵⁷.

Н. М. Ядринцева огорчало состояние науки в Сибири во второй половине XIX в. «Географические дела наши плохи», – писал он зимой 1878 – 1879 гг.¹⁵⁸ Организация Западно-Сибирского Русского Географического Общества стала значительным шагом для развития географической и этнографической науки на территории Сибири.

Оживление изучения Сибири во второй половине XIX в., активизация связей с Востоком (особенно с Китаем) и вызванное этим строительство железной дороги предопределило повышение интереса иностранцев к сибреведению. В 1880-е гг. с этнографическими экспедициями в Сибири побывали англичанин Г. Лансдель, итальянец С. Сомье, американец Дж. Кеннан, финны – А. Альквист, В. Гакман, К. Доннер, А. Гейкель, шведы, французы, немцы. Сибирь привлекала иностранный капитал своими обширными природными ресурсами и требовала всестороннего изучения. Л. Б. Ус указывала на мысль Н. М. Ядринцева о новом цивилизационном значении Сибири: «В глазах иностранцев Сибирь явились в новом свете, а именно, посредницей Европы с Азией и международной дорогой»¹⁵⁹. Таким образом, географические исследования Н.М. Ядринцева имели особый geopolитический смысл, связанный с активизацией отношений с Китаем и приближающимся русско-японским конфликтом в начале XX в.

Ареалом географических исследований Н.М. Ядринцева стала Западная и Восточная Сибирь, особое внимание он уделял территории Алтая. Научная и

¹⁵⁷ Пыпин А.Н. Указ. соч. – С. 373.

¹⁵⁸ Цит. по: Фарафонова Т. Н.М. Ядринцев // Юбилейный сборник Западно-Сибирского Отдела императорского Русского Географического Общества. – Омск, 1902. – С. 4.

¹⁵⁹ Ус Л. Б. Международные научные связи Сибири (конец XIX – начало XX вв.). – Новосибирск, 2005. – С. 4.

популяризаторская деятельность Н. М. Ядринцева на территории его родины, куда он вернулся после жизни в Петербурге, изложение итогов сибирских этнографических и географических экспедиций в путевых очерках, печатавшихся на страницах местных газет, предопределило сохранение имени Н. М. Ядринцева как патриота в исторической памяти этнографов. Этнографические экспедиции Н. М. Ядринцева определялись как проявление патриотизма исследователями 1894 – 1994 гг. Вместе с тем, патриотизм как социально-политическая категория на протяжении этого периода претерпевала значительные трансформации. Тем не менее, дореволюционные, советские и постсоветские исследователи характеризовали научную деятельность Н. М. Ядринцева как патриотичную вне зависимости от интерпретации этого чувства в тот или иной период времени. Об экспедициях Н. М. Ядринцева по Сибири как о проявлении его любви к Родине писали дореволюционные специалисты В. А. Долгорукой, А. Н. Пыпин. Исследование Н. М. Ядринцевым сибирских территорий, на которых у него практически не было предшественников, освоение больших по протяжённости местностей, его высокая работоспособность, стремление представить Сибирь не как изолированную малоразвитую территорию, а как пространство, имеющее глобальное геополитическое и геоэкономическое значение, – стали факторами, которые в совокупности были расценены этнографами как его географический и этнографический патриотизм.

Экспедиции на Алтай были совершены Н. М. Ядринцевым в качестве члена Императорского Русского Географического Общества в 1878 г. и в 1880 г. Основной целью исследователь ставил изучение условий колонизации алтайской территории. А. Н. Пыпин определял заинтересованность Н. М. Ядринцева колонизацией Сибири и современными ему переселенческими процессами тем, что его интересовала «будущность страны и условия её благосостояния», а также «современным состоянием инородческих племён под влиянием их столкновения с русской колонизацией и промышленным движением»¹⁶⁰. Кроме исследования условий русской колонизации Алтая Н. М. Ядринцев производил археологические

¹⁶⁰ Пыпин А.Н. Указ. соч. – С. 377.

работы в рамках задачи изучения хозяйства коренных жителей Алтая. В лесах Черни исследователь наблюдал все формы перехода от кочевого быта к оседлому, и сделал вывод, что «этот переход совершился не путем внешним, насильственного воздействия, а под влиянием вполне естественных побуждений, вызванных обстановкой природы», – писала Т. Фарафонова¹⁶¹. Для Н. М. Ядринцева проследить переход инородческого быта от кочевого к оседлому было задачей не столько исследовательской, сколько практической. Он выполнял изучение первобытной культуры как исходной точки формирования особенностей культуры, хозяйства и быта коренных этносов, и последующий их переход к полуоседлости на территории алтайских лесов, а затем и оседлости, в рамках исследования современной ему русской колонизации и выяснения её влияния на характер хозяйства народов Сибири. Исходя из анализа исследовательских текстов, Н. М. Ядринцев характеризуется именно как сторонник эволюционного пути развития экономики сибирских народов.

Перевалив через Чуйские белки, он дал подробное описание высочайшей горы Белухи, Н. М. Ядринцев изучал катунские глетчеры. Он установил, что озеро Чаны высыхает — это было крупным научным открытием. Современный почётный член Географического общества Д. Н. Фиалков писал о том, что Н. М. Ядринцевым был положен почин в исследовании озёр Чаны, Сумы, Абыкшан и выяснении причин их усыхания¹⁶². После смерти исследователя изучение озёрных берегов было продолжено не только географами, но и ихтиологами, экологами, гидрологами и другими специалистами. В начале XXI в. Российским Фондом фундаментальных исследований был выделен грант на проведение гидрохимических и гидробиологических исследований Чанов.

В конце XIX в. озеро Чаны оказывало значительное влияние на хозяйство местного населения. На его берегах находилось 17 населённых пунктов, на некоторых островах находились старинные инородческие поселения, что давало Н. М. Ядринцеву возможность наблюдать архаичные формы экономики, культуры

¹⁶¹ Фарафонова Т. Н.М. Ядринцев // Юбилейный сборник Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества. – Омск, 1902. – С. 10.

¹⁶² Фиалков Д.Н. Из тьмы забвения // Омская правда. – 1992. – 3 ноября. – С. 2.

и религии алтайских этносов. Т. Фарафонова писала о признании Н. М. Ядринцевым негативного влияния высыхания Чанов, «которое сильно отражается на благосостоянии местного населения»¹⁶³.

Подводя итог, мы пришли к выводу о востребованности образа Н. М. Ядринцева в научном дискурсе в дореволюционный период. Отсутствие университета в Сибири, слабость развития общественной мысли, цензура научных текстов предопределили немногочисленный корпус источников этого этапа мемориализации образа лидера сибирского областничества.

Революционные события начала XX века способствовали повышению интереса научного сообщества к исторической специфике развития Сибири, рассмотрению альтернатив её развития. Уменьшение цензуры в этот период позволило рассматривать биографию и взгляды Н. М. Ядринцева в контексте областничества. Уже сформировавшаяся его характеристика как патриота дополнилась областническими идеями. Научное сообщество акцентировало внимание на стремлении героя нашего исследования представить Сибирь не как сырьевую колонию России, а как регион с собственной исторической спецификой, потребностями интенсивного развития экономики, основу которого Н. М. Ядринцев видел в вольнонародной колонизации края. Привлечь население в Сибирь можно, развивая культуру региона; удержать местное население от миграции в европейскую часть России можно, учредив сибирские университеты. В связи с этими взглядами образ Н. М. Ядринцева дополнился характеристикой просветителя, борца за развитие общественной мысли. Этнографы изображали Н. М. Ядринцева как одного из пионеров исследования коренных народов Сибири, делая акценты на его уважении к самобытности местного населения.

Революционные процессы шли параллельно формированию самоидентификации этнических, территориальных, социокультурных общественных групп. Становление сибирской «мы-группы» сделало актуальным обращение научного сообщества к тем сюжетам и персонажам локальной

¹⁶³ Фарафонова Т. М. Н. М. Ядринцев // Юбилейный сборник Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества. – Омск, 1902. – С. 6-7.

истории, которые отражали именно сибирскую идентичность (становились «местами памяти» по П. Нора) и позволяли конструировать социальные, территориальные и мировоззренческие рамки, отделяющие сибирскую «мы-группу» от других локальных сообществ.

§ 3. Места памяти Н. М. Ядринцева в 1894 – 1917 гг.

Роль коммеморации как компонента культурной памяти социальных сообществ признана и проблематизирована исторической наукой с последней четверти XX в. Национальная память общества закрепляется посредством символовических элементов, свидетельствующих о значимых исторических событиях, личностях, памятниках культуры или природы, исторических

нарративах – «местах памяти» по терминологии П. Нора¹⁶⁴. Возникновение и закрепление «мест памяти» исходит как от сообщества, так и от государственных институтов, поэтому исследователями востребована категория «политики памяти»¹⁶⁵. Высокий потенциал для изучения массовых общественных представлений содержится в пространстве населённых пунктов – городов, сёл, деревень. Специфика культурной памяти в городской и сельской топонимике заключается в расширении круга акцепторов образов исторических личностей и событий, представляющих ценность для местности.

Ранняя память о Н. М. Ядринцеве в городской и сельской топонимике формируется при его жизни. В 1892 г. на территории Омской области, вблизи от Тюкалинского тракта, возникла деревня Ядринцево¹⁶⁶. Присвоение деревне именно этого названия в начале 90-х гг. XIX в. произошло в связи с участием Николая Михайловича в благотворительной акции – помочь переселенцам во время эпидемии холеры и голода. «Переселенцы с радостью приняли предложение назвать свой населённый пункт именем одного из крупнейших литературных деятелей Сибири», – писал С. П. Швецов в статье «Ядринцевский переселенческий пункт» в 1903 г.¹⁶⁷. В 1937 г. село было переименовано.¹⁶⁸. Вопреки этому, школа I ступени, располагавшаяся в нём, оставила название «Ядринцевская» в этот период¹⁶⁹. В настоящий момент село носит название Увало-Ядрино, но на страницах газет не раз поднимался вопрос о возвращении ему исторического названия¹⁷⁰. Почётный член Географического общества Д. Н. Фиалков писал: «Можно пожалеть об исчезнувшем посёлке, но рядом в 3 км – новое село Увало-Ядрино. В нём – прекрасный школьный комплекс, контора с мраморными ступенями, оранжерея, цветы. Но – ни одного портрета

¹⁶⁴ Нора П. Указ. соч.

¹⁶⁵ Миллер А. Роль экспертных сообществ в политике памяти в России [Электронный ресурс]. URL: <http://gefter.ru/archive/11115> (дата обращения - 05.02.2015).

¹⁶⁶ Материалы для изучения быта переселенцев, выдворенных в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 70-х до 1893 года). – М., 1895. – Т. 1. – С. 352.

¹⁶⁷ Швецов С. П. Ядринцевский переселенческий пункт // Сибирский вестник. – 1903. – 11 июля. – С. 3.

¹⁶⁸ ИАОО. Ф. 437. Оп. 14. Д. 2846. Л. 53.

¹⁶⁹ ИАОО. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 5. Л. 7 – 8.

¹⁷⁰ Петров И. О малой Родине и сыновьем долгे // Омская правда. – 1988. – 22 мая. – С. 3.

Ядринцева»¹⁷¹. Очевидно, что символическое увековечение имени Н. М. Ядринцева в названии посёлка стало для омичей способом позитивной идентификации города, уроженцем которого был Николай Михайлович.

Рост образованности сибиряков в совокупности с подъёмом патриотизма в Сибири во второй половине XIX в. обусловили интерес к региональной сибирской истории, который сливался с проблемой поиска выдающихся сибиряков. Н. М. Ядринцев стал одним из них, потому что его деятельность стала катализатором становления сибирского самосознания в дореволюционный период. В связи с формированием региональной идентичности возникла потребность закрепления памяти о положительных героях сибирской истории в названиях улиц и географических объектов. В этом процессе участвовали современники Н. М. Ядринцева, стремившиеся подчеркнуть «равноценность» сибирской истории в контексте общероссийской.

Будучи местом рождения лидера областничества, город Омск сохранил память о Н. М. Ядринцеве: его имя было присвоено одной из дореволюционных улиц, которая располагалась между ул. 10 лет Октября и ул. Лермонтова. Информация о названиях улиц Омска второй половины XIX в. впервые содержится в официальном плане города 1898 г. Именно этот год можно считать точкой отсчёта топонимики омских улиц¹⁷². Согласно этому документу, во второй половине XIX в. улица носила название Полицейской, но в 1900 г. ей было присвоено имя выдающегося сибирского общественного деятеля, и она стала называться Ядринцевской, с 1904 г. – улица Ядринцева¹⁷³.

Раннее детство Н. М. Ядринцева прошло в Тобольске. В ходе поездки по Сибири в 1886 г. герой нашего исследования посетил и этот город. В Тобольске Н. М. Ядринцев ознакомился с археологической коллекцией, собранной художником, писателем, археологом М. С. Знаменским. Память о пребывании Н. М. Ядринцева в доме М. С. Знаменского сохранилась, сведений о здании нет.

¹⁷¹ Фиалков Д. Н. Из тьмы забвения // Омская правда. – 1992. – 3 ноября. – С. 2.

¹⁷² ИАОО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 567; Брычков П. Наши омские улицы: К 290-летию Омска // Бизнес-курс. – 2006. – № 32. – С. 77; Он же // Бизнес-курс. – 2006. – № 33. – С. 85.

¹⁷³ Список улиц г. Омска по форштадтам. ИАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 356. Л. 455.

Память о Н. М. Ядринцеве в г. Барнауле носит особый смысл в связи с тем, что последние дни своей жизни выдающийся сибирский деятель провёл именно в этом городе. В государственном архиве г. Барнаула хранится фотопозитив памятника Н. М. Ядринцеву на Нагорном кладбище¹⁷⁴. Вместе с тем, историческая память барнаульцев о Николае Михайловиче не ограничивается сведениями о его внезапной кончине и захоронении на территории их города. Барнаул стал одним из центров культурной памяти о географической и этнографической деятельности Н. М. Ядринцева. В рамках исследовательской работы Н. М. Ядринцев ставил перед собой две задачи: выяснить «причины обеднения инородцев и вымирания их» и сформулировать «вопросы их дальнейшего сохранения и условия, при которых совершаются нормальные переходы к оседлости»¹⁷⁵. Поставленные задачи имели не только научное, но и гуманистическое содержание. В связи с этим Н. М. Ядринцев воспринимался жителями Алтая как региональный культурный герой.

В г. Новосибирске именем Н. М. Ядринцева названа одна из улиц, находящаяся в историческом центре города. По документам, хранящимся в Новосибирском городском архиве, установить точную дату присвоения наименования улице Ядринцевской не удалось, но на карте Новосибирска 1906 г. она уже носит такое название¹⁷⁶. Так же, как и в Омске, название улицы имеет дореволюционную историю. В статье «Возвращение к истокам» Л. Юрьева писала о том, что переименование улиц на территории нашего государства, и, в том числе, в Новосибирске, тесно связано с идеологическим и историческим контекстом времени. «Руку к смене названий улиц приложили все поколения горожан, начиная с глубокоуважаемых прадедов. Из первоначальных названий сегодня чудом сохранились, например, Омская и Красноярская – имена, данные еще первыми жителями Новониколаевска, называвших улицы в честь родных мест. Рука не поднялась и на названия, данные в честь великих писателей –

¹⁷⁴ ЦХАФ АК. Фотопозитив № 6037.

¹⁷⁵ Фарафонова Т. Н. М. Ядринцев // Юбилейный сборник Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества. – Омск, 1902. – С. 11.

¹⁷⁶ План Новониколаевска 1906 г. [Электронный ресурс]. – URL:

http://www.retromap.ru/m/#_1419061_z14_55.030612.82.924077 (Дата обращения: 31.12. 2015)

Пушкина, Лермонтова, Достоевского и иже с ними. В компании «неприкасаемых» оказались также знаменитые путешественники – Потанин, Ядринцев и покоритель Сибири Ермак. Все остальное переименовывалось с увлечением и азартом. Любопытно, что по названиям улиц и местечек города можно проследить не только смену политических вихрей, но и настроений времени», – отмечала Л. Юрьева¹⁷⁷.

Улица имени Н. М. Ядринцева в г. Иркутске получила своё название в начале XX в. Когда она только начинала строиться в 1907 г., её назвали Ядринцевская. От улицы Ядринцевской до улицы Михеевской (Красноярской) в то время велась постройка казарм, которые затем образовали автономное военное поселение. В истории Иркутска имя Н. М. Ядринцева играет особую роль: в 1888 г. сюда была перенесена редакция газеты «Восточное обозрение», ставшая одним из каналов общедемократического и просветительского движения в Сибири. С. А. Гокк писала: «В Иркутске была сильная, по сравнению с другими сибирскими городами, прослойка буржуазии, включавшая в сферу своих интересов благотворительность в области просвещения, культуры, образования, изучения края»¹⁷⁸. Веком ранее эта мысль была высказана А. П. Щаповым, который называл иркутскую буржуазию «могущественной, денежно–капиталистической олигархией»¹⁷⁹. Редакция газеты размещалась на пересечении улиц Троицкой и Харлампиевской, а с 1890 до 1906 г. – на улице Харлампиевской в доме Синицыной. В настоящее время эти здания не сохранились.

Особым местом памяти о Н. М. Ядринцеве стала его могила, установление, разрушение и восстановление памятника на которой отражало тенденции политических течений времени. В 1894 г. Н. М. Ядринцев приехал в Барнаул. Выдающийся сибирский деятель занимался в то время вопросами переселения, и, узнав, что в Барнауле предполагается организация статистических исследований экономического быта крестьян, занял должность заведующего статистическим

¹⁷⁷ Юрьева Л. Возвращение к истокам // Вечерний Новосибирск. – 2006. – 7 дек.

¹⁷⁸ Гокк, С. А. Развитие библиографии в Сибири (XIX в. – 1917 г.). – Новосибирск, 2006. – С. 48.

¹⁷⁹ Щапов, А. П. Сибирское общество до Сперанского // Известия Сибирского отделения РГО. – Иркутск, 1874. – Т. 5. – № 1. – С. 29.

отделением управления округа, предложенную ему начальником Алтайского горного округа полковником В. Болдыревым. 7 июня 1894 г. Н. М. Ядринцев скончался, пробыв в Барнауле всего несколько дней.

Л. С. Рафиенко привела фрагмент речи педагога и демократа В.К. Штильке, произнесённой на похоронах лидера сибирского областничества: «Эта насыпь похоронит под собой прах выдающегося сибиряка, писателя-публициста Николая Михайловича Ядринцева, который в продолжение 30 лет честно служил родной стране и ни разу не изменил нравственным идеалам. Всестороннее развитие Сибири во всех её лучших проявлениях составляло цель его жизни. Он жил её радостями, мучился её печалями. Эту безграничную любовь к родине, безустанную работу на её благо и развитие он завещал молодому поколению, как своё лучшее наследство»¹⁸⁰. М. Хренков, посвятивший статью «Заступнику народному» столетней годовщине смерти Н.М. Ядринцева, писал о том, что на его могилу было возложено 35 венков, надписи на которых характеризовали образ Н.М. Ядринцева как «просветителя», «учителя», «неутомимого исследователя Сибири», «товарища»¹⁸¹. В 1896 г. в Санкт-Петербурге ближайшими друзьями Н. М. Ядринцева – Г. Н. Потаниным, Д. И. Головачёвым, Я. А. Макеровым, А. В. Ереиновым был организован комитет по составлению проекта памятника и сбору денег на его установку.

А. В. Ереиновым был создан первоначальный проект памятника, но, как указывает Л. С. Рафиенко, «от него вынуждены были отказаться, так как его осуществление оказалось слишком дорогим»¹⁸². Более скромный памятник был создан учеником знаменитого академика В. А. Беклемишева архитектором Шулевым. В 1897 г. по проекту Н. Шулева на Колыванской шлифовальной фабрике был изготовлен памятник¹⁸³. В 1898 г. Общество любителей

¹⁸⁰ Рафиенко Л. С. Памятник выдающемуся сибиряку Н. М. Ядринцеву // Областная научно-практическая конференция, посвящённая 275-летию Омска. Секция: история культуры. – Омск, 1992. – С. 92.

¹⁸¹ Хренков М. «Заступнику народному»: светлой памяти Н. М. Ядринцева // Алтайская правда. – 1994. – 22 июня. – С. 4.

¹⁸² Рафиенко Л.С. Памятник выдающемуся сибиряку Н.М. Ядринцеву // Областная научно-практическая конференция, посвящённая 275-летию Омска. Секция: история культуры. – Омск, 1992. – С. 93.

¹⁸³ Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР / сост. Л.С. Рафиенко. – М., 1990. – С. 42.

исследований Алтая в Барнауле получило из Санкт-Петербурга бронзовый бюст Николая Михайловича работы скульптора К. М. Сибирякова (Изображение 1).

Изображение 1. Бюст работы К. М. Сибирякова на могиле Н. М. Ядринцева.

М. Хренков отмечал, что расходы на изготовление памятника «приняли на себя учёные и писатели Петербурга, и учащиеся, интеллигенция и купечество Барнаула»¹⁸⁴. Указание на социальный состав пожертвователей говорит о популярности имени Н. М. Ядринцева в основном среди представителей интеллектуального труда. Интеллигенция была адресатом его работ, поэтому позднее, после смерти Н. М. Ядринцева, эта социальная группа стала основным акцептором целенаправленного сохранения культурной памяти о нём.

Обращаясь к текстам дореволюционных сибирских газет, можно отметить печатавшиеся в них объявления о сборе средств на установку памятника Н. М. Ядринцеву. В связи с материальными затруднениями памятник был доставлен в Барнаул и установлен на могиле писателя лишь 18 февраля 1900 г. Торжественное открытие состоялось в день шестилетней годовщины со дня его смерти – 7 июня 1900 г. «Восточное обозрение» интерпретировало историю создания этого памятника как «позорно-блестящую страницу, характеризующую наше печальное

¹⁸⁴ Хренков М. «Заступнику народному»: светлой памяти Н.М. Ядринцева // Алтайская правда. – 1994. – 22 июня. – С. 4.

время, полное общественной тоски и абсолютной разобщённости интеллигентных сил»¹⁸⁵.

Первоначально памятник Н. М. Ядринцеву был изготовлен из мелкозернистого тёмно-серого гранита и состоял из стелы и саркофага, на крыше которого была золочёная пальмовая ветвь. В верхней части стелы поместили бронзовый бюст Н. М. Ядринцева, ниже которого был отмечен и образ адресата, и адресанта: «Сибиряки – писателю-публицисту Сибири». Несмотря на акцент эпитафии на литературном аспекте творчества Николая Михайловича, её содержание как в момент установки памятника, так и спустя более ста лет имеет важное общественно-политическое значение.

На каждой грани пьедестала высечены названия основных работ Н.М. Ядринцева, которые принесли ему всероссийскую известность: «Русская община в тюрьме и ссылке», «Сибирь как колония», «Сибирские инородцы» и название учреждённой им газеты «Восточное обозрение». На восточной грани пьедестала высечены стихи сибирского поэта И. В. Фёдорова-Омулевского:

«Желал бы я, чтоб в недра дорогие
Мой прах ты приняла, родимая земля!
Лежать в чужой стране, где люди все чужие,
Где чуждые кругом раскинулись поля, –
Я не могу!...»

Четверостишие И. В. Фёдорова-Омулевского, использованное в качестве эпитафии на могиле Н. М. Ядринцева, иллюстрирует процесс формирования «мы-группы» сибирского населения. Специфика этого процесса заключалась в его историческом контексте. Подчинение Сибири центральной России стало предпосылкой возникновения «мы-группы», противопоставлявшей себя населению европейской части государства. Текст эпитафии, написанный И. В. Фёдоровым-Омулевским, отмежевывает сибиряков и их общественного деятеля от «враждебных» по отношению к Сибири и её населению «чужих».

¹⁸⁵ Б-в. Открытие памятника Н.М. Ядринцева в г. Барнауле // Восточное обозрение. – 1900. – № 143. – С. 2.

Словесное оформление памятника Н. М. Ядринцева в начале XX в. свидетельствует о развитии национального самосознания в Сибири. Н. М. Ядринцев был для сибиряков частью местной истории, которой можно и нужно было гордиться в эпоху становления региональной идентичности. Вместе с тем, анализ эпитафий Н. М. Ядринцеву иллюстрирует начальный этап зарождения «мы-группы» сибиряков: описывая лидера областничества как сибиряка, используются не столько духовные, сколько территориальные характеристики. Политические выводы, сделанные Н. М. Ядринцевым во второй половине XIX в., заложили основу формирования регионального патриотизма. Могила Н. М. Ядринцева стала одним из важнейших мест памяти для сибиряков – об этом упоминал и Д. Н. Фиалков, ещё в детстве посещавший захоронение¹⁸⁶, А. Долгушин¹⁸⁷, В. Серебряный¹⁸⁸ и многие другие. В дореволюционный период, начиная с 1900 г., в июне на могиле Н. М. Ядринцева проходили ежегодные панихиды.

В 1908 г. великий князь Николай Михайлович, начав собирать материалы о провинциальных некрополях, поручил местному духовенству составить список выдающихся людей, похороненных в Барнауле. Священники отправили отчёт в Петербург: «Сколько-нибудь замечательных по своему происхождению или деятельности лиц в числе погребенных при церквях или на городских кладбищах нет». Исключение они сделали только для могилы Н. М. Ядринцева, описав дорогой памятник, поставленный на пожертвования. В отчёте герой нашего исследователя назван писателем и публицистом¹⁸⁹.

«Местом памяти» Н. М. Ядринцева стали его портреты. С последней четверти XX в. в исторической науке произошёл «визуальный» поворот, следствием которого стало признание и проблематизация актуальности визуальных источников в исторических исследованиях. Через различного рода изображения происходит «очеловечивание» истории, появляется чувство

¹⁸⁶ Фиалков Д.Н. Из тьмы забвения // Омская правда. – 1992. – 3 ноября. – С. 2.

¹⁸⁷ Долгушин А. Имя в строке истории // Омская правда. – 2001. – 17 января. – С. 7.

¹⁸⁸ Серебряный В. «...И оживают забытые имена» // Алтайская правда. – 1980. – 12 декабря.

¹⁸⁹ Томский некрополь (по документам фонда великого князя Николая Михайловича в РГИА) / сост. Д. Н. Шилов. – СПб., 2010. – С. 33 – 34.

сопричастности прошлому как следствие распространения социальных практик создания визуальных образов исторической реальности. Невербальные сообщения позволяют дополнить исторический нарратив, а в некоторых случаях стать основными носителями информации о связи прошлого и настоящего. Использование визуальных источников в историческом поиске предполагает многоаспектную реконструкцию объектов, формирование целостного представления о них.

Портрет исторической личности соединяет сущностные и оценочные характеристики её образа. До XIX в. портрет исполнялся в основном живописцем и означал принадлежность его референта к привилегированной социальной категории. В связи с развитием фотографии в XIX в. исследователи получили возможность реконструировать образы исторических личностей. Для нас стала продуктивной концепция интерпретации фотографии, предложенная представителем постструктурализма Р. Бартом. Фотография определена автором как поле пересечения четырёх видов воображения. «Находясь перед объективом, – пишет Р. Барт, – я одновременно являюсь тем, кем себя считаю, тем, кем я хотел бы, чтобы меня считали, тем, кем считает меня фотограф и тем, кем он пользуется, чтобы проявить своё искусство»¹⁹⁰. В литературных, публицистических, эпистолярных произведениях Н. М. Ядринцев выстраивал конструкт, воплощавший поведенческие стратегии интеллигента-патриота. В философии дореволюционной России выделялись атрибуты интеллигенции: гражданская ответственность, критическое отношение к официальной государственной власти, идеи защиты народных масс, социальная критика, целью которой предполагалось искоренение пороков, препятствующих нациальному развитию¹⁹¹. Применительно к себе Н. М. Ядринцев транслировал эти характеристики в автобиографии, письмах к областнику Г. Н. Потанину, в статьях издаваемой им газеты «Восточное обозрение». Запечатлён образ мыслителя, кипучего деятеля и на фотографиях: например, фотограф В. Павловский

¹⁹⁰ Барт, Р. Camera lucida: комментарий к фотографии / Пер. с франц. М. Рыклина. – М., 2011. – С. 32.

¹⁹¹ Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. – М., 1909.

изобразил задумчивого, интеллигентного человека в очках, пиджаке и в галстуке.
(Изображение 2).

Изображение 2. Портрет Н. М. Ядринцева работы В. Павловского.

Подтверждением визуального образа Н. М. Ядринцева, созданного фотографами, служат воспоминания С. П. Швецова о внешности героя нашего исследования: «Общительный и остроумный, часто едкий, он умел создавать вокруг себя много движения, оживления. Невысокого роста, тонкий и стройный, хорошо одетый, всегда чем-то возбужденный, взбудороженный, – таково, в целом, полученное мною от него впечатление, сохранившееся на всю жизнь. Таково оно было и от первой встречи. Как-то не хотелось верить, что перед вами, в сущности, старше – это просто не замечалось, стушевывалось его активностью и отзывчивостью. В нем живо чувствовалось если не молодость, о которой было бы странно и говорить, то присутствие той душевной бодрости и свежести, которая стоит иной молодости. Но рядом со всем этим выступала и та черта, о которой я упомянул выше. Галстухи, я бы сказал, были слабым местом Николая Михайловича: каждый день, а то и на день два-три раза – новый галстух, всегда пышный, с каким-нибудь необычным узлом, невольно останавливающим на себе внимание; из бокового карманчика пиджака кокетливо высывающийся кончик

белого или шелкового цветного платка, в сущности, совершенно не нужного и им не употреблявшегося; свежие изящные перчатки, духи, как-то особенно, молодо сидящая на пушистых седых волосах светло-серая пуховая шляпа, — все это вместе взятое создавало определенное, далеко не благоприятное для Николая Михайловича впечатление, покрывало всю его фигуру, такую изящную и гибкую, тонким налетом фатоватости — и это отталкивало. Но это было лишь первое, скоро проходящее впечатление. Остроумие, живость, яркость всей личности Николая Михайловича очень быстро его почти без остатка стирали. Но во мне оно все же оставило досадное чувство»¹⁹². В начале 1890-х гг. фотограф стремился передать изрядный исследовательский, бытовой, литературный опыт Н. М. Ядринцева, накопленный им к пятидесятилетнему возрасту. Не случайно именно этот фотографический портрет был выбран К. О. Брожем для иллюстрации памяти о Н. М. Ядринцеве в журнале «Всемирная иллюстрация» после его смерти в 1894 г.¹⁹³. (Изображение 3).

Изображение 3. Портрет Н. М. Ядринцева работы К. О. Брожа.

Известный иркутский фотограф П. А. Милевский запечатлел коллективный портрет исследователей Сибири, членов Императорского Русского

¹⁹² Швецов С.П. Тени прошлого // Литературное наследство Сибири. – Новосибирск, 1980. – Т. 5. – С. 380.

¹⁹³ Брож, К.О. Портрет Н.М. Ядринцева (с фотографии В. Павловского) // Всемирная иллюстрация. – Т. 51. - № 1325. – С. 416.

Географического Общества¹⁹⁴. Композиция изображения выстроена таким образом, чтобы транслировать зрителям образ учёных Сибири XIX в.: сидящие за столом перед разложенными бумагами, с книгами в руках, исследователи представляются интеллигентными, утончёнными, мыслящими людьми (Изображение 4).

Изображение 4. Коллективный портрет исследователей Сибири, членов Императорского Русского Географического Общества, работы П. А. Милевского.

В контексте современных представлений о науке и культуре в рамках научного сообщества мы способны реконструировать складывавшуюся в XIX столетии сибирскую интеллигенцию, успехи и сложности исследователей далёкого от столицы края, овеянного стереотипами о постоянных морозах и месте ссылки и каторги. Эти представления – то, что Р. Барт назвал «закадровым пространством», – основаны на эмоциях и информации, которой располагает каждый реципиент. Возвращаясь к концепции пересечения четырёх видов воображения в фотографии, обратимся к создателю изображения П. А. Милевскому. В его биографии привлекает внимание факт того, что он постоянно проживал в Иркутске до 1901 г.¹⁹⁵. В связи с этим предположим, что П. А.

¹⁹⁴ Фото П. А. Милевского. М.Я.Писарев, Н.М. Ядринцев, Г.Н.Потанин, М.В.Загоскин, А.П.Нестеров. 1890-е гг. (из архива редакции) // Свободный курс. – 2015. – 3 апреля. [Электронный ресурс]. URL: <http://altapress.ru/story/154828> (Дата обращения: 12.07.2015).

¹⁹⁵ Милевский П. А. [Электронный ресурс]. URL: http://irkipedia.ru/content/milevskiy_petr_adamovich (Дата обращения: 16. 07. 2015).

Милевский стремился иллюстрировать духовность и высокий интеллектуальный потенциал иркутской (и в целом – сибирской) интеллигенции, что было проявлением его регионального патриотизма как члена сибирского сообщества.

В отличие от индивидуального портрета, коллективная фотография призвана сообщить о складывании интеллектуального коллектива в Сибири XIX в. Детальное внимание к биографии каждого из референтов усиливает образ объединения интеллигентов-патриотов: Н. М. Ядринцев, А. П. Нестеров и Г. Н. Потанин – областники, выступали за демократические преобразования в Сибири; М. Я. Писарев – врач-подвижник, активный общественный деятель; М. В. Загоскин – общественный деятель, журналист, акцентировавший внимание читателей на проблемах сибирской жизни. Резюмируя, мы пришли к выводу об изображении лидера сибирского областничества Н. М. Ядринцева в числе интеллигентов и патриотов Сибири XIX в.

Портреты знаменитого сибиряка были уместны в научных, культурных, просветительских учреждениях, призванных акцентировать внимание на вкладе Н. М. Ядринцева в развитии края. Одним из дореволюционных учреждений, хранивших портрет Н. М. Ядринцева, стала школа, расположенная в Любинской волости Омской губернии¹⁹⁶.

Другим учреждением, разместившим портрет Н. М. Ядринцева, стало Общество любителей исследований Алтая. В память о Н. М. Ядринцеве, внёсшим значительный вклад в географическое и этнографическое изучение Алтая, А. М. Сибиряков весной 1895 г. пожертвовал Обществу художественно исполненный портрет лидера сибирского областничества¹⁹⁷. Корреспондент газеты «Степной край» в статье 1896 г. повествовал о злоключениях портрета: «В Барнауле портрет был получен только осенью и положен вместе с ящиком, в котором был прислан, на один из шкафов статистического бюро. В октябре 1895 г. портрет несколько раз тревожили с его пыльного места, раскапоривали ящик, рассматривали портрет, удивлялись хорошему рисунку, живости и верности передачи. Затем

¹⁹⁶ ИАОО. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 5. Л. 7 – 8.

¹⁹⁷ Лемке, М. К. Указ. соч. – С. 193.

портрет снова заколачивали и отправляли на прежнее место. Статистическая пыль в изобилии покрывала и шкаф, и лежащий на нём ящик, – и о портрете временно забывали. В Совете Общества были деньги, пожертвованные В. А. Гороховым на памятник Николаю Михайловичу. Совет просил господина Горохова дать этим деньгам иное назначение, именно – употребить их на приобретение рамы для портрета, на что немедленно было получено полное согласие. В Совете появились признаки энергии, результатом которой было пожертвование господином Вершининым стекла к раме. Стекло, конечно, отправилось туда же, где находился портрет, то есть – на статистический шкаф»¹⁹⁸. Дальнейшая судьба этого портрета неизвестна, но мы предполагаем, что вместе с реорганизацией Общества любителей исследований Алтая в 1931 г. портрет был уничтожен как ненужный символ дореволюционного времени.

Отдельный аспект реконструкции дореволюционных визуальных образов Н. М. Ядринцева заключается в анализе авторских надписей, сопровождающих его портреты. Содержание подписи к фотографии позволяет современникам актуализировать какое-либо событие или строку биографии её референта через авторскую (субъективную) интерпретацию событий. В 1891 г. в Санкт-Петербурге вышло издание П. К. Мартынова «Цвет нашей интеллигенции: Словарь – альбом русских деятелей XIX в. в силуэтах, кратких характеристиках, надписям к портретам и эпитафиях». Цель создания альбома определена самим автором – это «обобщение смелой идеи создать резвую *«поэзию надписей»* и присвоение этой поэзии самостоятельной роли – служить обществу»¹⁹⁹. П. К. Мартынов стремился максимально объективно подойти к реализации поставленной цели: подписывая фотографию Н. М. Ядринцева (работы В. Павловского), он перечислил его основные заслуги в области литературы, географии, этнографии, общественного дела:

Он нам писал «Об общине в тюрьме и ссылке»,

Ходил на Каракорум для развлеченья,

¹⁹⁸ Цит. по: Лемке, М. К. Указ. соч. – С. 194.

¹⁹⁹ Мартынов, П. К. Цвет нашей интеллигенции: Словарь – альбом русских деятелей XIX в. в силуэтах, кратких характеристиках, надписях к портретам и эпитафиям. – СПб., 1891. – С. III.

И где-то на берегах Амура или Шилки
«Восточное» печатал «Обозрение»²⁰⁰.

Неполное перечисление областей деятельности Н. М. Ядринцева может быть объяснено цензурными ограничениями. В начале 90-х гг. XIX в., в период господства консервативных тенденций в печати, вряд ли автор мог позволить себе упомянуть о гражданском патриотизме Н. М. Ядринцева, который в 1860-е гг. квалифицировался как «сепаратизм»²⁰¹. Намёк на близкое знакомство героя нашего исследования с тюрьмой и ссылкой заключён в первой строке стихотворения, отсылающей читателя к омскому, и, позднее, шенкурскому периоду жизни Николая Михайловича. Об открытии Н. М. Ядринцевым древней монгольской столицы Каракорума, всколыхнувшем весь отечественный и зарубежный учёный мир, повествует вторая строка стихотворения. В образе организатора провинциальной печати Н. М. Ядринцев выступает в двух последних строках: если факт этнографических и географических исследований интересовал, в основном, научное сообщество, то основание им газеты «Восточное обозрение» – факт, известный широкой читающей аудитории. Резюмируя, заключим, что произведение П. К. Мартынова конкретизировало сконструированный фотографией В. Павловского образ Н. М. Ядринцева характеристиками борца за демократические преобразования своей родины, её культурный рост, накопление научного потенциала.

Во втором десятилетии XX в. М. Б. Шатиловым была создана ещё одна подпись к портрету лидера сибирского областничества. Она представляет интерес в связи с тем, что относится к истории воспоминаний, актуализированным социально-политическими событиями. М. Б. Шатилов был последователем идей Н. М. Ядринцева и Г. Н. Потанина, сторонником идеи автономии Сибири. С назреванием революционного кризиса он вступил в ряды социалистов. В его статье, опубликованной в известном областническом журнале «Сибирский

²⁰⁰ Мартынов П. К. Цвет нашей интеллигенции: Словарь – альбом русских деятелей XIX в. в силуэтах, кратких характеристиках, надписях к портретам и эпитафиях. – СПб., 1891. – С. 246.

²⁰¹ ГАРФ. Ф. 109. № 196. Л. 1.

студент», помещен фотографический портрет Н. М. Ядринцева работы В. Павловского, сопровождённый четверостишием С. Г. Фруга:

Так будьте ж до конца грядущих светлых дней
Благословенны небесами,
Вы, славные сыны, восставшие бойцами
В защиту Родины своей²⁰².

Опубликование стихотворения в качестве подписи к фотографии относится к 1915 г. – периоду назревания новой революционной ситуации, осознания незначительности уступок сибирскому населению после революции 1905 – 1907 гг. Для этих десятилетий характерно обращение в демократической сибирской прессе к истории областничества с целью актуализации исторических традиций освободительной борьбы в регионе. Образ Н. М. Ядринцева, как основателя сибирского областничества, в период революционной борьбы способствовал сплочению общества. Закономерность влияния общей исторической памяти на обретение групповой идентичности отмечали многие авторы, например, М. Хальбвакс и Ф. Б. Шенк²⁰³. Потребность использования событий и идей прошлого в социально-политическом контексте настоящего была вызвана также необходимостью обозначения целей и методов борьбы для общественно активных сил Сибири. Образ Ядринцева–интеллигента на фотографии дополнен образом Ядринцева–борца в подписи к этой фотографии. Другой целью опубликования портрета Н. М. Ядринцева и четверостишия к нему была трансляция оптимизма, бодрости, призванная воодушевить борцов за гражданские свободы Сибири, её демократизацию. В этом аспекте закономерность наступления «светлых дней» обусловлена историческим наследием областников.

Иной характер имеет подпись к карандашному портрету Н.М. Ядринцева, выполненному К. О. Брожем. Иллюстрация была опубликована в журнале «Всемирная иллюстрация» в 1894 г. – в память о выдающемся сибиряке. Под

²⁰² Шатилов М.Б. На славном посту // Сибирский студент. – Томск, 1915. – С. 43.

²⁰³ Хальбвакс М. Указ. соч.; Шенк Ф.Б. Указ. соч.

портретом – автограф: «Н. Ядринцев»²⁰⁴. Лаконичность подписи призвана продемонстрировать, с одной стороны, известность персоны, с другой – недопустимость многословия в момент скорбного торжества.

Памятные места Н. М. Ядринцева часто встречались в пространстве крупных сибирских городов дореволюционного периода. Герой нашего исследования стал для дореволюционной Сибири тем выдающимся уроженцем региона, воспоминание о котором иллюстрировало наличие собственной истории. «Местами памяти» Н. М. Ядринцева в пространстве сибирских городов стали топографические (улицы и село его имени) и социальные (дома семьи Ядринцевых, гимназии, музеи, фабрика, здания Императорского Русского Географического общества и др.) объекты, его портреты и надписи к ним. Образ Н. М. Ядринцева в сибирских городах представляет его в таких социальных ролях, как филантроп, исследователь Сибири – археолог, этнограф, географ, – и тесно связанную с этой деятельностью роль просветителя. Говоря о «ядринцевских» местах в сибирском регионе, следует отметить, что не все они содержат материальные символы (например, мемориальные доски) о пребывании там Николая Михайловича. Память о вкладе Н. М. Ядринцева в развитие сибирского региона сохранилась благодаря воспоминаниям сибиряков о нём, которые транслировались на страницах периодической печати, в торжественных речах, в научных исследованиях.

В целом можно констатировать, что проблема коммемораций Н. М. Ядринцева, ставшая важным эпизодом в формировании сибирских «мест памяти», встраивается в концепцию складывания региональной идентичности, на основе которой конструировались сибирские «мы-группы».

Общим фоном, в границах которого происходило намеренноеувековечение имени лидера сибирского областничества, стало складывание революционной ситуации конца XIX – начала XX вв. и последовавшие за ней революционные события. Эти процессы способствовали, с одной стороны, обращению к

²⁰⁴ Брож, К.О. Портрет Н.М. Ядринцева (с фотографии В. Павловского) // Всемирная иллюстрация. – Т. 51. – № 1325. – С. 416.

историческим событиям и персонажам, выступавшим символами исторического опыта, необходимого сибирякам для борьбы за демократизацию региона. В рамках этого происходило акцентирование внимания на тех социально-политических характеристиках образа Н. М. Ядринцева, которые были актуальны для конкретной эпохи и определённой социальной группы. С другой стороны, коммеморации Н. М. Ядринцева в дореволюционный период способствовали складыванию его образа на разных уровнях: индивидуальном, групповом и массовом.

На протяжении 1894 – 1917 гг. происходило намеренное увековечение образа Н. М. Ядринцева. В ходе этого процесса осуществлялось не только приращение знания об эпизодах биографии лидера областничества, его исследовательской деятельности и общественно-политических взглядах. Уже в этот период проявилась динамика коммемораций Н. М. Ядринцева. Её обусловливали такие факторы, как политическая конъюнктура в стране, эволюция социальных групп, их экономические и культурные потребности. Коммеморации Н. М. Ядринцева в дореволюционный период трансформировались от эмоционально-личностных характеристик, обусловленных личным знакомством адресанта образа с лидером областничества, к конструированию надличностных, универсальных черт (патриот, исследователь, гражданин), которые могли наделяться специфическим содержанием в зависимости от потребностей адресанта.

Важным фактором, обусловившем динамику коммемораций Н. М. Ядринцева, стало ослабление цензуры, что сделало возможным обращение к его областническому наследию. Это предопределило диверсификацию образа героя нашего исследования, а также позволило наделить специфическим содержанием его характеристики как патриота, более рельефно определить понятие «гражданской позиции» в рамках вопросов, актуальных в первые два десятилетия XX века.

Основной социальной группой, которая конструировала образ Н. М. Ядринцева, была интеллигенция. Постулат Н. М. Ядринцева о Сибири как

колонии активно использовался ей для рассмотрения альтернатив развития региона. Интеллигенция связывала прогресс Сибири с необходимостью развития просвещения и формирования общественного мнения среди населения. В этом данная социальная группа видела собственное предназначение, поэтому образ Н.М. Ядринцева как просветителя и «будильника» сибирского самосознания занял важное место в рамках областнического дореволюционного дискурса.

Центральным вопросом при рассмотрении коммеморативных практик является вопрос о политике памяти. В дореволюционный период государство не играло значительной роли в намеренном увековечении имени Н. М. Ядринцева. Характерной чертой коммеморативных практик этого периода стало её осуществление силами интеллигенции, что изначально было обусловлено личными социальными связями с героем нашего исследования, стремлением транслировать воспоминания о нём в посмертный период, а позднее – необходимостью обращения к исторической личности, особенности биографии и деятельность которой была необходима для конструирования «мы-группы» сибирской интеллигенции, определения её идентичности и границ.

ГЛАВА 2. ОБРАЗ Н. М. ЯДРИНЦЕВА В КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ СИБИРЯКОВ в 1917 – 1994 гг.

§ 1. Репрезентации Н. М. Ядринцева в периодической печати 1917 – 1994 гг.

Радикализация общественной жизни произошла в 1917–1919 гг. в связи с изменением политической ситуации и выбором нового вектора развития Сибири. Популяризация образа Н. М. Ядринцева на страницах сибирской прессы происходила в контексте формирования регионального патриотизма – так же, как в дореволюционный период, но с 1917 г. поменялось его содержание. Практическая значимость общественно-политического и публицистического наследия Н. М. Ядринцева предполагала его коммеморации в прессе.

С демократизацией политической жизни весной-летом 1917 г. наступила новая эпоха для понимания патриотизма в контексте категорий сепаратизма и сибирского суверенитета. Для текстов этого периода характерно противопоставление 1917 г. и предшествовавшего «царского» времени, в течение которого пресекалось национальное и областное самоопределение²⁰⁵. Арест и

²⁰⁵ Крутовский В. М. Областное обозрение // Сибирские записки. – 1917. – № 3. – С. 141.

ссылка Н. М. Ядринцева, Г. Н. Потанина и их единомышленников служили иллюстрацией подавления царизмом патриотических чувств сибиряков.

Политизация образа Н. М. Ядринцева в 1917 – 1919 гг. представлена поздними сибирскими областниками Г. Н. Потаниным, С. Жидиловским, В. М. Крутовским. В статьях Г. Н. Потанина содержится анализ деятельности А. П. Щапова, С. С. Шашкова, Г. З. Елисеева, Н. М. Ядринцева, – и сделан вывод о принадлежности к «подлинному» областничеству только у последнего, поскольку он «встал на точку зрения сепаратиста»²⁰⁶. Представляя новое прочтение образа Н. М. Ядринцева в 1917 – 1919 гг., Г. Н. Потанин объясняет причины столь долгого молчания областников: сибирское общество не было готово воспринимать революционные идеи об отделении.²⁰⁷

Г. Н. Потанин писал об особой, модернизационной роли «Восточного обозрения» для Сибири. Она заключалась в злободневности вопросов, освещаемых газетой. Н. М. Ядринцев писал о факторах, тормозящих развитие Сибири. Среди них – штрафной вопрос и вопрос о ссылке.²⁰⁸ Штрафная колонизация и, как следствие, использование труда ссыльных и каторжных в производственной деятельности края вели к резкому сокращению капиталистических отношений и сохранению феодальных пережитков в процессе перехода крестьянства в состояние наёмных рабочих и получения прибыли от производственной деятельности²⁰⁹.

Коммеморации Н. М. Ядринцева 1917 – 1919 гг. были встроены в рамки общественно-политических ценностей времён Гражданской войны. Анализируя биографию героя нашего исследования, С. Жидиловский пришёл к выводу об ограниченности программы, предложенной Ядринцевым, и потребностей «трудового народа» и «истинной демократии»²¹⁰. Такая интерпретация соответствовала доктрине исторического материализма, согласно которой вся

²⁰⁶ Потанин Г. Н. Перед выступлением Ядринцева // Сибирские записки. – 1919. – № 2. – С. 30.

²⁰⁷ Там же. – С. 27.

²⁰⁸ Потанин Г. Н. Перед выступлением Н. М. Ядринцева // Сибирские записки. – 1919. – № 2. – С. 33.

²⁰⁹ ИАОО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 18756. Л. 26.

²¹⁰ Жидиловский С. Николай Михайлович Ядринцев. Краткая биография-характеристика // Сибирский рассвет. – 1919. – № 9. – С. 75.

история должна быть представлена как борьба трудового народа с эксплуататорами, а новые формы жизни построены на основе всеобщей равной коллективной собственности.

Для С. Жидиловского характерно «присвоение» образа Н. М. Ядринцева в целях пропаганды социалистических идей, в рамках которых им интерпретировалось понятие патриотизма. Вместе с тем, общественно-политические взгляды раннего областника иллюстрировали давнюю историю созревания революционных идей в Сибири. С. Жидиловский назвал Н. М. Ядринцева «будильником сибирской общественности»²¹¹.

В. М. Крутовский писал об уже переставшем существовать «Восточном обозрении» как о могущественном рычаге формирования общественного мнения, способном влиять на авторитет чиновников: «С «Восточным обозрением» считались сибирские помпадуры и генерал-губернаторы, и назначенные в Сибирь новые администраторы считали своей обязанностью перед отъездом явиться с визитом к Ядринцеву наравне с подобными же визитами, делаемыми разным министрам»²¹². В. М. Крутовский подчёркивал также значимость научной деятельности Н. М. Ядринцева, в частности, открытие орхонских древностей.²¹³.

С установлением советской власти обострился вопрос об отношении Николая Михайловича к враждебному советской власти классу – буржуазии. Она обвинялась авторами в игнорировании интересов простого народа, растлении и профанации идей областничества. Тем не менее, Н. М. Ядринцев признавал большое значение буржуазии в сибирском обществе. «Эти противоречия объясняются стремлением сибиряка-патриота втянуть в общественную работу на пользу родного края все силы, которые могут оказать пользу Сибири», – писал С. Жидиловский²¹⁴. Таким образом, автор предполагал возможность классового компромисса ради достижения целей областников.

²¹¹ Жидиловский С. Николай Михайлович Ядринцев. Краткая биография-характеристика // Сибирский рассвет. – 1919. – № 9. – С. 78.

²¹² Крутовский В. М. Отрывки из воспоминаний о Николае Михайловиче Ядринцеве // Сибирские записки. – 1919. – № 2. – С. 38.

²¹³ Там же. – С.43.

²¹⁴ Жидиловский С. Николай Михайлович Ядринцев. Краткая биография-характеристика // Сибирский рассвет. – 1919. – № 9. – С. 76.

Во время революций 1917 г. и Гражданской войны произошло увеличение количества публикаций о Н. М. Ядринцеве. Его фигура стала символом исторического опыта, к имени лидера областничества прикреплялись тексты, содержащие ответы на вопросы первых полутора десятилетий XX в.

После установления Советской власти наступила новая эпоха памяти о Н. М. Ядринцеве в периодической печати. С началом культурной революции в 1920-х гг. многие символы и ценности старого порядка были пересмотрены с точки зрения марксистской идеологии или преданы забвению. Большевики осознавали, что пресса – самый массовый канал формирования общественного мнения в среде грамотного населения, поэтому имя Н. М. Ядринцева, как символ старого режима, реже возникало на страницах газет и журналов. В отличие от дореволюционного периода, его биография не могла быть образцовой в Советском государстве по двум причинам. Н. М. Ядринцев представлял собой интеллигента, выходца из той категории населения, которую большевики признавали как второстепенную. Чтобы сохранить память о Н. М. Ядринцеве на страницах периодической печати, авторы должны были рассматривать его деятельность в контексте борьбы за права трудящихся. Наконец, герой нашего исследования попал под подозрение советской власти как символ культурной, политической, экономической автономии Сибири, в то время как идеология Советского государства не подразумевала реального права его частей на национальное самоопределение. Тем не менее, имя Н. М. Ядринцева не было предано забвению. Идеологические клише советской прессы предполагали обращение к наследию В. И. Ленина. Вождь Советского государства, встретившись с сыном Николая Михайловича, Львом Николаевичем Ядринцевым, положительно отозвался о творчестве и общественной деятельности его отца, что подчёркивалось в газетах и журналах 1920 – 1980-х гг. Этой встрече посвящена отдельная статья в журнале «Советская печать», где приведена знаменитая цитата В. И. Ленина: «Я высоко ценю деятельность вашего покойного отца и рад, что вы работаете в нашей газете».²¹⁵

²¹⁵ Вержбицкий Н. «Вы работаете в нашей газете» // Советская печать. – 1958. – № 4. – С. 8.

Областническое наследие Н. М. Ядринцева рассматривалось с позиций советской идеологии. В этом контексте советских авторов особенно сильно волновало отношение Н. М. Ядринцева к отдельным слоям российского и сибирского общества: буржуазии (как идеологического врага) и трудящимся. В. Вегман в 1923 г. критиковал его за то, что он выражал интересы сибирских промышленников, купцов и буржуазной интеллигенции. Противопоставляя дореволюционный и советский режим, историк писал о «правильном» понимании взглядов Ядринцева именно в рамках последнего: «А нас ещё недавно пытались убедить, что областничество – движение глубоко демократичное, и вызвано требованиями и нуждами трудящихся масс, рабочих и особенно крестьян»²¹⁶. Критика, направленная против областников, привела к дискредитации их идей в последующих публицистических текстах. Упрёк Н. М. Ядринцеву за недостаточную борьбу с сибирской буржуазией был связан со становлением новых ценностей и идеалов советского времени.

Устойчивой характеристикой на протяжении всего периода советской культурной памяти о Н. М. Ядринцеве была популяризация его просветительской деятельности. Просвещение было важной частью советской культуры. В первые годы существования Советской России власть столкнулась с неграмотным большинством. Была объявлена программа ликвидации безграмотности, сменившаяся в 1930 г. обязательным начальным, а несколькими десятилетиями позднее – всеобщим средним образованием. Поэтому изображение Н. М. Ядринцева как просветителя носило положительную окраску в эти годы. Впервые такую характеристику дал ему А. Терентьев в 1934 г. в журнале «Сибирские огни»²¹⁷. Написанная в рамках идеологического клише, его статья называла Н. М. Ядринцева демократом-просветителем. Враждебное отношение Н. М. Ядринцева к крепостному праву, которое трансформировалось в Сибири в борьбу против любого ущемления человеческого достоинства, предполагало возможность и необходимость населению бороться за гражданские права. Доступное всеобщее

²¹⁶ Вегман В. Областнические иллюзии, рассеянные революцией // Сибирские огни. – 1923. – № 3. – С. 91.

²¹⁷ Терентьев А. Н. М. Ядринцев // Сибирские огни. – 1934. – № 6. – С. 132 – 143.

образование предполагало воспитание гражданской сознательности и инициативности. В. И. Ленин, духовное наследие которого служило идеологическим фундаментом для советских публицистов, отмечал поддержку самоуправления, свободы, европейских форм жизни как черту, свойственную всем российским просветителям, и, в том числе, Н. М. Ядринцеву. Эти факторы позволили А. Терентьеву назвать Н. М. Ядринцева просветителем, хотя его взгляды подверглись критике автора за дуализм и ошибки по отношению к буржуазии. «Ядринцев, — писал А. Терентьев, — признает развитие промышленности буржуазной только для нормального развития в будущем, только как необходимый этап. Он робко намекает на идеал будущего, надо полагать — на социализм, Ядринцев нигде не дает марксистского анализа по любому социально-экономическому вопросу, нигде не указывает на необходимость свержения буржуазии — гегемоном — пролетариатом»²¹⁸. Статья А. Терентьева — пример «присвоения» образа исторической личности эпохой, ориентированной на пропаганду и достижение специфических марксистских ценностей.

В период 1940 — первой половины 1950-х гг. приоритетным направлением советской периодической печати было освещение событий и образов, связанных с Великой Отечественной войной. Официальный дискурс о победе советского народа в войне вытеснил имя Н. М. Ядринцева со страниц газет и журналов в этот период. Возврат к памяти о нём произошёл во второй половине 1950-х гг., с началом эпохи оттепели.

Резюмируя, отметим, что в 1917 — 1956 гг., в ходе масштабных перемен в вопросе формирования общественного мнения о героях истории царского периода, коммеморации Н. М. Ядринцева получили новое содержание. Цензура играла значительную роль в советской печати, поэтому авторы вынуждены были использовать такие идеологически правильные категории, как «трудящиеся», «марксизм», «неверная позиция», «базис» и др. Новое прочтение образа Н. М. Ядринцева не могло полностью вытеснить старые интерпретации его как

²¹⁸ Терентьев А. Н. М. Ядринцев // Сибирские огни. — 1934. — № 6. — С. 145.

интеллигента, просветителя, исследователя. Неразрывность его деятельности с потребностями народа побудило характеризовать его как «трудящегося интеллигента». Такая трансформация была направлена на то, чтобы встроить историческую фигуру Н. М. Ядринцева в новую знаковую систему, центром которой была советская власть и идеология.

Во второй половине XX в. регулярные публикации о Н. М. Ядринцеве начались с 1960-х гг. Сформировавшаяся в годы оттепели советская интеллигенция испытывала потребность в создании исторического образа «трудящегося интеллигента», идеи и результаты деятельности которого могла бы соотнести со своими потребностями. Начавшееся во второй половине 1960-х гг. правозащитное движение ставило перед советским обществом вопрос о возможности для интеллигенции быть движущей силой демократических процессов в обществе.

Во второй половине XX в. в советской периодической печати произошла эволюция взглядов на отношение Н. М. Ядринцева к интеллигенции. Понимая под интеллигенцией всех образованных людей, представителей умственного труда, В. И. Ленин, разделял её на пролетарскую, мелкобуржуазную и буржуазную. В ранний период советской периодической печати последние две группы противопоставлялись в идеях Н. М. Ядринцева с интересами «трудящихся масс». В 1970-е гг. интеллигенцию дефинирует как «трудовую»²¹⁹. Перемены исторической памяти были обусловлены следующими обстоятельствами. В 1960-е гг., в эпоху хрущёвской оттепели, сформировался слой советской интеллигенции, которой были присущи либеральные взгляды. Повышалось качество образования в стране, обязательной стала восьмилетняя школа, что привело к росту численности образованных людей. Профессии интеллектуального труда стали более востребованными в связи с модернизационными процессами, происходившими в советском обществе. Эти факторы сформировали адресанта и читателя образа Н. М. Ядринцева – именно «трудящегося интеллигента», каким и

²¹⁹ Коржавин В., Мирзоев В., Яновский Н. Н. К характеристике сибирского областничества // Сибирские огни. – 1971. – № 12. – С. 145.

был изображён герой нашего исследования в журнальных статьях. Указание на его социальное положение делало его образ близким и понятным и для авторов, и для читателей.

Образ Н. М. Ядринцева—«передового просветителя» получил развитие в советской прессе второй половины XX в.²²⁰. Повышение ценности образования, развитие науки и продолжение формирования советской интеллигенции делали востребованной эту характеристику. К ней прикреплялась ставшая традиционной дефиниция Н. М. Ядринцева как патриота.²²¹. По мнению В. Бальжиева, просветительский патриотизм Н. М. Ядринцева заключался в стремлении к образованию нерусских народностей Сибири.²²².

В распространении образования авторами виделась предпосылка создания гражданского общества в Сибири. В 1969 г. на страницах газеты «Молодёжь Алтая» появилась заметка литературоведа Е. Г. Раппопорта, в которой сказано о проявлении в поэтическом творчестве Н. М. Ядринцева гражданских идей: обличения литераторов, приукрашивающих действительность, призыва к молодёжи учиться²²³. Короткие газетные статьи Р. Скворцовой и А. Г. Кандеевой 1960-х гг. актуализировали образ Н. М. Ядринцева, «закладывавшего основы гражданского развития и культуры Сибири»²²⁴.

В 1970-е гг. подверглось критическому переосмыслению и просветительское, и областническое наследие Н. М. Ядринцева. В. К. Коржавин критиковал героя нашего исследования за преувеличение значения просвещения как средства решения социальных и экономических задач. «Не понимая законов классовой борьбы, – писал автор, – он возлагал надежды на интеллигенцию и именно ей прочил роль «спасителя» бедствующего народа; он наивно полагал, что коренное улучшение положения трудящихся может наступить в результате реформ, которые правительство вынуждено будет провести под наjjимом

²²⁰ Кандеева А. Г. Ядринцев и Плещеев // Омская правда. – 1969. – № 130. – С. 4.

²²¹ Бальжиев В. Н. М. Ядринцев – просветитель // Байкал. – 1985. – № 4. – С. 136-137.

²²² Там же. – С. 136.

²²³ Раппопорт Е. Г. Лицом гражданства озарён // Молодёжь Алтая. – 1969. – 31 мая. – С. 6.

²²⁴ Кандеева А. Г. Ядринцев и Плещеев // Омская правда. – 1969. – № 130. – С. 4; Скворцова Р. Писателю-публицисту // Алтайская правда. – 1963. – 3 марта. – С. 5.

общества»²²⁵. В этой критике слышится разочарование результатами не только исторической, но и современной исследователю ситуации.

На страницах советских журналов и газет Н. М. Ядринцев изображался как защитник прав сибирских крестьян. В XX в. от результатов их сельскохозяйственной деятельности зависело благополучие Советского государства, поэтому фигура Ядринцева, к которой обращались в историческом контексте, была символом исторической борьбы за улучшение условий крестьянской жизни. Эта же линия повествования выдержана в газетных статьях 1960-х гг., когда значение сельскохозяйственной отрасли всё ещё было велико. Например, в «Алтайской правде» 1963 г. Р. Скворцова подчёркивала большие заслуги Н. М. Ядринцева в улучшении быта беднейших крестьян,²²⁶ писала об этом и А. Г. Кандеева в «Омской правде» 1969 г.²²⁷

Для 1970-х гг. характерен пересмотр истории памяти о Н. М. Ядринцеве в аспекте его взглядов на социальные категории. Рабочий класс, занявший прочные позиции в советской идеологической доктрине, неоспоримо рассматривался как гегемон советского общества. В 1970-е гг. представлен более глубокий исторический анализ взглядов Н. М. Ядринцева в отношении крестьян. В. Коржавин, В. Мирзоев, Н. Яновский критиковали его за чрезмерную идеализацию земледельческого хозяйства, «стремление представить его как самый здоровый вид социально-экономических отношений»²²⁸. Для статьи характерно противопоставление крестьян и «всех других слоёв трудящихся – рабочих, трудовой интеллигенции, сибирских аборигенов»²²⁹. Н. Кондратьев критиковал идеализацию Н. М. Ядринцевым сельской общины²³⁰. Изменение взглядов объясняется двумя причинами. Во-первых, более тщательным вниманием исследователей к областническому и публицистическому наследию Н.

²²⁵ Коржавин В. К. Н. М. Ядринцев и проблема присоединения и заселения Сибири // Известия СО АН СССР. Общественные науки. – 1972. – Вып. 3. – № 11. – С. 71.

²²⁶ Скворцова Р. Писателю-публицисту // Алтайская правда. – 1963. – 3 марта. – С. 3.

²²⁷ Кандеева А. Г. Ядринцев и Плещеев // Омская правда. – 1969. – № 130. – С. 4.

²²⁸ Коржавин В., Мирзоев В., Яновский Н. Н. К характеристике сибирского областничества // Сибирские огни. – 1971. – № 12. – С. 144.

²²⁹ Там же. – С. 145.

²³⁰ Кондратьев Н. К истории альманашной и журнальной прессы в Сибири // Сибирь. – 1973. – № 3. – С. 8.

М. Ядринцева, обусловленным потребностями более образованной читательской аудитории, чем, например, в том же журнале «Сибирские огни», но в 1920-е гг. Во-вторых, советские колхозники 1970-х гг. уже были уравнены в правах с городским населением (например, была проведена их паспортизация), вследствие чего уменьшилась потребность в образе защитника интересов крестьян.

В начале 1970-х гг. историками было описано отношение Н. М. Ядринцева к сибирским инородцам. Оно вписывается в контекст концепции дружбы народов, укоренявшейся в сознании советских людей. Сибирские аборигены маркируются как «трудящиеся», то есть, принадлежащие, если использовать терминологию Ф. Б. Шенка, к «мы-группе». В культурной памяти, отражённой на страницах журналов, характеристикой образа Н. М. Ядринцева было стремление улучшить условия их быта, сохранить их народную культуру. Создавая повествование о Н. М. Ядринцеве как о защитнике инородцев, авторы сделали актуальный для их времени вывод: «Долг более развитого народа – помочь народу менее развитому»²³¹.

Создавая концепцию исторического повествования на страницах советской периодической печати, авторы отождествляли интересы Сибири с интересами сибирских трудящихся²³². Суть этих интересов, хотя и выражена в соответствии с господствовавшей идеологией, тем не менее, сохраняла традиции, сложившиеся ещё в дореволюционной печати. «Ядринцев отождествлял центр – с государством, а провинцию, область – с народом... Центр угнетает провинцию и тормозит её развитие», – писали в коллективной статье В. К. Коржавин, В. Г. Мирзоев, Н. Н. Яновский²³³. Так образ Н. М. Ядринцева был вписан в критику царского режима, которая прочно утвердила на страницах периодической печати в советский период. Характеризуя общественно-политические взгляды Н. М. Ядринцева, авторы отводят ему ключевую роль в противопоставлении Сибири и Европейской

²³¹ Коржавин В., Мирзоев В., Яновский Н. Н. К характеристике сибирского областничества // Сибирские огни. – 1971. – № 12. – С. 146.

²³² В. К. Коржавин. Н. М. Ядринцев и проблема присоединения и заселения Сибири // Известия СО АН ССР. Общественные науки. – 1972. – Вып. 3. – № 11; Коржавин В., Мирзоев В., Яновский Н. Н. К характеристике сибирского областничества // Сибирские огни. – 1971. – № 12.

²³³ Коржавин В., Мирзоев В., Яновский Н. Н. К характеристике сибирского областничества // Сибирские огни. – 1971. – № 12. – С. 143.

России, существовавшего режима. Поэтому он и воспринят как защитник трудящихся, поскольку стоял на позициях признания отсталости царского режима, его организационной невозможности учесть интересы рабочих и крестьян.

На XX съезде КПСС А. М. Панкратовой, главным редактором журнала «Вопросы истории», была высказана мысль о необходимости акцентирования внимания на роли народа в исторических процессах. В соответствии с этой новой для советской исторической науки концепцией В. К. Коржавиным был выделен ещё один аспект научного и публицистического наследия Н. М. Ядринцева – его интерпретация вопроса об освоении и заселении Сибири. Исследователь отмечал, что у Н. М. Ядринцева этот вопрос носит исключительно народный характер: Ермак предстаёт «выдающимся представителем народных масс», а главная роль в колонизационных процессах принадлежит земледельцам, а не правительству²³⁴. Напротив, «правительственная колонизация часто делает ошибки и совершает много непроизводительной работы».²³⁵ Так закреплялся образ Н. М. Ядринцева не только как защитника рабочего народа, но и как популяризатора его заслуг в масштабном процессе освоения огромной территории Сибири.

Советская история памяти о Н. М. Ядринцеве как о писателе, поэте и публицисте связана с литературным альманахом «Алтай», на страницах которого в 1970 – 1980-е гг. появились регулярные публикации и научные статьи о его творчестве. В литературном дискурсе наиболее сильно прослеживается преемственность советской и дореволюционной памяти о Н. М. Ядринцеве. Так, сохранялось его восприятие как «шестидесятника». Н. Н. Яновский отмечал факторы, формирующие Н. М. Ядринцева как писателя-шестидесятника: интерес к революционным идеям Герцена и Чернышевского, активное участие в студенческом движении в составе сибирского землячества, творческие работы в революционно-демократических журналах, – эти факторы, по мнению автора,

²³⁴ Коржавин В. К. Н. М. Ядринцев и проблема присоединения и заселения Сибири // Известия СО АН СССР. Общественные науки. – 1972. – Вып. 3. – № 11. – С. 74.

²³⁵ Там же. – С. 75.

обусловили особый склад личности Н. М. Ядринцева²³⁶. П. П. Косенко, актуализируя биографии Н. М. Ядринцева, Г. Н. Потанина, Е. П. Михаэлиса, отмечал влияние эпохи шестидесятых годов XIX в. на складывание их мировоззрения²³⁷. Авторы не случайно подвергали анализу обстоятельства, которые повлияли на формирование взглядов Н. М. Ядринцева. Для исследователей важна была параллель между 1860-ми и 1960-ми годами. Они сопоставляли эпоху Великих реформ и эпоху оттепели, утверждая их влияние на складывание особого литературного характера писателей и поэтов. Специфика творчества писателей и поэтов-шестидесятников виделась исследователям в их стремлении «бороться за лучшее будущее русского народа»²³⁸. Вопрос борьбы за гражданские права, за демократизацию жизни, за возможность самовыражения в литературном творчестве был актуален для исследователей ещё и в связи с правозащитным движением, особо активно развернувшемся во второй половине 1960 – 1970-х гг.

Исследователями и читателями были востребованы проза и поэзия Н. М. Ядринцева. В литературном альманахе «Алтай» были опубликованы главы из книги «Сибирь как колония», печатались автобиографические произведения «Калмычка», «Воспоминания о томской гимназии», «Детство»²³⁹. Последние были актуальны в связи с популяризацией биографии Н. М. Ядринцева, литературная сторона которой не вызывала настолько острых вопросов, как областническая. Образ Н. М. Ядринцева-писателя, Ядринцева-поэта, воспевающего красоту родного края, содержит характеристики интеллигента, активно участвующего в общественной жизни, стоящего на демократических позициях, – словом, такого гражданина, идеальный образ которого рисовался в 1970-начале 1980-х гг.

Литературоведы акцентировали внимание на сибирской теме в творчестве Н. М. Ядринцева. Авторы выделяли две линии в его произведениях, посвящённых

²³⁶ Яновский Н. Н. Из малоизвестных рассказов Н.М. Ядринцева // Алтай. – 1978. – № 1. – С. 67.

²³⁷ Косенко П. П. Скрещение судеб // Простор. – 1981. – № 1. – С. 84.

²³⁸ Яновский Н. Из малоизвестных рассказов Н.М. Ядринцева // Алтай. – 1978. – № 1. – С. 68.

²³⁹ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония // Алтай. – 1988. – № 2-№3.

Сибири: созерцательную и критическую. Первую представляли стихи о суровой сибирской природе: «Лес Севера», «Ветрянка», «Памяти предка», «Самородок». Но стихи о природе в культурной памяти литературоведов представляли собой большее, чем описание сибирских пейзажей. В них заключалось автобиографическое начало Н. М. Ядринцева. Например, стихотворение «Ветрянка» посвящено первому весеннему цветку, гибнущему от морозов. В нём Н. М. Ядринцев стремился показать себя и своих единомышленников, которые за свои мысли о сибирской независимости платили годами тюрьмы и ссылки. Такого рода поэзия была актуальной в начале 1980-х гг., когда стала очевидной необходимость общественных перемен в Советском государстве, и писатели, и поэты, призывавшие к демократизации режима, были подобны цветам в первые морозные дни весны.

Критическая линия литературного творчества Н. М. Ядринцева о Сибири претерпела эволюцию взглядов исследователей в течение нескольких лет. В 1970-е гг. авторы статей критиковали общественно-политические взгляды Н. М. Ядринцева, содержащиеся в его литературном творчестве. Например, Н. Кондратьев в 1973 г. писал о «передовых позициях» «Восточного обозрения» и «Литературного сборника», но критиковал Н. М. Ядринцева за «неверные позиции, обнаруживающиеся при выражении взглядов на пути развития Сибири, её крестьянского хозяйства»²⁴⁰. В 1980-е гг. тон статей меняется, образ Н. М. Ядринцева в культурной памяти советских литературоведов приобретает гражданско-патриотическую окраску. Н. Н. Яновский называл Н. М. Ядринцева сибирским патриотом, вкладывая в понятие литературного патриотизма приобщение России к сибирским художественным богатствам. Тема литературного синтеза в произведениях Н. М. Ядринцева была актуальной для исследователей в рамках концепции интернационализма советской культуры, дружбы народов, входящих в состав СССР и дружественных ему государств. «Ядринцев переводил легенды, – писал Н. Н. Яновский, – в которых отразился этот труднейший процесс взаимопроникновения культур и верований, процесс

²⁴⁰ Кондратьев Н. К истории альманашной и журнальной прессы в Сибири // Сибирь. – 1973. – № 3. – С. 123.

отталкивания и, в конечном счёте, объединения под давлением складывавшихся исторических условий в этом регионе мира»²⁴¹.

Вторая половина XX в. была ознаменована противостоянием двух систем, которое получило название «Холодной войны». К 1980-м г. стала очевидной потребность поиска компромисса СССР с западными государствами, в том числе, расширения международного научного партнёрства. Е. И. Меламед опубликовал статью «Сибирские встречи», посвящённую сотрудничеству сибирского исследователя Н. М. Ядринцева и его американского коллеги Дж. Кенана²⁴². Результатом этих встреч и путешествия Дж. Кенана в Сибирь стало написание его монографии «Сибирь и ссылка». В статье подчёркивается особая роль научного и литературного творчества Н. М. Ядринцева для американского исследователя. В высказывании Дж. Кенана, приведённом в статье, Н. М. Ядринцев представлен как человек, обладающий исключительными знаниями об истории и современности Сибири.

Н. Н. Яновский, анализируя публицистическое наследие лидера областничества, в частности, статью Н. М. Ядринцева «Новые потребности Сибири», акцентировал внимание на социалистическом характере его мировоззрения. «В сущности, Ядринцев пишет о социальном переустройстве страны на социалистических началах – общинных для крестьян, артельных для рабочих с обязательным самоуправлением»²⁴³.

Ситуация, сложившаяся после распада Советского Союза, поставила перед российским обществом ряд проблем. Регулярно возникали дискуссии о дальнейших путях развития государства. Исторические темы играли в них важную роль. Развенчание мифов советской истории и разочарование общества в либеральном реформировании 1990-х гг. стало предпосылкой для идеализации дореволюционной истории России, предопределило ностальгию по существовавшему досоветскому порядку. Вопрос о роли отдельных личностей в достижении благополучия звучал со страниц периодических изданий.

²⁴¹ Там же. – С. 64.

²⁴² Меламед Е. Сибирские встречи // Алтай. – 1983. – № 4. – С. 103-104.

²⁴³ Яновский Н. Н. Неопубликованные ранее произведения Н. М. Ядринцева // Алтай. – 1984. – № 4. – С. 128.

Сепаратистские национальные движения развернулись не только между частями бывшего Советского Союза, но и внутри России. Их предпосылкой стала потребность общества в собственной, локальной, культуре, в местных исторических героях. Это знаменовало собой ренессанс сибирского самосознания, в связи с чем возродился и интерес к имени Н. М. Ядринцева.

Описанные процессы носили специфический характер на территории Сибири. Произошёл возврат к дореволюционным дискуссиям о месте и роли Сибири в составе России, в связи с чем историческая фигура Н. М. Ядринцева и его областнические идеи стали символами положительной идентификации края. Обретённая свобода мнений открыла возможность выражать критическое отношение к политике центра по отношению к региону. Но главное, что волновало авторов – неизменность комплекса проблем Сибири. В 1991 г. А. Г. Кандеева обращалась к наследию Н. М. Ядринцева под лозунгом «Провинция – будущее!»²⁴⁴. Она сделала актуальный вывод о том, что обновление провинции должно происходить не только посредством правительственные реформ, но и через предоставление её населению гражданских прав, самоуправления, возможности активного участия в строительстве собственной судьбы. Принятая в Советском государстве доктрина марксизма приводила к унификации многих национальных и культурных процессов, рассматривая историю, прежде всего, в масштабах государства. В начале 1990-х гг. появились публикации, выражавшие мнение о сырьевом характере политики центра по отношению к Сибири. «Думаю, что и сегодня сибирякам есть о чём задуматься. – Писал Д. Чижик в 1991 г. – Ведь Сибирь и поныне фактически является сырьевой союзной колонией. Получая валюту за наше золото, алмазы, газ, нефть, пушнину, лес, центр продолжает делать вид, что никакого сибирского вопроса не существует»²⁴⁵. В контексте публикации Д. Чижика Н. М. Ядринцев представлен как патриот, основная идея которого проявлялась в повышении жизненного, и, прежде всего, образовательного, уровня местного населения, формирования у коренных народов

²⁴⁴ Кандеева А. Г. «Провинция – будущее!» // Новое обозрение. – 1991. – 12 апреля. – С. 7.

²⁴⁵ Чижик Д. Н. М. Ядринцев: мечты о Сибири // Вечерний Омск. – 1991. – 12 апреля. – С. 3.

гордости собственной культурой, выработки осознания их принадлежности к богатому краю. Исследователи и публицисты первой половины 1990-х гг., выражая позицию Н. М. Ядринцева в газетных и журнальных статьях, на научных конференциях в тезисах и докладах, как и сам Николай Михайлович, осознавали, что одних природных богатств недостаточно для значительного экономического развития края. Несмотря на столетие, прошедшее со времени смерти Н. М. Ядринцева, и экономических кампаний советской власти, проводимых на территории Сибири, проблема развития её хозяйственного потенциала по-прежнему оставалась актуальной как для реалий XIX в., так и сто лет спустя. В связи с этим в первой половине 1990-х гг., в период формирования локальной национальной и территориальной идентичности, российское общество пришло, по выражению С. Сапоцкого, к «неожиданному воскресению в наши дни» идеи областничества и популяризации имени и наследия Н. М. Ядринцева²⁴⁶.

О. А. Свиридовский писал о том, что газета «Восточное обозрение», находящаяся под руководством Н. М. Ядринцева, в конце XIX в. более ста раз публиковала статьи о строительстве Сибирской магистрали и неготовности местного населения вступить в капиталистические отношения²⁴⁷. Позднее взгляды лидера сибирского областничества изменились под влиянием объективных событий и приобретения им определённого (в том числе, тюремного) жизненного опыта. В 1870-х гг. Н. М. Ядринцев заменил потребность Сибири в строительстве промышленных объектов на необходимость возрождения и развития на её земле общины как основы аграрных отношений, в силу специфики территории не переживших крепостного права. При этом колонизация Сибири, по мнению Н. М. Ядринцева, продолжалась, и, как позднее писал сибирский историк М. В. Шиловский, «новосёлы оказывали положительное воздействие на развитие

²⁴⁶ Сапоцкий С. Большевиком не был, доску открыли // Омский вестник. – 1992. – 6 ноября. – С. 3.

²⁴⁷ Свиридовский О. А. Н. М. Ядринцев о проблеме строительства железных дорог в Сибири // Областная научно-практическая конференция, посвящённая 275-летию г. Омска. – Омск, 1991. – С. 25.

сельского хозяйства. В качестве примера Николай Михайлович приводит деревню Кочки в Барабинской степи»²⁴⁸.

Память о Н. М. Ядринцеве в периодической печати 1990-х гг. была актуальна, таким образом, в силу возможности проведения исторических аналогий, поиска причин и решений в его областническом наследии. Авторы сибирских периодических изданий акцентируют внимание на проблемах региона, указанных Н. М. Ядринцевым: чиновничьем произволе, разрушении этических устоев, высоком налоговом бремени, «несправедливости и жадности московских царей» по отношению к ресурсам – пушнине, золоту, древесине – во времена Николая Михайловича; нефти и газу – в современности.

Одним из контекстов упоминания Н. М. Ядринцева на страницах современных российских газет и журналов стало обсуждение присвоения его имени улицам сибирских городов. На топографический дискурс оказала влияние тоска по истории, которая выражалась в стремлении вернуть улицам их прежнее, дореволюционное название, популяризовать исторических личностей, чья судьба была связана с Сибирью. Ведущую роль в топографическом дискурсе 1990-х гг. занял город Томск. Именно здесь Н. М. Ядринцев получал гимназическое образование, в ходе которого происходило формирование его взглядов. В Томске появился первый в Сибири университет, важную роль в открытии которого сыграл Н. М. Ядринцев. И именно на страницах периодических изданий этого города появилась первая статья об улице имени Ядринцева²⁴⁹. Реконструкция местной истории открыла возможность разным группам и лицам чувствовать причастность к собственной истории, к сообществу томичей. Одновременно этот дискурс отражал потребность в возрождении содержательной памяти о Н. М. Ядринцеве. В журнале «Сибирская старина» появились статьи о его пребывании в Томске, была актуализирована биография Н. М. Ядринцева, напечатаны

²⁴⁸ Шиловский М. В. Эволюция взглядов Н. М. Ядринцева на оценку процесса колонизации Сибири в 60-70-е гг. XIX в. (к 160-летию со дня рождения) // Гуманитарные науки в Сибири. – 2002. – № 2. – С. 4.

²⁴⁹ Улица Елизаровых – Ядринцевская улица // Томский вестник. – 1993. – 22 декабря.

воспоминания Г. Н. Потанина о нём и С. С. Шашкове²⁵⁰. Имя героя нашего исследования в них символизировало начало новой эпохи, ознаменовавшей возврат к «идеям сибирской самобытности, сформулированным Ядринцевым»²⁵¹. Именно в Томске Н. М. Ядринцев был назван «сибирским барабанщиком»²⁵². Применённый к нему эпитет свидетельствовал о превращении имени Н. М. Ядринцева в символ пробуждения и расцвета просвещения и науки в Сибири. Это может быть расценено как проявление регионального патриотизма, стремление заявить о собственном месте в пространстве российских городов. В последние два десятилетия Н. М. Ядринцев прочно укоренился в российской культурной памяти не только в Томске, но и в других сибирских городах. Сибирские авторы постсоветского времени продолжали характеризовать Н. М. Ядринцева как просветителя, вкладывая в эту характеристику элемент патриотического настроения.

Имя Н. М. Ядринцева сохранилось на страницах советской и ранней постсоветской периодической печати. Основными представителями сообщества, участвующими в создании культурной памяти о Н. М. Ядринцеве, была интеллигенция: историки, литературоведы, этнографы, писатели, журналисты. Авторы статей акцентировали внимание на таких сюжетах биографии Николая Михайловича, которые раскрывают его деятельность, направленную на формирование сибирского самосознания (просветительская, образовательная); актуализацию сибирской истории (исследовательская, этнографическая); развитие сибирской культуры (литературное творчество). Исследуя мотивы написания текстов о нём, мы пришли к выводу о том, что ими были не только памятные даты его биографии, но, как правило, общественно-политические события, заставлявшие авторов обращаться к его наследию. Характеризуя Н. М. Ядринцева как интеллигента и подчёркивая его значение для Сибири, каждый из адресантов чувствовал собственную причастность к этой группе и значимость собственного

²⁵⁰ Дмитриенко Н. Николай Ядринцев в Томске // Сибирская старина. – 1993. – № 2. – С. 8-9; Потанин Г.Н. Шашков и Ядринцев // Сибирская старина. – 1999. – № 16. – С. 40-42.

²⁵¹ Дмитриенко Н. Николай Ядринцев в Томске // Сибирская старина. – 1993. – № 2. – С. 8.

²⁵² Могильницкая К. И. «Сибирский барабанщик» Николай Ядринцев // Томский вестник. – 1996. – 14 марта. – С. 6.

вклада в развитие местной культуры. Прочтение образа Н. М. Ядринцева как интеллигента предопределило существование ещё одного важного аспекта его личности: просветителя, учёного, исследователя. Эта черта его личности возникла в текстах газет и журналов сразу после его смерти, оставалась устойчивой на протяжении всего советского периода, существует и сейчас.

В советское время, в ходе масштабных изменений в вопросе формирования общественного мнения о героях истории царского периода, память о Н. М. Ядринцеве значительно изменилась. В отличие от предшествовавшего этапа, большую роль в советской прессе играла цензура. Это обусловило возможность авторов обращаться к вопросам, которые были признаны актуальными для советской идеологии. Н. М. Ядринцев стал покровителем трудящихся, борцом с буржуазией. Однако новое прочтение его образа не могло полностью вытеснить старые интерпретации его личности. По этой причине он был охарактеризован как «трудящийся интеллигент», что демонстрировало неразрывность его деятельности с деятельностью народа. Такая трансформация была направлена на то, чтобы встроить историческую фигуру Н. М. Ядринцева в новую знаковую систему, центром которой была советская власть и идеология.

В отличие от идеологически «правильных» текстов, изданных в советскую эпоху, газетные и журнальные статьи первой половины 1990-х гг. выражают связь взглядов Н. М. Ядринцева со злободневными вопросами современности. В российском обществе происходила региональная идентификация, которая, с одной стороны, требовала обращения к её историческим предпосылкам, а с другой – предполагала поиск и популяризацию местных, сибирских, героев истории. Конструирование авторами образа неравноправной Сибири по отношению к центральной власти сделало актуальным обращение к областническим трудам. Каждый стремился найти в его деятельности и научно-публицистическом наследии проекты регионального развития. Этой же причиной обусловлено возвращение к патриотическому дискурсу, который был едва ли не основным в дореволюционное время и не упоминался ни в каком смысле, кроме литературного, в советское.

Существование культурной памяти о Н. М. Ядринцеве в периодической печати на протяжении долгого периода отражает потребность общества в символической фигуре. Хотя содержание его образа менялось, имя Н. М. Ядринцева всегда было частью культурной памяти, отражённой в сибирской периодической печати.

§ 2. Образ Н. М. Ядринцева в научных исследованиях советского периода.

Со становлением новой политической системы в 1917 г. и её укреплением в ходе Гражданской войны начался новый этап исторического научного осмысления образа Н. М. Ядринцева.

Одной из ключевых проблем, рассматривавшихся сибирскими исследователями периода Гражданской войны, стала история сибирской литературы второй половины XIX в. При обращении к ней образ Н. М. Ядринцева занимает центральное место в исследовательских текстах. В «Памятке» Г. Е. Катанаева, составленной им в 1920 г., Н. М. Ядринцев, наряду с Г. Н. Потаниным, названы деятелями, принимавшими активное участие в развитии периодической печати, и литераторами. Конструирование образа Н. М. Ядринцева предполагает выделение авторами литературных жанров основных тем его творчества, а также социальных ролей, посредством которых раскрывалась его роль в становлении сибирской литературы. Источники периода революций 1917 г. и Гражданской войны носят областническую окраску, история становления сибирской литературы в них политизирована. Образ Ядринцева-областника наложил отпечаток на образ Ядринцева-литератора. Перечисляя заслуги лидеров областничества в области культуры, искусства и просвещения в Сибири, Г. Е. Катанаев указывал на их мировоззренческую платформу: оба они представлялись ему как «известные сибирские патриоты» и «духовные отцы идейной жизни»²⁵³.

Особое место в корпусе источников по истории сибирской литературы занимает вступительная статья к сборнику трудов Н. М. Ядринцева, написанная в 1919 г. историком и областником Н. Н. Козьминым. Автор называл творчество Н. М. Ядринцева «политическим евангелием для патриотов-сибиряков»²⁵⁴. В качестве основы литературного творчества Н. М. Ядринцева автор видел его идею о необходимости борьбы за всестороннюю автономию Сибири. Именно любовь к родине, по мысли Н. Н. Козьмина, предполагает построение особой концепции областнической литературы, находящейся вне политических концепций, распространённых в Российской России. Специфика прозы и поэзии Н. М.

²⁵³ ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 357. Л. 7.

²⁵⁴ Козьмин Н. Н. Вступительная статья // Сборник избранных статей, стихов и фельетонов Н. М. Ядринцева. – Красноярск, 1919. – С. III.

Ядринцева, по сравнению с народниками, – в подлинном знании предмета его описания – Сибири, её хозяйства, быта, культуры, политического положения²⁵⁵. Вместе с тем, отрицалась принадлежность литературного наследия Н. М. Ядринцева к марксизму как к идеологии, «отрицающей официально национальность сибирского областничества»²⁵⁶. В условиях Гражданской войны сборник трудов Н. М. Ядринцева представлен как «передовой отряд его идей», ставший для автора аргументом продолжения борьбы и заявления: «Мы ещё повоюем! Перед нами всё будущее!»²⁵⁷ Для поздних областников важнейшим мотивом обращения к имени Н. М. Ядринцева была возможность актуализировать его творчество в соответствии с задачами, стоявшими перед областничеством в период борьбы с большевиками. Патриотический дискурс, в котором литература Н. М. Ядринцева представлена как национальная сибирская, объяснял её прогрессивный, злободневный характер.

После 1917 г. важным стало определение классовой принадлежности автора литературного произведения и аудитории, на которую оно направлено. Н. Н. Козьмин транслировал мнение Н. М. Ядринцева о том, что «у приезжей интеллигенции нет органической связи с местной жизнью»²⁵⁸. Говоря о предпосылках формирования сибирской интеллигенции, сибирский историк акцентировал внимание на мысли Н. М. Ядринцева о возможности её выхода «из рядов крестьянства, казачества и различных туземных племён»²⁵⁹. Эта позиция легла в основу интерпретации взглядов Н. М. Ядринцева некоторыми советскими литературоведами, которые утверждали, что творцом литературы региона может быть только коренной сибиряк. Формирование собственной интеллигенции было осложнено отсутствием высших учебных заведений и низким уровнем преподавания в средних²⁶⁰. Определяя цели творчества Н. М. Ядринцева, Н. Н. Козьмин писал о потребности «создать элементарный культурный уют», который

²⁵⁵ Там же. – С XII.

²⁵⁶ Там же. – С. XIII.

²⁵⁷ Там же. – С. XIV.

²⁵⁸ Там же. – С. VIII.

²⁵⁹ Там же. – С. IX.

²⁶⁰ Об этом писал Н. И. Наумов. Н. М. Ядринцев в Томской гимназии // Литературное наследство Сибири. – Новосибирск, 1984. – С. 326-334.

затронул бы все слои сибирского населения. Под «культурным уютом» подразумевался фундамент, необходимый для того, чтобы последующие поколения построили «настоящий дом», то есть образованную, читающую, критически мыслящую сибирскую общность²⁶¹. С литературной точки зрения её подготовка означала для Н. М. Ядринцева создание таких произведений, которые затрагивали бы душу любого сибирияка – будь то интеллигент или ссыльный, абориген или сибирский буржуй. Именно в этом и проявлялся народный характер стихов, фельетонов, рассказов Н. М. Ядринцева, которые служили ресурсом для выполнения поставленной им задачи. Для создания пласта литературы, отвечающей запросам разных представителей сибирского региона, необходимо было знать их повседневность, волнующие их проблемы, уметь критично осмысливать их.

Значительную роль для становления сибирского самосознания стала основанная Н. М. Ядринцевым газета «Восточное обозрение». И, хотя к моменту установления советской власти газета уже перестала функционировать, именно она положила начало развитию сибирской периодической печати. В отличие от центральной прессы, публикации «Восточного обозрения» содержали не только значимую для Сибири информацию, но способствовали развитию литературы и литературной критики региона. Чтобы показать развитие сибирской литературы Н. М. Ядринцевым был использован приём создания иллюзии массового сибирского писателя. Он брал разные псевдонимы, отражающие его общественную позицию, его близость к региону. Эта «военная хитрость» позволила Н. М. Ядринцеву не только создать иллюзию массовости единомышленников, но и внести вклад в конструирование центрального образа его произведений – Сибири. Для героя нашего исследования характерно изобретение псевдонимов, которые несли сибирскую патриотическую окраску – Сибиряк, Сибирский патриот, Добродушный сибиряк, Восточный поэт и другие.

²⁶¹ Козьмин Н. Н. Вступительная статья // Сборник избранных статей, стихов и фельетонов Н. М. Ядринцева. – Красноярск, 1919. – С. VII.

В настоящее время И. Ф. Масановым собраны псевдонимы Н. М. Ядринцева в «Словаре псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей»²⁶².

Парадигма советской науки заключалась в идеологизации всех аспектов исследований, необходимости оценки общественно-политических течений с точки зрения марксизма. Последнее утверждение означает обязательный акцент исторических исследований, посвящённых Н. М. Ядринцеву, на его взглядах на классовую борьбу, на его позиции по отношению к институтам государственной власти. В связи с этим большое внимание в исторических исследованиях уделялось воззрениям Н. М. Ядринцева на буржуазию и «трудящееся» население, к которому авторами причислялось крестьянство и пролетариат.

Отношение Н. М. Ядринцева к буржуазии было ключевым вопросом в советской исторической науке, раскрывающим классовую сущность его взглядов. Этот вопрос был актуален ещё и в связи с утверждением новых «мы-групп», которым требовалось отмежевание от прежних, дореволюционных символов. С другой стороны, Гражданская война показала возможность оппозиции режиму большевиков на территории Сибири, в связи с чем было необходимо найти какие-либо фрагменты истории, иллюстрирующие зарождение и развитие социалистических и демократических течений на территории региона. Поэтому отношение исследователей истории Сибири характеризуется двойственным отношением к Н. М. Ядринцеву: он представлялся как лидер демократического течения, но, вместе с тем, показывалась ограниченность его взглядов, критиковалась его либеральная позиция в отношении экономического развития края. Таким образом, советская историческая наука создавала собственную интерпретацию образа Н. М. Ядринцева, взгляды и деятельность которого рассматривались как предпосылки борьбы с политикой самодержавия в Сибири. В то же время в соответствии с постулатом большевиков о значимости поступательного развития общества необходимо было показать прогрессивность советской интеллигенции в сравнении с её дореволюционными предшественниками.

²⁶² Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей. – М., 1956.

Создание образа Н. М. Ядринцева в 1920–1940-е гг. было обусловлено спецификой развития советской исторической науки в ранний период. Её целью в указанных хронологических границах было опровержение дореволюционного исторического нарратива и утверждение собственной миссии. Вместе с тем, особенностью советской истории был постулат о приоритете дела перед личностью, высказанный в трудах важнейшего представителя ранней марксистской школы Советской России М. Н. Покровского. О влиянии М. Н. Покровского на советскую историческую науку говорит факт занятия им должности заместителя наркома народного просвещения РСФСР, а также ряда ключевых должностей в аппарате администрации науки. В связи с этим довоенные работы историков в первую очередь ориентировались на исследование областничества, оставляя его лидеру второстепенную роль.

В 1920–1940-е гг. областничество исследовалось в работах В. Д. Вегмана, Г. В. Круссера, Н. Ф. Чужака (Насимовича), В. И. Николаева, М. А. Гудошникова, А. Терентьева, Н. Степанова, С. Г. Сватикова. Истокам раннего областничества посвящена работа Г. В. Круссера «Сибирское областничество по данным следственной комиссии 1865 г.»²⁶³. Исследователь считал, что областничество возникло как «результат тех общественных и хозяйственных условий, в которых жила Сибирь», и характеризовало этап борьбы региона против колониальной политики самодержавия²⁶⁴. Вместе с тем, Г. В. Круссер писал о невозможности считать взгляды Н. М. Ядринцева и других областников прогрессивными в связи с их убеждением в необходимости сотрудничества с сибирской буржуазией и развития капитализма на территории Сибири: «Мы напрасно стали бы искать у них (*областников – Н. Ч.*) понимания классовой борьбы, знания классовых интересов в общественной жизни. В их мнениях невозможно усмотреть даже монолитной народнической программы... Наряду с народническими идеями мы встречаем резко выраженную защиту интересов крупной буржуазии... Вот почему совершенно неправильно рассматривать первых сепаратистов или областников

²⁶³ Круссер Г. В. Сибирское областничество по данным следственной комиссии 1865 г.// Известия Западно-Сибирского Русского географического общества. – Т. IV. – Вып. 1. – Омск, 1924. – С. 225-243.

²⁶⁴ Там же. – С. 225

как выразителей народничества»²⁶⁵. Эти взгляды областников, по утверждению исследователя, «упорно просачивались» в печать и создавали из Сибири «какое-то социально-экономическое эльдорадо в прошлом»²⁶⁶. Говоря о преимуществах народнической программы по отношению к областничеству, Г. В. Круссер писал о стремлении народников прикрепить крестьян к земле и даровать им самоуправление, ввести необходимое свободное просвещение в деревне и стимулировать развитие техники для широкого использования в сельском хозяйстве. Критика исследователя противоречит изложенным в работах Н. М. Ядринцева постулатам о правах крестьянства на свободу земледельческого труда, необходимости просвещения народных масс и предоставления гражданских прав населению Сибири.

Другое спорное утверждение Г. В. Круссера заключается в признании автором монолитности областничества. «Сибирский патриотизм 60-х годов и адмирал Колчак через полувековой период пожали друг другу руки, совместно работая по заданиям мировой интервенции над уничтожением рабоче-крестьянского государства», – писал исследователь²⁶⁷. На наш взгляд, для объективного анализа образа Н. М. Ядринцева в рамках исторического дискурса, целесообразно интерпретировать его взгляды как раннего областника: формирование и развитие течения в 1860-е гг. коренным образом отличалось от сходных процессов 1900–1920 гг. и обусловливалось историческим развитием Сибири. В. Г. Круссер характеризовал областничество как реакционное течение, а Н. М. Ядринцева – как консерватора, приверженного либерально-буржуазным ценностям.

Причина интереса историка Сибири В. Д. Вегмана к областничеству заключалась, как пояснял автор, в исследовании истории демократических учреждений в Сибири. Центральным из них В. Д. Вегман называл сибирскую областную Думу. В связи с оценкой большевиками собственного

²⁶⁵ Круссер Г. В. Сибирское областничество по данным следственной комиссии 1865 г.// Известия Западно-Сибирского Русского географического общества. – Т. IV. – Вып. 1. – Омск, 1924. – С. 226.

²⁶⁶ Там же.

²⁶⁷ Там же. – С. 227.

государственного устройства и идеологии как демократических, историческая наука признавала, что для развития Сибири необходим самостоятельный законодательный орган, или представительство в Государственной Думе России²⁶⁸. Несмотря на идентичное требование областничества, В. Д. Вегман назвал его реакционным течением по той же причине, которая указана в работе Г. В. Круссера: это – непонимание Н. М. Ядринцевым, как несомненным лидером движения, основ классовой борьбы. Разоблачая взгляды Н. М. Ядринцева, В. Д. Вегман писал: «А нас ещё недавно пытались убедить, что областничество – движение глубоко демократическое и вызвано требованиями и нуждами трудящихся масс, рабочих и особенно крестьян»²⁶⁹. Примечательно, что более поздний советский автор – М. Г. Сесюнина – писала о недостаточности источниковой базы в работе В. Д. Вегмана для того, чтобы делать выводы об отсутствии политического значения в движении областников²⁷⁰.

Н. Ф. Чужак и В. А. Ватин первыми заявили о принадлежности Н. М. Ядринцева и раннего областничества к либерально-буржуазной идеологии²⁷¹. Авторы придерживались мнения о том, что раннее областничество возникло и могло развиваться по демократическому пути, но, поскольку его лидеры с первых же лет существования сибирского землячества и обнаружения прокламации «Патриотам Сибири» были подвергнуты государственному и общественному порицанию, заслуги Н. М. Ядринцева и Г. Н. Потанина являются «культурическими», имеющими опосредованное значение для решения социально-политических проблем.

Социально-демократические тенденции во взглядах Н. М. Ядринцева отмечали М. А. Гудошников, Н. Л. Степанов, С. Г. Сватиков. М. А. Гудошников писал о том, что революционные стремления областников «были заглушены в

²⁶⁸ Вегман В. Д. Областнические иллюзии, рассеянные революцией // Сибирские огни. – 1923. – № 3. – С. 92.

²⁶⁹ Там же.

²⁷⁰ Сесюнина М. Г. Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев – идеологи сибирского областничества (к вопросу о классовой сущности сибирского областничества второй половины XIX в.). – Томск, 1974. – С. 10.

²⁷¹ Чужак Н. Ф. О сибирской и ино-сибирской интеллигенции // Сибирский архив. – 1913. – № 5. – С. 270-275; Он же. Старое и новое (Открытое письмо Е.Е. Колосову) // Багульник. – 1916. – № 2; Он же. К подлинному лицу областничества // Забайкальское обозрение. – 1916. – 14 марта. – № 10 – 11; Ватин В. А. Юбилей Потанина и молодая Сибирь // Сибирский архив. – 1915. – № 12.

зерне», в результате чего Н. М. Ядринцев и его сторонники вынуждены были заняться легальной деятельностью — просвещением, публицистикой, издательским делом — в которой отмечаются их большие заслуги²⁷². Вместе с тем, как и другие исследователи ранней советской исторической науки, М. А. Гудошников сводил социально-классовую ориентацию Н. М. Ядринцева и его соратников к интересам мелкого производителя, в результате чего стало возможным говорить об эволюции взглядов областников 1860–1890-х гг. в либерально-буржуазную сторону. Н. Л. Степанов характеризовал Н. М. Ядринцева как «социального утописта», внесшего весомый вклад в зарождение революционного движения в Сибири²⁷³. Основным оппонентом Н. Л. Степанова в полемике об идеологической платформе областнических взглядов Н. М. Ядринцева был Г. В. Круссер. Н. Л. Степанов опровергал его положения о невозможности нахождения сходства областничества с народничеством. Описывая концепцию воззрений лидера областничества, Н. Л. Степанов писал, что «Ядринцев субъективно являлся социалистом народнического толка»²⁷⁴. Народничество как целостная система взглядов стало особенно популярно в 1870-е гг., поэтому редкий публицист не находился под влиянием народнической концепции. Выражая интересы интеллигенции и крестьянства, народники постулировали необходимость борьбы с самодержавием и пережитками феодально-крепостнической системы. Говоря о близости Н. М. Ядринцеву народнических целей, а также его самоопределение как пореформенного интеллигента, стремящегося к защите гражданских прав народных масс Сибири, необходимо отметить, что ранние областники и народники 1870-х гг. по-разному видели конечную цель общественных преобразований. Коренное отличие заключается во взглядах Н. М. Ядринцева на буржуазию как социальный слой: он признавал необходимость развития предпринимательства и капиталистических отношений для укрепления экономического положения Сибири, в то время как народники считали, что буржуазные отношения подрывают хозяйственный уклад

²⁷² Гудошников М. А. Классовая природа областничества // Будущая Сибирь. – Иркутск, 1931. – № 1.

²⁷³ Степанов Н. Л. П. А. Словцов (У истоков сибирского областничества). – Л., 1935.

²⁷⁴ Там же. – С. 68.

государства. Приверженцы социал-демократической концепции развития общества В. И. Ленин и Г. В. Плеханов, анализируя народническую идеологию, отмечали слабую разработанность многих теоретических аспектов в ней, и, как следствие, присутствующую политическую неопределенность течения. Г. В. Плеханов писал о русском народнике как о человеке, «который, идя в одну комнату, к величайшему своему изумлению неизбежно попадает в другую». Поэтому можно говорить о поддержке Н. М. Ядринцевым как публицистом отдельных социальных настроений представителей народничества, особенно тех, кто издавал статьи в легальной периодической печати, но очевидны также принципиальные расхождения взглядов областников и народников.

Дискуссионной проблемой, порождавшей полярные интерпретации взглядов Н. М. Ядринцева в ранней советской исторической науке, стал аспект сибирского сепаратизма в областничестве. Упоминая в работах вопрос государственного или культурного самоопределения Сибири, историки 1920–1940-х гг. использовали характерную для этой эпохи стратегию объяснения исторических событий в рамках идеологических клише. Представление о сепаратизме как о центральном постулате в концепции областничества объединяло работы Г. В. Круссера, Н. Л. Степанова, Н. Ф. Чужака, В. Николаева, М. А. Гудошникова. Несмотря на существенное расхождение авторов по широкому кругу вопросов, касающихся областничества, аспект сепаратистских устремлений областников единогласно признан признаком косности их взглядов. Коренным образом отличалось исследование С. Г. Сватикова, изданное за рубежом в 1930 г.²⁷⁵. Историк, напротив, интерпретировал тезис ранних областников об автономии Сибири как признак прогрессивности во взглядах. Автор писал о том, что сепаратизм областников носил чисто теоретический характер. Практический же автономизм был присущ наиболее заинтересованному в нём классу – сибирскому либеральному купечеству, правда, весьма немногочисленному.

²⁷⁵ Сватиков С. Г. Россия и Сибирь (к истории сибирского областничества в XIX веке). – Прага, 1930. – С. 53.

Резюмируя идеи исследований раннего периода советской исторической науки, выделим существенные содержательные характеристики культурной памяти сообщества о Н. М. Ядринцеве. На содержание образа Н. М. Ядринцева в историческом дискурсе 1920–1940-х гг. ведущее влияние оказала специфика становления советской исторической науки, определения границ и коммуникативных характеристик «мы-группы» профессиональных историков. Указанные процессы должны были иллюстрировать прогресс отечественной исторической науки, транслируя базовые ценности, установленные на государственном уровне марксистской идеологией. Интерпретации образа Н. М. Ядринцева в этот период в рамках исторического дискурса происходили в контексте анализа сибирского областничества. В связи с этим Н. М. Ядринцев воспринимался, в первую очередь, как идейный лидер движения. Характерной особенностью исторических исследований 1920–1940-х гг., посвящённых Н. М. Ядринцеву, была критика его взглядов. Отметим, что ряд исследователей (Г. В. Круссер, Н. Л. Степанов) не привлекали достаточного количества архивных материалов, в связи с чем высказывали в работах спорные утверждения, противоречащие основным положениям областнической концепции, изложенной в трудах Н. М. Ядринцева.

Традиция характеристики Н. М. Ядринцева как этнографа в советское время возродилась лишь во второй половине 1920-х гг. в связи с пятидесятилетним юбилеем Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества. Характеризуя развитие этнографического сибиреведения, В. Ф. Семёнов писал о большом значении экспедиций крупного краеведческого значения, проведённых Н. М. Ядринцевым. Именно с периода 1877 – 1887 гг., по мнению исследователя, начинается становление научного этапа региональной этнографии, которая «занимала в работах Западно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества одно из первых мест по количеству опубликованного материала»²⁷⁶. Роль Н. М. Ядринцева на этом этапе заключалась в цельном

²⁷⁶ Семёнов В. Ф. Очерк пятидесятилетней деятельности Западно-Сибирского Отдела Государственного Русского Географического Общества. – Омск, 1927. – С. 59.

описании края, обогащении музеев, разработке ряда фундаментальных вопросов по этнографии сибирских инородцев.

В. Ф. Семёнов приводит характеристику Н. М. Ядринцевым самого себя: «Дилетант, прикомандированный к географической науке», как писал о себе Н. М. Ядринцев Г. Н. Потанину, – он, однако, доставил науке настолько ценные материалы, что его имя заслуженно стоит в ряду крупных исследователей Западной Сибири»²⁷⁷.

Великая Отечественная война сыграла значительную роль в формировании «мы-групп» в рамках региональной идентичности. Сибирь стала не только удалённой обширной территорией. Она стала местом эвакуации населения и промышленных объектов, сибиряками осознавалась собственная, особая роль в рамках общего вклада в победу. На территорию региона в годы войны эвакуировались научные и преподавательские кадры, некоторые из которых впоследствии остались жить и работать в сибирских городах. Вместе с тем, в 1950–1980-е гг. в Советском Союзе происходит активное развитие науки, возникают научно-исследовательские институты, в том числе на территории Сибири. Эти предпосылки способствовали как повышению исследовательского интереса к истории Сибири, так и обусловили образование региональных объединений профессиональных сибирских историков. Наряду с количественными, в исторических исследованиях происходят качественные изменения. В отличие от периода 1920–1930-х гг., когда происходило построение исторической науки на основе новой идеологии, требовалось установление чётких границ «мы-группы» историков, определение собственной позиции как более прогрессивной по сравнению с предыдущими периодами. Великая Отечественная война способствовала появлению чувства сплочённости, «правильности» вектора общественного развития. Одним из значимых социокультурных результатов войны стало установление устойчивого чувства идентичности, которое применительно к исследуемой нами теме исключало необходимость исключительно критического восприятия дореволюционных событий. Вместе с

²⁷⁷ Там же. – С. 16.

тем, в исследованиях осталась оценка исторических персонажей с позиции классовой теории. Это обстоятельство предполагало в случае трансляции положительных характеристик образа Н. М. Ядринцева приписывание ему взглядов, схожих с марксистской идеологией.

В 1940 – начале 1950-х гг. отмечается значительное снижение исследовательского интереса к личности и наследию Н. М. Ядринцева, связанное со сложной обстановкой военных и послевоенных лет. Этот период представлен работой М. К. Ветошкина, произведшим анализ областничества во время первой русской революции²⁷⁸. Автор аргументировал постулат о необходимости разделения областничества на раннее и позднее. Н. М. Ядринцева как лидера сибирского областничества М. К. Ветошкин характеризовал как «революционного сибирского демократа». Этот вывод был сделан исследователем на основе противопоставления «эпигонов областничества», отрицавших социальную и имущественную дифференциацию сибирской деревни второй половины XIX – начала XX вв., Н. М. Ядринцеву, постулировавшему наличие земледельческой кабалы и неоднородность сибирского крестьянства²⁷⁹.

Включение образа Н. М. Ядринцева в исследования советских историков демонстрируют популярность и значимость его фигуры в истории сибирской общественной мысли. В рамках основного тезиса нашего исследования о формировании групповой идентичности можно утверждать, что репрезентации его фигуры предопределялись выполнением исторических исследований в рамках единой марксистской идеологии. Этот факт обусловил оценочную позицию исследователей советского периода, которая не оставалась однозначной в 1920–1930-х гг.

В контексте развития советской исторической, этнографической и литературоведческой науки после 1917 г. возникла потребность её качественного обновления. Этот период отмечался формированием абсолютно новой «мы-группы» – советской интеллигенции, которой требовалось установление

²⁷⁸ Ветошкин М. К. Очерки по истории большевистских организаций и революционного движения в Сибири (1898 – 1907 гг.). – М., 1953.

²⁷⁹ Там же. – С. 9.

собственных границ. В его рамках происходило отмежевание от символов старого, дореволюционного порядка, в связи с чем для периода 1920–1940-х гг. характерен дуализм взглядов. С одной стороны, Н. М. Ядринцев воспринимался как деятель, стоявший у истоков революционного движения в Сибири, а также как сибирский интеллигент второй половины XIX в., с другой стороны, идеологизация исторической науки требовала критики идей и взглядов, созданных в царский период. Последнее обусловлено необходимостью установления мировоззренческих границ советской исторической науки, вектором развития которой стало утверждение о переходе к более совершенному уровню методологии и объективности знания. В связи с этим в исследованиях Н. Ф. Чужака, Г. В. Круссера, М. А. Гудошникова содержится критика взглядов Н. М. Ядринцева. Сепаратизм представлялся как стремление установить политический суверенитет Сибири и трактовался историками довоенного периода как признак косности мышления идеолога раннего областничества.

В период 1940–1950-х гг. тема Великой Отечественной войны на время вытеснила областнический дискурс из исследовательского поля советских историков. Вместе с тем, война 1941–1945 гг. изменила представления советского общества о собственной идентичности, поскольку способствовала его небывалому сплочению, в связи с которым отпала необходимость тотальной критики предшествующего исторического опыта. Этот факт, а также смягчение политического режима и идеологического давления после смерти И. В. Сталина предопределили эволюцию репрезентаций образа Н. М. Ядринцева в работах советских историков к моменту начала «оттепели» в 1956 г.

Вторая половина 1950-х–1970-е гг. отмечены возрастанием исследовательского интереса к личности и деятельности Н. М. Ядринцева. Отметим, что эта тенденция касалась не только исторической науки, но также и литературоведения, литературной критики, этнографического поиска, археологии. Новый вектор общественного развития Советского государства, заложенный после смерти И. В. Сталина, отразился на гуманитаристике указанного периода: изменилось не только количество публикуемых материалов. Качественные

изменения заключались в расширении проблемного поля исследований, посвящённых Н. М. Ядринцеву. Впервые в советской исторической науке его общественно-политические взгляды подлежали не только идеологической критике как воззрения дореволюционного персонажа, претендующего на революционность (в рамках истории Сибири) мышления и действий. В 1960 – 1970-е гг. советскими исследователями впервые была предпринята попытка многоаспектного и объективного рассмотрения наследия и деятельности Н. М. Ядринцева.

Повествование о революционно-демократическом движении в России во второй половине XIX в. включало нарратив о сибирском областничестве как его составной части в работах Н. А. Лапина и С. Ф. Коваля. Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин и другие областники представлены последователями идей Н. Г. Чернышевского. Мы разделяем точку зрения Н. А. Лапина об областнической концепции как части общероссийской революционной программы²⁸⁰. Транслируя этот постулат, автор представлял Н. М. Ядринцева как народного защитника: ухудшение положения народных масс лидер областничества связывал с проникновением в Сибирь капиталистических отношений. Для развития сельского хозяйства и повышения качества жизни крестьянства Н. М. Ядринцев, в интерпретации Н.А. Лапина, представлял будущую организацию деревни как «чалдонократию» – крестьянское самоуправление на демократических началах²⁸¹.

Этот тезис опровергает мнение историков 1920–1940-х гг. об ограниченности областничества рамками территории Сибири и исключительно региональными вопросами, и потому невозможности квалифицировать их взгляды как революционные. Это мнение противоречит содержанию прокламаций «Сибирским патриотам» и «Патриотам Сибири», которые декларировали: «Мы,

²⁸⁰ Лапин Н. А. Сибирское крестьянство в трудах Н. М. Ядринцева // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири: доклады и сообщения научной конференции по истории сельского хозяйства и крестьянства Урала и Западной Сибири 10-12 июня 1965 г. // Учёные записки. – Сборник 38. – Свердловск, 1966. – С. 194.

²⁸¹ Там же.

сибиряки, братски подаём руку российским патриотам для совокупной борьбы с нашим врагом!»²⁸².

Образ Н. М. Ядринцева как защитника народных интересов и сторонника крестьянского демократического самоуправления отражён в работе С. Ф. Коваля «За правду и волю». Автор называл взгляды Н. М. Ядринцева прогрессивными. В качестве аргумента он приводил тезис о том, что идея самоопределения Сибири служила «средством для воспитания местного патриотизма», тактическим методом, вписывающимся в мировоззрение российских революционеров второй половины XIX в.²⁸³. В статьях Н. М. Ядринцева, опубликованных в «Томских губернских ведомостях», содержались, по утверждению С. Ф. Коваля, «требования свержения самодержавия, установления демократического народного строя и самоопределения народов»²⁸⁴.

Говоря о необходимости общественного устройства на демократических началах как центрального тезиса концепции Н. М. Ядринцева, Н. А. Лапин вместе с тем, опровергает возможность причисления его взглядов либеральному народничеству. Коренное различие взглядов Н. М. Ядринцева и народников заключалось в постулировании им социальной дифференциации сибирского крестьянства и распад крестьянской общины²⁸⁵. По вопросу о причастности идей Н. М. Ядринцева к народничеству и роли последнего в формировании областничества, С. Ф. Коваль писал о том, что Г. Н. Потанин был причастен к организации «Земля и воля» и в 1862 г. выезжал к уральским казакам по рекомендации Л. Ф. Пантелеева для ведения пропаганды²⁸⁶. Автор высказывал предположение о том, что Н. М. Ядринцев, будучи сподвижником Потанина, был посвящён в эту деятельность и мог разделять некоторые пункты народнической программы, например, о самоуправлении крестьянских общин и равных правах каждого на землю.

²⁸² ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1865. Д. 196. Л. 79.

²⁸³ Коваль С. Ф. За правду и волю. – Иркутск, 1966. – С. 31.

²⁸⁴ Там же. – С. 67.

²⁸⁵ Лапин Н. А. Указ. соч. – С. 199.

²⁸⁶ Коваль С. Ф. За правду и волю. – Иркутск, 1966. – С. 37.

В контексте исследования революционного движения в Сибири Н. П. Митина интерпретировала образ Н. М. Ядринцева как наиболее видного представителя революционно-демократического лагеря²⁸⁷. В качестве центрального аргумента для обоснования этой позиции стало наличие призыва к восстанию в сибирских прокламациях, к которым был причастен Н. М. Ядринцев.

В рамках масштабного проекта создания пятитомника по истории Сибири в 1960-е гг. сибирские историки В. И. Дулов и Ф. А. Кудрявцев интерпретировали областнические взгляды Н. М. Ядринцева как противоречивые, объясняя это двойственной позицией лидера областничества по классовому вопросу. Приводя факты социального расслоения деревни, притеснения крестьянства, Н. М. Ядринцев писал о «солидарности интересов всего населения Сибири», идеализировал сельскую общину, не видел перспектив борьбы против эксплуатации населения²⁸⁸. Оценивая общественную и политическую дефиницию областничества, работа сближала областническую концепцию с народнической. Основанием для сближения, по мнению исследователя, стало приветственное отношение к сельскому общинному укладу: «Для Н. М. Ядринцева русская община является «лучом света в тёмном царстве»²⁸⁹. Описание сходства взглядов областничества и народничества на социальные процессы в русской деревне в 1860-е гг. привело исследователя к логическому выводу о серьёзной эволюции взглядов Н. М. Ядринцева на сибирскую общину, проследить которую коллектив авторов считал возможным в контексте переписки Н. М. Ядринцева с Г. Н. Потаниным. Эволюцию мировоззрения Н. М. Ядринцева на классовый аспект общественного развития Сибири историк связывал с его знакомством с трудами К. Маркса, особенно – с первым томом «Капитала» в начале 1870-х гг. Марксистская концепция предопределила понимание Н. М. Ядринцевым закономерности развития капитализма в Сибири. «Следовательно, – заключал

²⁸⁷ Митина Н. П. Революционное движение в Сибири в канун восстания политических ссыльных на Кругобайкальской дороге: Ученые записки института Востоковедения АН СССР. – М., 1965. – Т. 29.

²⁸⁸ Дулов В. И., Кудрявцев Ф. А. Введение // История Сибири с древнейших времён до наших дней / под ред. А. П. Окладникова. – Л., 1968. – В 5 Т. – Т. 3. – С. 7.

²⁸⁹ Коваль С. Ф. Общественное движение в 70-х – 80-х годах XIX века // История Сибири с древнейших времён до наших дней / под ред. А. П. Окладникова. – Л., 1968. – В 5 Т. – Т. 3. – С. 160.

автор, – Н. М. Ядринцев признавал прогрессивность развития капитализма. Рабочий класс и экономические условия облегчат переход к новому строю, некапиталистическому. И хотя Н. М. Ядринцев не называет его, но уже в то время было хорошо известно, что на смену капитализму придёт социализм. Симпатии Ядринцева на стороне трудящихся масс»²⁹⁰. Вероятно, «карьеру» тезиса о демократической и социалистической платформе мировоззрения Н. М. Ядринцева следует объяснить работой историков 1960-х гг. в русле марксистского подхода, в рамках которого ряд исследователей стремился представить героя нашего исследования и в целом общественно-политическое движение в Сибири во второй половине XIX в. в качестве «предвестника» распространения идей К. Маркса на территории всего российского государства.

В 1966 г. появилось исследование Я. Р. Кошелева «Новое о Ядринцеве», в котором автор одним из первых обращал внимание на обстоятельства смерти героя нашего исследования и приводил доказательства самоубийства Николая Михайловича²⁹¹. В итоге работы автор заключил, что «Драма Ядринцева отражает общественную драму областничества, его историческую бесперспективность». В качестве обоснования этого вывода Я. Р. Кошелев приводит позиции Н. М. Ядринцева, уязвимые для критики: недостаток широкой политической пропаганды, сепаратизм, отсутствие активных действий. Историк склонялся к причислению мировоззрения лидера сибирского областничества к буржуазно-либеральному реформизму, обвинял его в склонности к «западничеству». В рассматриваемом исследовании Я. Р. Кошелев стремился противопоставить систему взглядов Н. М. Ядринцева и других приверженцев областничества господствовавшей в 1960-е гг. марксистской идеологии. Появление таких исследований можно считать закономерным в рамках формирования и развития советской исторической научной школы. Хотя, учитывая тенденции динамики духовной жизни рассматриваемого периода, в 1960-е гг. появляется большое количество работ, в которых областничество как

²⁹⁰ Там же. – С. 162.

²⁹¹ Кошелев Я. Р. Новое о Ядринцеве // Из истории культуры Сибири. – Томск, 1966. – Вып. 1. – С. 65 – 94.

целостная система взглядов признаётся исследователями бесперспективной, но ранний период его существования, связанный с именем Н. М. Ядринцева, описывается как демократический, выражавший интересы народных масс. Такое прочтение образа Н. М. Ядринцева присуще работам В. К. Коржавина, В. Г. Мирзоева, Н. Н. Яновского.

Образ Н. М. Ядринцева – демократа представлен в исследовании В. Г. Мирзоева, посвящённого историографии Сибири дореволюционного периода²⁹². На основе выделения периодов областничества Н. М. Ядринцев, как идеолог и представитель раннего из них, был охарактеризован В. Г. Мирзоевым как демократ, близкий к социалистическим учениям. «Он явился олицетворением областничества в его лучшие годы, – писал В. Г. Мирзоев, – его идейным вдохновителем, теоретиком и практиком, публицистом и организатором»²⁹³. Так же, как и Я. Р. Кошелев, В. Г. Мирзоев соотносил биографические данные Н. М. Ядринцева с периодами развития областничества. Принимая сходную концепцию, исследователи, тем не менее, пришли к разным выводам. Я. Р. Кошелев писал о бесперспективности областничества, как и о жизненном тупике Н. М. Ядринцева, В. Г. Мирзоев говорил о переходе областничества в 1900–1920-м гг. на позиции буржуазно-либеральной идеологии, которая не имела возможности раскрыться в условиях революционной и Советской России, но являлась выражением интересов сибирской буржуазии.

Интерпретация исследователем позиции Н. М. Ядринцева по вопросу царской политики в отношении Сибири демонстрирует факт противостояния региона и центра, начиная с истоков их взаимодействия. «Присоединение Сибири, – писал В. Г. Мирзоев, – по представлениям Ядринцева, было актом жестокого завоевания, а последующий за ним период – эксплуатации и ограбления сибирских племён и народов»²⁹⁴. В. Г. Мирзоев пришёл к выводу, что возрождение сибирских народов Н. М. Ядринцев видел в рамках существующего государственного строя, в связи с чем автор не квалифицирует его взгляды как

²⁹² Мирзоев В. Г. Историография Сибири (дореволюционный период). – М., 1970.

²⁹³ Там же. – С. 301.

²⁹⁴ Мирзоев В. Г. Историография Сибири (дореволюционный период). М., 1970. – С. 312.

революционные. Демократичность взглядов Н. М. Ядринцева заключается в его концепции реформирования сибирского административного управления. Суть её заключается в «борьбе двух начал: необходимой сильной власти и создание в то же самое время сильного контроля её деятельности, то есть ограничение этой власти»²⁹⁵.

Говоря о социально-политическом контексте формирования взглядов Н. М. Ядринцева, В. Г. Мирзоев в качестве идейной основы его мировоззрения называл взгляды Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, влияние Н. В. Шелгунова и П. Г. Зайчневского проявилось в период создания и редактирования прокламации «Патриотам Сибири»; кроме того, исследователь выделял значительность концепций декабристов Д. И. Завалишина, ратовавшего за интеграцию сибирской культуры с европейской, и В. И. Штейнгель, изложившего в рамках мемуаров целостную идею управления восточным краем. Традиционно дискуссионный для исторической науки вопрос о влиянии и принадлежности взглядов Н. М. Ядринцева к народничеству В. Г. Мирзоев рассматривал с точки зрения учёта интересов провинциальной интеллигенции. В его интерпретации, народничество для Н. М. Ядринцева играло вспомогательную роль, поскольку под провинциальной деятельностью понимало только работу в среде крестьянства, не учитывая силы интеллигенции, особенно в сибирских городах. Излагая областническую концепцию Н. М. Ядринцева, исследователь пришёл к выводу о том, что раннее областничество, хотя и ставило целью всестороннее развитие Сибири, но внутренне противопоставляло её европейской части Российской империи.

Исследования второй половины XX в. И. М. Разгона, М. Е. Плотниковой, М. Г. Сесюиной маркируют Н. М. Ядринцева как буржуазно-либерального идеолога. М. Е. Плотникова и И. М. Разгон называли областничество «контрреволюционной практикой». Основаниями этого стали тезисы, высказанные И. М. Разгоном – реакционность идеи отделения Сибири от России, несоответствие фактического развития Сибири второй половины XIX в. и идей

²⁹⁵ Там же. – С. 317.

раннего областничества, признание существования буржуазии как необходимой социальной группы для развития сибирской экономики, а также факты подачи Н. М. Ядринцевым личных прошений на имя царя о помиловании. Признавая деление областнического движения на этапы, И. М. Разгон, в отличие от своих коллег В. К. Коржавина, Н. Н. Яновского, Г. В. Мирзоева, С. Ф. Коваля отрицал интерпретацию раннего областничества и деятельности Н. М. Ядринцева в рамках этого периода как демократической. Некоторые утверждения И. М. Разгона носят декларативный характер, поскольку не подкреплены фактами. «Областничество и его идеологии, – писал И. М. Разгон, – были врагами революционного движения не только в годы первой и второй русских революций, не только врагами социалистической революции, они были врагами всего революционного движения и всех русских революционеров, начиная с появления самой идеи сибирского областничества»²⁹⁶.

Двусторонняя связь между общероссийской действительностью и концепцией областничества в представлениях Н. М. Ядринцева и Г. Н. Потанина систематически проанализирована М. Г. Сесюниной. В связи с определением сущности областничества для автора актуальным стал вопрос о факторах, обусловивших оформление первоначальной программы областничества. М. Г. Сесюнина выделила две исторические тенденции, повлиявшие на ранние взгляды идеологов областничества – развитие революционно-демократической и либеральной общественных течений во второй половине XIX в. Влияние лозунгов революционной демократии М. Г. Сесюнина отмечала в содержании сибирских прокламаций, исходящих в 1860-е гг. от областников. Исследователь трактовала суть этого влияния в качестве критического восприятия крестьянской реформы как «обмана народа, используемого правительством для удержания власти»²⁹⁷. Такая интерпретация должна была неизбежно привести идеологов сибирского областничества к пониманию неизбежности антиправительственного восстания,

²⁹⁶ Разгон И. М. Предисловие // Сесюнина М. Г. Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев – идеологи сибирского областничества (к вопросу о классовой сущности сибирского областничества второй половины XIX в.). – Томск, 1974. – С. 5.

²⁹⁷ Сесюнина М. Г. Указ. соч. – С. 34.

что позволило бы классифицировать областничество как революционное течение. Прочтение образов Н. М. Ядринцева и Г. Н. Потанина в исследовании М. Г. Сесюниной, напротив, носит либеральную окраску.

Доказательством либеральной основы мировоззрения ранних областников в освещении М. Г. Сесюниной стало их отношение к социальным вопросам. Автор критиковала Н. М. Ядринцева и Г. Н. Потанина за отсутствие в их концепции положения о необходимости установления социалистического строя на основе крестьянских общин после крестьянской революции в России. Этот тезис даёт основание интерпретировать исследование М. Г. Сесюниной как созданного в жёстких рамках идеологического клише, фундаментальной теоретической базой которого выступал классовый подход. Обращая внимание на время исследований М. Г. Сесюниной (середина 1970-х гг.), очевидной представляется возможность демократизации этого подхода. К примеру, историк сибирской литературы Н. Н. Яновский сумел выйти за рамки очевидной критики общественно-политических взглядов Н. М. Ядринцева, опровергая мнение М. Г. Сесюниной об отсутствии в сибирских прокламациях положений о социалистических преобразованиях. В прокламации, цитировал Н. Н. Яновский воззрения Н. М. Ядринцева, сибирская земля с момента её присоединения к России должна принадлежать трудящемуся народу. «Это для молодого Ядринцева аксиома, не подлежащая какому-либо обсуждению»²⁹⁸. Противопоставление Сибири и европейской России, укрепление «сугубо сибирского патриотизма» – ещё один пункт областнической программы Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева, обусловивший значительную критику в исследовании М. Г. Сесюниной. Можно предположить политизированность указанной критики. Основанием служил концепт интегрирующей силы государства, в связи с чем представления об автономном развитии провинций в рамках советской исторической парадигмы не представлялось автору прогрессивной или демократической идеей.

М. Г. Сесюнина выдвинула тезис о том, что решение «сугубо сибирских вопросов... было возможным лишь при решении общерусских вопросов

²⁹⁸ Яновский Н.Н. Неопубликованные ранее произведения Н. М. Ядринцева // Алтай. – 1984. – № 4. – С. 127.

пореформенной действительности, чего областники не понимали и не хотели никогда признать»²⁹⁹. Особое внимание при трансляции этой мысли автор уделяла идеологической аргументации, ссылаясь на фундаментальные труды основоположников марксизма в России. Цитируя В. И. Ленина, М. Г. Сесюнина акцентировала внимание на его мысли о «вреде проповеди федерализма и отделения для освободительной борьбы трудящихся масс»³⁰⁰.

Как и А. П. Бородавкин, М. Г. Сесюнина транслировала постулат о враждебности областничества освободительному движению в России. Автор квалифицировала взгляды областников после обнаружения прокламации «Патриотам Сибири», ареста и ссылки как буржуазные. «Все данные, – писала М. Г. Сесюнина, – говорят, что, вернувшись в Сибирь и не найдя поддержки идеи сепаратизма, Потанин и Ядринцев, игравшие главную роль в областничестве, относят её воплощение в жизнь на неопределённое будущее, и ограничиваются, в конечном счёте, деятельностью, не выходящей за рамки легальной культурно-просветительской работы»³⁰¹.

Трансляция образа Н. М. Ядринцева – приверженца либеральной идеологии отражена в исследовательских текстах М. Б. Шейнфельда. Постулат историка об эклектичности концепции областников подкреплён следующими объяснениями. Во-первых, М. Б. Шейнфельд критиковал Н. М. Ядринцева и Г. Н. Потанина за возникновение и развитие теории об особом пути исторического развития Сибири, связанном с предпосылками демократического образа сибирской жизни. Исследователь усматривал перенесение идеологами раннего областничества «буржуазно-националистических установок Н. И. Костомарова о «демократичности» и «бесклассовости» украинского народа»³⁰². Также, как Н. И. Костомаров, Н. М. Ядринцев писал о демократизме как особой характеристике регионального развития. Сибирская социальная история, по мысли Н. М. Ядринцева, отличается от общероссийской отсутствием крепостного края и

²⁹⁹ Сесюнина М. Г. Указ. соч. – С. 47.

³⁰⁰ Там же. – С. 78.

³⁰¹ Там же. – С. 89.

³⁰² Шейнфельд М. Б. Историография Сибири (конец XIX – начало XX вв.). – Красноярск, 1973. – С. 230.

общинными традициями, необходимыми для выживания в суровом климате края, особенно для переселенцев, и в некоторой степени сглаживающими материальную и социальную дифференциацию. Приверженность идеи значительной роли общины могла бы стать основанием для сближения взглядов Н. М. Ядринцева с народничеством. М. Б. Шейнфельд писал об эволюции концепции Н. М. Ядринцева в этом вопросе: в 1880-х гг. лидер областничества писал о разложении общины в Сибири и необходимости её капиталистического развития как закономерного и необходимого этапа хозяйственного развития края. «Он считал наивной критику капитализма со стороны народников – писал М. Б. Шейнфельд, представляя репрезентацию образа Н. М. Ядринцева как либерально-буржуазного идеолога. Во-вторых, значительным недостатком концепции Н. М. Ядринцева как идеолога раннего областничества М. Б. Шейнфельд называл отсутствие сводного обобщающего исторического труда. В этих обстоятельствах возникает вопрос о том, почему М. Б. Шейнфельд не считал таковым трудом монографию Н. М. Ядринцева «Сибирь как колония», о которой он упоминал на страницах исследования историографии Сибири конца XIX – начала XX вв. в контексте обоснования областниками необходимости промышленного развития региона³⁰³.

Истоки сибирской истории в составе российского государства Л. М. Горюшкин видел в колонизации региона³⁰⁴. Не отходя от общего мнения историков о том, что Н. М. Ядринцев приветствовал свободную народную колонизацию, исследователь называл либеральным сближение областничества с народничеством по предлагаемым методам освоения Сибири: правительенную и благотворительную помощь переселенцам, снижение податей и повинностей, развитие школ и периодической печати, введение земств и местного самоуправления. Близость Н. М. Ядринцева к народнической идеологии виделась Л. М. Горюшкину также в вопросе его отношения к развитию промышленности Сибири и положению пролетариата в ней. В соответствии с мыслью Л. М.

³⁰³ Там же. – С. 238.

³⁰⁴ Горюшкин Л. М. Место Сибири в России в период капитализма // Исторический опыт освоения Сибири. Бахрушинские чтения. – Новосибирск, 1986. – С. 37–50

Горюшкина, исторические взгляды Н. М. Ядринцева на рабочих и индустриальное развитие Сибири претерпели эволюцию. Л. М. Горюшкин писал о влиянии идей К. Маркса на динамику классовых воззрений Н. М. Ядринцева. Придя к выводу о закономерности развития капитализма в Сибири, Н. М. Ядринцев в 1880-е гг. выступил с критикой буржуазии, но призывал решить рабочий вопрос путём создания производственных ассоциаций, а также проведения экономических и законодательных мероприятий со стороны государства. Представляется, что взгляды лидера областничества на капиталистическое развитие Сибири и роль основных социальных слоёв в нём, а также акцент на регулирующей и законодательной роли государства стали основаниями для дефиниции Л. М. Горюшкиным образа Н. М. Ядринцева как приверженца либерально-буржуазного течения.

Отвечая на вопрос о сущности областничества, доктор исторических наук М. В. Шиловский выделил критерии, на основании которых им определялся круг лиц, принадлежащих к областническому «активу», в числе которых исследователем назван и Н. М. Ядринцев. К этим критериям были отнесены: разработка, обоснование и пропаганда областнических идей; взаимные контакты и участие в различного рода неформальных объединениях (кружках, землячествах); принадлежность или связи с революционерами-демократами; активная борьба с самодержавием³⁰⁵. На основании этих критериев М. В. Шиловским выделены черты социального облика областников 60-х гг. XIX в. Весь областнический «актив», включая Н. М. Ядринцева, заключал в себе разночинцев, что было связано со спецификой социального состава сибирских городов середины XIX в. На основании анализа социального состава активных представителей областничества исследователь пришёл к выводу о его более высоком культурном уровне. Это обстоятельство «предопределило восприятие

³⁰⁵ Шиловский М. В. Сибирские областники в общественно-политическом движении в конце 50-х – 60-х годах XIX века. – Новосибирск, 1989. – С. 14.

молодыми сибиряками передовых научных теорий революционно-демократической идеологии и их переход в лагерь борцов с самодержавием»³⁰⁶.

Впервые за несколько десятилетий исторических исследований М. В. Шиловский рассматривал образ Н. М. Ядринцева в патриотическом дискурсе. Анализируя прокламации «Сибирским патриотам» и «Патриотам Сибири», историк пришёл к выводу о причастности Н. М. Ядринцева к их созданию. Особенностью прокламаций стала их политическая направленность: они апеллировали не ко всему населению Сибири, а только к её патриотам, «передовым и преданным интересам региона людям, апостолам нового учения»³⁰⁷. Патриотизм Н. М. Ядринцева и его единомышленников, среди которых особенно выделяется причастный к прокламациям С. С. Шашков, заключался в призывае к сближению и деятельной пропаганде революционно-демократических сил края.

С наступлением «оттепели» в культурной жизни советского общества отпала необходимость тотальной критики предшествующего исторического опыта. Этот факт, а также стремительное увеличение численности сибирской интеллигенции с её потребностями в поиске предшественников, установлению границ регионального сообщества, предопределил эволюцию репрезентаций образа Н. М. Ядринцева в работах советских историков. Появляется значительное количество трудов, посвящённых историографии Сибири. В них Н. М. Ядринцев представлен как исследователь Сибири, областник – демократ, просветитель, защитник народа. Работы 1960–1980-х гг. отмечены тенденцией поиска в системе взглядов Н. М. Ядринцева черт марксистской идеологии. Факты появления положительных характеристик образа Н. М. Ядринцева в историографических исследованиях свидетельствуют о стремлении «мы-группы» советских историков представить коллективную память о формировании собственного сообщества. Указания на просчёты Н. М. Ядринцева в теоретических построениях и

³⁰⁶ Там же. – С. 20.

³⁰⁷ Там же. – С. 90.

применении их в сибирских реалиях XIX в. должны были иллюстрировать поступательное общественное развитие на территории региона.

Образ Н. М. Ядринцева—этнографа в период 1956 – 1994 гг. формировали советские исследователи А.Ф. Палашенков и Г.В. Наумов (1960-е гг.), А.М. Малолетко (1970-е гг.), Н.О. Шаракшинова и Г. Трухин (1980-е гг.) Причина повышения интереса к истории сибирской этнографии заключается в складывании региональной идентичности как части общегосударственного процесса формирования российской нации на территории постсоветского пространства. Исследуя мотивы написания текстов о нём, мы пришли к выводу о том, что ими были не только памятные даты его биографии, но, как правило, общественно-политические события, заставлявшие авторов обращаться к его наследию. Большую роль в сохранении имени Н.М. Ядринцева в культурной памяти этнографов сыграло Русское Географическое Общество, в рамках которого им проводились этнографические и географические исследования. Юбилейные даты основания Русского Географического Общества стали поводом для обращения к имени Н.М. Ядринцева в советский период.

На протяжении периода 1894 – 1994 гг. образ Н.М. Ядринцева-этнографа претерпел изменения, связанные с цензурными ограничениями, переменой вектора развития российского общества, идеологическим контекстом создания исследовательских текстов. Вместе с тем, прослеживаются общие тенденции интерпретации образа Н.М. Ядринцева в дореволюционной и современной культурной памяти. Этот факт свидетельствует об эволюционной процессе формирования региональной идентичности, как в рамках сибирского общества, так и в научном сообществе, которое выступает транслятором этих процессов.

Сходной характеристикой Н.М. Ядринцева, представленной в работах этнографов, стало утверждение локального патриотизма в качестве основы его этнографической исследовательской деятельности. Содержание категории исследовательского патриотизма Н.М. Ядринцева раскрыто в двух аспектах. Первый представлен в коллективной памяти о его деятельности, направленной на изучение фольклора, жилища, религии, правовых обычаев, основных занятий,

хозяйственного уклада коренных сибирских этносов. Уважение права народов на более длительный, обусловленный спецификой природно-географического фактора, процесс эволюции хозяйства от более архаичных форм к более развитым, трансляция возможности развития науки, культуры и образования на территории Сибири, в том числе – представителями коренного населения, – эти основы научного мировоззрения Н.М. Ядринцева обозначены этнографами как исследовательский патриотизм.

Второй аспект этого явления раскрыт в контексте определения ареала географических экспедиций Н.М. Ядринцева. Исследование им географии Сибири, поиск истории на её территории, вопреки сложившемуся стереотипу о «диких» и «некультурных» этносах, проживающих только обусловленный природой этап исторического развития, также расценивалось этнографами как патриотизм Н.М. Ядринцева. В рамках географического дискурса в исследовательских текстах выражена мысль о значении экспедиций Н.М. Ядринцева. С научной точки зрения описание им рельефа, границ озёр, флоры и фауны исследуемых им территорий Алтая, Северной и Центральной Азии, имело большое значение для развития географии, гидрологии, биологии сибирского региона. Открытие Каракорума – столицы монгольского государства – позволило исторической науке расширить географический и хронологический ареал изучения истории кочевого периода азиатских народов.

В работах этнографов образ Н. М. Ядринцева занял прочное место в качестве «пионера», «первопроходца» сибирских земель. Низкая степень исследованности сибирской территории, обусловленная, в первую очередь, её природными условиями, позволила Н. М. Ядринцеву положить начало этнографическому, экономическому, культурному изучению Сибири. Образ Н. М. Ядринцева как «первооткрывателя» коренной культуры и географии Сибири имеет особенности. Русские проживали в Сибири с момента её присоединения к России в XVI в.; проблема разведывания месторождений полезных ископаемых и других природных ресурсов была поставлена властью в начале XVIII в.; с конца XVIII в., и особенно – во второй половине XIX в. царское правительство было

заинтересовано в изучении территории Сибири с целью решения вопроса малоземелья в европейской России. В связи с перечисленными фактами Н. М. Ядринцев не был «пионером» на сибирских землях в прямом смысле слова. Этнографами он представлен таковым в связи с тем, что Н. М. Ядринцев был одним из первых коренных сибиряков, кто поставил вопрос об интеллектуальном развитии края. Областничество, как движение за либеральные права сибирского населения, предполагало широкое просвещение как фундамент для формирования общественного мнения сибиряков. Этот контекст предполагает интерпретацию взглядов Н.М. Ядринцева как не имеющих аналогов в рамках XIX в. Цель его этнографических и географических исследований заключалась не только в совершенствовании и систематизации знаний об этносах и сибирских территориях. Более широкой целью Н.М. Ядринцева стала трансляция полученных им знаний среди сибирского общества, формирование в нём мнения о природных богатствах края, о необходимости их рационального использования для процветания Сибири и её народа. Эта цель обусловила включение первобытной культуры, этапов хозяйственного развития сибирских аборигенов в сферу научных интересов Н.М. Ядринцева: для него актуальным было проследить раннее экономическое развитие народов Сибири, сделать вывод о целесообразности переселений, а также проводимой в отношении региона политики правительства с точки зрения процветания его населения.

В исследовательских текстах этнографов Н.М. Ядринцев представлен также как гуманист. Эта характеристика его личности и деятельности имеет широкое истолкование: имеется ввиду интерес к человеку и ориентация на его потребности в искусстве, религии, экономике, социальном развитии. Прочтение образа Н. М. Ядринцева как гуманиста предполагает акцент на таких особенностях его взглядов, как религиозная терпимость и исключение насилиственной христианизации коренных сибирских народов; признание права «инородцев» на собственную культуру, язык, обычаи; призыв к эволюционному развитию хозяйства сибиряков, постепенный переход от кочевого к оседлому образу жизни.

Этнографический дискурс образа Н. М. Ядринцева, который транслировался исследователями и популяризовался как в рамках научного сообщества (научные конференции, круглые столы), так и в массовом сознании (периодическая печать), свидетельствует о продолжающихся процессах складывания региональной сибирской идентичности.

Частью истории памяти о Н. М. Ядринцеве является литературный дискурс о нём. Упоминание о Н. М. Ядринцеве в советский период в литературоведческих исследованиях началось с конца 1950-х гг. Связанная с политикой советского правительства «оттепель» в культурной жизни страны затронула литературную науку. Возможность исследования дореволюционных текстов актуализировала имя Н. М. Ядринцева в аспектах, имеющих большое значение с точки зрения советской идеологии. В её рамках большое значение для литературоведов имела просветительская деятельность Н. М. Ядринцева. В русле утверждения тезиса о дружбе народов приобретало актуальность его литературное творчество, раскрывающее этнические аспекты развития фольклора сибирских народов. Классовая теория К. Маркса, ставшая фундаментом для формирования советской идеологии, обусловила повышенный интерес исследователей к проблеме интерпретации Н. М. Ядринцевым положения и взаимодействия разных слоёв населения Российской империи. Биографические данные Н. М. Ядринцева – происхождение от бывшей крепостной крестьянки, ссылка по политическому делу, поддержка им беднейших представителей студенчества и помощь народным массам в ходе эпидемии 1891 г. – сделали его имя востребованным для советских исследователей. Обязательным элементом литературоведческого текста о творчестве Н. М. Ядринцева было представление о его критике политики царского правительства. С конца 1970-х гг. в литературоведческую среду проникают центробежные силы, которые ставят перед исследователями вопрос о существовании сибирской литературы. В этом контексте вновь обретает актуальность областническая окраска литературного творчества Н. М. Ядринцева. Этот аспект литературоведения приобрёл особую актуальность в постсоветских исследованиях. Федерализация и суверенизация регионов современной России

имеет не только политическое, но и культурное значение. В ходе этих процессов естественной потребностью исследователей в области литературы стало осмысление существования сибирской литературной школы как исторической реальности. Ключевым вопросом при этом становится специфика сибирской литературы, цели её создания и портреты создателей, среди которых важное место литературоведы отводят Н. М. Ядринцеву, особенно отмечая областническую направленность его деятельности и литературного творчества суть которых – отражение интересов сибирского региона в литературных произведениях. Чертой обновления культуры на территории нашего государства является критическое отношение к её прошлому. Для современных исследователей поводом для критики советского периода стало засилье идеологии в сибирской литературе и литературной науке. Идеологические клише для местных писателей представлены как внешние, не-сибирские, отстранённые. В контексте потребности выявления специфической сибирской литературы в литературоведческих статьях изложена мысль о том, что фундаментальная система ценностей была заложена именно в период областничества, когда Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин заговорили об интересах Сибири. Эта мировоззренческая установка смогла сохраниться на протяжении XX в., несмотря на общую для всего государства концепции развития советской литературы. Для характеристики формирования сибирской литературной общности в ранний постсоветский период актуален термин, употреблённый Ф. Б. Шенком – «тоска по истории». Она проявляется в чрезмерной идеализации современными исследователями как литературного наследия Н. М. Ядринцева, так и его областнической деятельности. «Тоска по истории» объясняет ренессанс памяти о Н. М. Ядринцеве в литературном дискурсе в первой половине 1990-х гг.

Обобщающей характеристикой литературного наследия Н. М. Ядринцева в исследованиях сибирских литературоведов стало изображение его как писателя-шестидесятника. Сквозной метафорой шестидесятых годов XIX в. стало их определение литературоведами как «идейно-революционных». Становление Н. М. Ядринцева как писателя проходило «в исключительной атмосфере 60-х, с их

насыщенной литературной и околовературной борьбой», — писал Б. А. Чмыхало³⁰⁸. Важными фактами биографии Н. М. Ядринцева для Н. Н. Яновского, А. Г. Кандеевой, Б. А. Чмыхало стало влияние на него журналов «Искра» и «Современник», его практический интерес к революционным идеям А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского, личное сближение с Г. Н. Потаниным, С. С. Шашковым, В. С. Курочкиным, Г. З. Елисеевым³⁰⁹. В. Е. Евгеньев-Максимов подробно освещал влияние Н. А. Некрасова на литературное творчество Н. М. Ядринцева и пришёл к выводу о становлении обличительного характера его произведений³¹⁰. Все эти факторы в совокупности сформировали литературную позицию Н. М. Ядринцева: его статьи, фельетоны, стихи должны были воздействовать на общественное мнение в условиях пореформенной России. Мысль об активном влиянии литературы на действительность востребована как у советских, так и у современных литературоведов. Литературоведческие и критические исследования роли Н. М. Ядринцева в истории сибирской литературы стали появляться с конца 1960-х гг. 60-е гг. стали особым временем не только для XIX, но и для XX в.: охарактеризованные И. Г. Эренбургом как «оттепель», они также, как и столетие назад, привели к существенным изменениям в сознании представителей литературного сообщества. Поэтому исследователей занимал факт влияния пореформенной эпохи XIX в. на развитие литературы не только с академической, но и с практической точки зрения. Он позволял им сделать вывод о воздействии литературы на общественно-политические события.

Отмечая влияние критического отношения Н. М. Ядринцева к ограниченности реформ второй половины XIX в., а также сибирской действительности этого периода на его на литературное творчество, исследователи отрицали его принадлежность к социалистическим течениям. Г. П.

³⁰⁸ Чмыхало Б. А. Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин как теоретики «сибирской литературы» в 70-е гг. XIX в. // Развитие литературно-критической мысли в Сибири / под ред. Л. П. Якимовой. — Новосибирск, 1986. — С. 58.

³⁰⁹ Яновский Н. Н. Верность. — Новосибирск, 1984. — С. 13-21; Кандеева А. Г. Общественная и литературная деятельность Н. М. Ядринцева пер. пол. 60-х гг. XIX в. // Вопросы русской и советской литературы Сибири / под ред. В. Г. Одинокова. — Новосибирск, 1971. — С. 130-134, Чмыхало Б. А. Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин как теоретики «сибирской литературы» в 70-е гг. XIX в. // Развитие литературно-критической мысли в Сибири / под ред. Л. П. Якимовой. — Новосибирск, 1986. — С. 57-59.

³¹⁰ Евгеньев-Максимов В. Е. Некрасов в кругу современников. — Ленинград, 1938.

Раппопорт писал о невозможности назвать литературное творчество Н. М. Ядринцева ни социалистическим, ни революционным³¹¹. Отмечая реалистическое изображение сибирской действительности, исследователь критиковал Н. М. Ядринцева за дуализм взглядов по отношению к буржуазии. В то время, как социалист мог представить капиталиста как «загнивающий» и «отмирающий» класс, Н. М. Ядринцев осознавал необходимость капиталистического развития сибирского хозяйства, критикуя буржуазию за её потребительское отношение к природным богатствам и населению региона.

Знание автором интересов народных масс было важной частью советской литературоведческой политики. Говоря о последних, исследователи 1960-1980-х гг. употребляют их определение как «трудящиеся». И, хотя под характеристику рабочих и крестьян подходила не вся читательская аудитория Н. М. Ядринцева и не все, ставшие прототипами его творчества, его образ как защитника народных интересов прочно закрепился в исследовательских текстах советского и постсоветского периода. В рамках идеологического клише находилось определение сути народных интересов. Они заключались в потребности сибиряков в проведении политических и экономических реформ, просвещении, развитии культуры края. Опираясь на такую трактовку народных интересов, А. Г. Кандеева представляла Н. М. Ядринцева как народного защитника. Автор подчёркивала политическую незрелость сибиряков, которая выражалась в их недостаточном понимании колониального статуса Сибири и путей борьбы за её равноправие. Следствием этого была ограниченность сибирской литературы и пассивность читателей. Начало преодоления этих негативных тенденций сибирской жизни было положено Н. М. Ядринцевым, в произведениях которого содержался «призыв к гражданскому, культурному, экономическому пробуждению сибирского общества»³¹². Выделение А. Г. Кандеевой «народной» темы в литературном наследии Н. М. Ядринцева в разные периоды его творчества обнаруживает изменение интерпретаций Н. М. Ядринцева как народного

³¹¹ Раппопорт Г. П. Страницы литературного прошлого Алтая. – Барнаул, 1958. – С. 36.

³¹² Кандеева А. Г. Общественная и литературная деятельность Н. М. Ядринцева пер. пол. 60-х гг. XIX в. // Вопросы русской и советской литературы Сибири / под ред. В. Г. Однокова. – Новосибирск, 1971. – С. 145.

защитника в разные периоды его творчества. В 1860-е гг. он – «идейный единомышленник революционной демократии в борьбе за пробуждение политического самосознания народа»³¹³. Биографические факты подтверждают, что в начале творческой карьеры Н. М. Ядринцев был полон идей о возможности проведения демократических реформ в Сибири, выступал активным сторонником борьбы за её равноправие в составе Российской империи. К 1880–1890-м гг. ситуация изменилась: Н. М. Ядринцев осознал недостаточность преобразований, реакционная политика Александра III вызывала его критическое отношение. Изменилось и представление о нём как о литераторе. А. Г. Кандеева писала о разочаровании Н. М. Ядринцева в либеральных реформах: «Внешние признаки «обновления» - земская управа в городах, бойкие земские деятели в модных сюртуках – отнюдь не обновление жизни народа»³¹⁴. Тем не менее, в творчестве Н. М. Ядринцева «нет безнадёжности», изменилось лишь его представление о методах борьбы.

Репрезентация Н. М. Ядринцева как защитника интересов простого народа в ином ракурсе представлена в исследовании Е. А. Кукиной. Литература, в частности, поэзия, для Н. М. Ядринцева в интерпретации исследователя, это специфический источник «народознания»³¹⁵. Поэтическое народное творчество, изучением которого занимался Н. М. Ядринцев, можно рассматривать как форму общественного самовыражения её создателей и исполнителей. Опираясь на эту мысль, автор устанавливает, что демократическая программа Н. М. Ядринцева по национальному вопросу восходила к результатам изучения культур народов Сибири. Такое прочтение его образа позволяло говорить не только о подлинном знании Н. М. Ядринцевым культуры и повседневности народной жизни, но также приводило к утверждению демократического характера его литературного творчества. Наиболее востребованным произведением, написанным Н. М.

³¹³ Кандеева А. Г. Общественная и литературная деятельность Н. М. Ядринцева пер. пол. 60-х гг. XIX в. // Вопросы русской и советской литературы Сибири / под ред. В. Г. Одинокова. – Новосибирск, 1971. – С. 138.

³¹⁴ Она же. О литературно-публицистической деятельности Н. М. Ядринцева // Фольклор и литература Сибири. – Омск, 1976. – С. 70.

³¹⁵ Кукина Е. А. Идейно-эстетическая роль фольклора в поэзии Н. М. Ядринцева // Взаимодействие литератур народов Сибири и Дальнего Востока / под ред. Г. И. Ломидзе, Р. Ф. Юсуфова. – Новосибирск, 1983. – С. 263.

Ядринцевым на основе местного фольклора, стало стихотворение «Стрела». В нём значим именно моральный аспект победы непокорного слуги над грозным ханом. Перенося канву народной легенды на реальную жизнь, Н. М. Ядринцев в образе грозного хана представлял Российскую империю, непокорной слугой могла стать Сибирь. Так утверждалась возможность и необходимость борьбы за права сибирского народа, который зачастую воспринимался правительством именно как слуга. Важен моральный аспект победы: Н. М. Ядринцев понимал бесперспективность, да и отсутствие необходимости военной победы, для него было важно именно признание его родины полноправным регионом в составе Российской империи, и закрепление за её населением тех же прав и свобод, которые полагались гражданам европейской России.

Основным условием, необходимым для признания полноправного статуса Сибири, стало просвещение её населения. Задачей культурной программы Сибири в представлении исследователей была необходимость развития науки и образования на территории региона, в связи с чем за Н. М. Ядринцевым прочно закрепилась его характеристика как просветителя. Утверждая значение образования и науки в формировании общественного мнения среди сибирского населения, Т. М. Назарянц в качестве аналогии приводила пример взаимоотношений Индии и Великобритании как колонии и метрополии в интерпретации Н. М. Ядринцева. Т. М. Назарянц высказала два аспекта его просветительства. Анализируя основные темы ядринцевских фельетонов, статей, очерков, автор пришла к мнению о его критическом отношении к властям, которое проявлялось «в обличительном характере его литературной деятельности»³¹⁶. Наряду с этим, в литературных произведениях Н. М. Ядринцева автор отмечала «задачи не только критиковать, но и выдвигать идеалы»³¹⁷. Создавая идеальные образы сибирской жизни, Н. М. Ядринцев отстаивал фундаментальные потребности Сибири XIX в. – в демократизации,

³¹⁶ Назарянц Т. М. К характеристике просветительских взглядов Н. М. Ядринцева (60-е – нач. 70-х годов XIX в.) // Вопросы русской и советской литературы Сибири / под ред. В. Г. Однокова. – Новосибирск, 1971. – С. 150.

³¹⁷ Там же. – С. 155.

самоуправлении, европеизации, способствовал осознанию необходимости проведения всесторонних реформ в регионе.

Создавая концепцию просветительской роли Н. М. Ядринцева в сибирском регионе, Б. А. Чмыхало указывал на приоритет «народной» темы в его литературе. «Главное внимание писателя должно быть уделено народной жизни, целью его деятельности могло быть лишь народное благо», – писал автор³¹⁸. Определённую роль в постановке такой позиции сыграло идеологическое клише советского литературоведения, в рамках которого положительный образ писателя подразумевал его борьбу за права трудящихся. Именно понятные простому народу сюжеты, высказанные в литературном произведении нужды рабочих и крестьян, по мнению автора, «помогут преодолеть отчуждение между интеллигенцией и массой»³¹⁹.

В связи с этим большое внимание уделялось характеристике социального состава Сибири, как читательской аудитории, так и образа литературных творцов в интерпретации Н. М. Ядринцева. Представление о проживающем на территории Сибириaborигенном населении как об отсталом в силу природных и исторических факторов в творчестве Н. М. Ядринцева получает опровержение. Литературоведы, предметом исследования которых стало литературное творчество Николая Михайловича, признавали, что в основе его произведений положены образцы местного, сибирского фольклора. Поэзия, отражающая сибирский колорит, по мнению Е. А. Кукиной, «сочетала в себе и художественные, и пропагандистские функции»³²⁰. На появление фольклорных произведений оказывал влияние ряд факторов. Наиболее значимые из них – природная среда и трудовой процесс, в ходе которого происходило слагание народного творчества. Стереотипным в литературоведении и истории стало восприятие сибирского фольклора как не содержащего традиционных жанров и сюжетов: суровая природа не предполагала возможности отклонения от

³¹⁸ Чмыхало Б. А. Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин как теоретики «сибирской литературы» в 70-е гг. XIX в. // Развитие литературно-критической мысли в Сибири / под ред. Л. П. Якимовой. – Новосибирск, 1986. – С. 58.

³¹⁹ Там же. – С. 69.

³²⁰ Кукина Е. А. Идейно-эстетическая роль фольклора в поэзии Н. М. Ядринцева // Взаимодействие литератур народов Сибири и Дальнего Востока / под ред. Г. И. Ломидзе, Р. Ф. Юсуфова. Новосибирск, 1983. С. 265.

трудового процесса. Е. А. Куклина выделяла принципиальную новизну литературного и литературоведческого творчества Н. М. Ядринцева, показавшего народную песню как основной жанр сибирского фольклора: «Песенная импровизация казалась единственной и уникальной формой словотворчества, особенно у охотников и скотоводов»³²¹. Несмотря на признание высокого литературного потенциала в сибирском фольклоре, Н. М. Ядринцев, рассматривая устную и письменную поэзию Сибири, оценивал её весьма невысоко. На протяжении нескольких десятилетий исследователями была востребована литературоведческая статья Н. М. Ядринцева «Судьба сибирской поэзии и старинные поэты в Сибири». Для них в этой статье содержался анализ исторических предпосылок складывания сибирской поэзии, который в дальнейшем позволил бы говорить о литературном дискурсе Сибири. Е. Г. Раппопорт анализировал взгляды Н. М. Ядринцева с точки зрения возможности проявления в поэтическом творчестве гражданских идей. Для исследователя было очевидным понимать под гражданскими идеями «понимание народа и края», которые Н. М. Ядринцев усматривал лишь в произведениях Словцова, Ершова и Бальдауфа, что дало основание говорить о неразвитости авторского поэтического творчества в сибирском регионе.

Сбор и интерпретация образцов сибирского фольклора Н. М. Ядринцевым выполняли не только художественно-эстетическую функцию. С научной точки зрения целью Н.М. Ядринцева было выявление роли народной культуры сибиряков в связи с азиатской, и, шире, человеческой культурой в целом. В ходе исследования мифологии алтайцев им была «установлена связь с мифологическими образцами Европы, доказано первичное происхождение азиатских мифов»³²².

Доказательством высокого потенциала сибирского фольклора стало его использование Н. М. Ядринцевым в качестве основы стихов. Е. Г. Раппопорт, анализируя стихи «Сибирские мотивы» и «Байкал», отмечал сходство стиля и

³²¹ Куклина Е. А. Указ соч. – С. 264.

³²² Кандеева А. Г. О двух гранях наследия Н. М. Ядринцева (этнограф и писатель) // Мир историка: идеалы, традиции, творчество / под ред. В. П. Рыженко. Омск, 1999. С. 186.

принципа рифмовки с бурятскими легендами,ложенными Н. М. Ядринцевым в основу стихотворений³²³. Мотивами обращения Н. М. Ядринцева к сибирскому фольклору в процессе работы над стихами Е. А. Куклина называет его стремление к «постижению народного духа»³²⁴. В связи с этим возникает ещё одна ключевая характеристика образа Н. М. Ядринцева – «народный» характер его произведений, нацеленный, с одной стороны, на массовую аудиторию, с другой – повествование о проблемах, имеющих большое значение для сибирского общества.

Со второй половины XIX в. началась активная колонизация Сибири. Пришлым населением, оказавшим заметное влияние на сибирских аборигенов, были переселенцы. Н. М. Ядринцев посвятил им рассказ «Странник на Золотом озере», в котором переселенец, ищущий работы, наталкивается на бумажную волокиту и воровство. Масштабы крестьянского переселения в Сибирь второй половины XIX в. М. В. Шиловский назвал «переселенческой революцией»³²⁵. Значительный прирост сибирского населения за счёт крестьянства, а также потенциал крестьянской реформы в развитии социально-экономических отношений в России предопределили интерес Н. М. Ядринцева к этой категории населения ещё в 1860-е гг. Н. Н. Яновский, рассматривая произведения Н. М. Ядринцева о сибирских крестьянах, - «В тайге» и «Раскольничьи общины на границе Китая», отмечал идеализацию крестьянства в них. Новое положение и состояние крестьян, отношение к ним различных слоёв общества и правительства, их место в экономической системе Российской империи побудило Н. М. Ядринцева написать фельетоны «Наша любовь к народу» и «Козни злонамеренных», впервые опубликованные в революционном журнале «Искра». Посредством этих ранних произведений образ Н. М. Ядринцева дополняется ещё одной характеристикой – защита интересов крестьян в повседневной деятельности. Н. Н. Яновский выделил вопрос, ставший основным для Н. М.

³²³ Раппопорт Е. Г. Н. М. Ядринцев // Литературная Сибирь. Писатели Восточной Сибири. – Иркутск, 1971. – С. 53.

³²⁴ Куклина Е. А. Указ соч. – С. 264.

³²⁵ Шиловский М. В. Экономические взгляды сибирских областников // Финансы в Сибири. – 1997. – № 7. – С. 40.

Ядринцева: «Где же таится крестьянское счастье, под каким кустом залегло оно, под каким камнем оно запало, притаилось?»³²⁶ Дарованная правительством личная свобода не стала залогом «крестьянского счастья». Для Н. М. Ядринцева, с его взглядом на литературу как на силу, способную активно воздействовать на действительность, стала очевидной необходимость темы развития гражданственности и демократизации российского общества. Е. А. Куклина использовала термин «вольная поэзия», говоря о поэзии Н. М. Ядринцева, описывающей жизнь трудящихся: это «потаённая литература бунтарских, оппозиционных настроений»³²⁷. Исследователь рассматривала поэзию Н. М. Ядринцева, посвящённую крестьянству, как агитационную, которая могла бы стать «источником для изучения идейных поисков демократической интеллигенции»³²⁸.

Востребованной статьёй Н. М. Ядринцева у советских литературоведов стала работа «Нужды и условия жизни рабочего населения в Сибири», опубликованная в журнале «Отечественные записки» в 1876 г³²⁹. Специфика идеологических установок отечественных учёных XX в. предполагала рассмотрение и сельских, и промышленных тружеников, в обобщённой категории – рабочий класс. Поводом для критики исследователями стала позиция Н. М. Ядринцева о разложении крестьянской общины, «в недрах которой рождается и кабала – батрачество, и кабала торговая»³³⁰. Потребность изменения социально-экономических отношений позднее нашла отражение в его литературных очерках. А. Г. Кандеева, анализировала путевые очерки Н. М. Ядринцева и выделила в них тему будущего устройства крестьянского мира в его интерпретации. «Через очерки проходит мысль, – писала она, – что преимущество необжитых земель, не тронутых цивилизацией, состоит в том, что здесь ещё шире может парить

³²⁶ Яновский Н. Н. Верность. – Новосибирск, 1984. – С. 39.

³²⁷ Куклина Е. А. Идеи преобразования Сибири в поэтическом творчестве Н. М. Ядринцева // Вольная поэзия в Сибири. – Новосибирск, 1977. – С. 3.

³²⁸ Там же. – С. 53.

³²⁹ Ядринцев Н. М. Нужды и условия жизни рабочего населения в Сибири // Отечественные записки. – 1876. – Т. 229. – № 12. – С. 210 – 247.

³³⁰ Яновский Н. Н. Указ. соч.– С. 25.

человеческая мысль, ещё светлее надежды на будущее»³³¹. Отсутствие помещичьего землевладения и других крепостнических пережитков стало причиной идеализации Н. М. Ядринцевым крестьянского мира в Сибири в его литературном творчестве.

В советский период литературоведения вопрос о месте и роли областничества в литературном творчестве Н. М. Ядринцева носил дискуссионный характер. В 1950-е гг. исследователям присущ критический характер высказываний об областничестве. Анализируя «Пельменную притчу» Н. М. Ядринцева, Г. П. Раппопорт, не отрицая его вклада в литературное развитие Сибири, объяснил тенденцию к созданию самобытной сибирской культуры экономическими интересами областников. Поводом для столь критичного высказывания стала позиция Н. М. Ядринцева по отношению к буржуазии: «Ядринцев выражал чаяния молодой сибирской буржуазии, боявшейся конкуренции и желавшей самостоятельно эксплуатировать богатства Сибири и её трудящееся население»³³². Для создания положительного образа писателя-областника должно было быть понятно, какие выдающиеся действия им совершены для приближения решающей победы коммунизма, в то время как Н. М. Ядринцев не мог быть отнесён ни к социалистам, ни к революционерам ввиду его «неоднозначной» позиции по отношению к буржуазии. Другой причиной критики областнической позиции Н. М. Ядринцева может быть то, что Г. П. Раппопорт в своём исследовании представлял областничество как цельную идеологию, не разделяя его на раннее и позднее. Поэтому Н. М. Ядринцев не мог быть однозначно положительным персонажем: ведь «областники, которые в годы социалистической революции и Гражданской войны оказались в лагере контрреволюции, стали прислужниками Колчака и интервенции в борьбе против молодой советской республики»³³³. Литературные преемники Г. П. Раппопорта были не столь категоричны в оценке влияния областничества на прозу и поэзию

³³¹ Кандеева А. Г. О литературно-публицистической деятельности Н. М. Ядринцева // Фольклор и литература Сибири. – Омск, 1976. – С. 71.

³³² Раппопорт Г. П. Страницы литературного прошлого Алтая. – Барнаул, 1958. – С. 34.

³³³ Там же. – С. 39.

Н. М. Ядринцева. Е. Г. Раппопорт писал о том, что Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин «несли с собой просвещение и не помышляли о большем, чем высказанная в стихах Ядринцева программа»³³⁴. Сходной точки зрения придерживался В. П. Трушкин, который, характеризуя журналы «Сибирский рассвет» и «Сибирские записки», называл Н. М. Ядринцева отцом сибирского областничества в контексте развития культуры Сибирского региона, становлении его журналистики и просвещения в целом³³⁵. Такая интерпретация образа Н. М. Ядринцева может быть трактована как его стремление к культурному сепаратизму, что было вполне естественным, если рассматривать аспект влияния окружающей действительности на творческую активность людей, мотивы и сюжеты создания произведений, потребности аудитории.

История возникновения и сущности областничества и основных взглядов Н. М. Ядринцева как лидера течения отражена в работах В. К. Коржавина, выпущенных в 1970-е гг. Автор дефинировал социально-политические взгляды Н. М. Ядринцева как демократические³³⁶. С целью обоснования этого тезиса В. К. Коржавин приводил как исторические, так и социальные взгляды Н. М. Ядринцева. Что касается первых, автор отмечал солидную источниковую основу в исследованиях Н. М. Ядринцева, в том числе, большого количества статистического материала. Истоки сибирской истории в рамках Российского государства, в интерпретации исследователя, представляли собой «вполне закономерное явление». В. К. Коржавин привёл обстоятельства, которые, по мысли Н. М. Ядринцева, толкали русских людей в Сибирь – уход от крепостничества и самодержавия и малоземелье. Поэтому Ядринцев «видел в Ермаке выдающегося представителя народных масс»³³⁷. Социальное обоснование демократической позиции Н. М. Ядринцева заключалось в понимании им интересов Сибири, в первую очередь, как интересов её трудящегося населения.

³³⁴ Раппопорт Е. Г. Н. М. Ядринцев / Литературная Сибирь. Писатели Восточной Сибири. –Иркутск, 1971. – С. 55.

³³⁵ Трушкин В. П. Литературная Сибирь первых лет революции. – Иркутск, 1967. – С.111.

³³⁶ Коржавин В. К. Н. М. Ядринцев и проблема присоединения и заселения Сибири / Известия СО АН СССР. Общественные науки. – Вып. 3. – № 11. – С. 70.

³³⁷ Там же. – С. 74.

«Сибирское крестьянство, рабочие золотых приисков и местные народы, – вот кто постоянно находился в центре его внимания», – заключал В. К. Коржавин³³⁸.

В предисловии к пятитомнику «Литературное наследство Сибири» В. К. Коржавин рассмотрел обстоятельства возникновения и сущность областнической идеи. Так же, как и его предшественники (Н. А. Лапин), учёный выявлял истоки областничества не только в сибирской, но и в общероссийской действительности. «Несомненно, – писал В. К. Коржавин, – областники преувеличивали как степень противоречий между центром и окраиной, так и «местный» характер стоявших перед Сибирью задач»³³⁹. Наибольшим успехом в областнических взглядах Н. М. Ядринцева исследователь назвал его «общедемократическую» позицию, «отражавшую интересы самых широких слоёв местного общества»³⁴⁰. В. К. Коржавин выстроил образ системы взглядов Н. М. Ядринцева, которая включала как вертикальные, так и горизонтальные уровни. Рассматривая областнические ценности в вертикальном срезе, историк обнаруживал, что Н. М. Ядринцев не противопоставлял Сибирь европейской России в общем контексте. Цель его – «стойкая защита интересов трудящегося народа и борьба с его угнетателями – и «российскими», и «своими», а также исключительно большая и плодотворная культурная работа»³⁴¹. Демократическая позиция Н. М. Ядринцева состояла также в утверждении необходимости борьбы с политикой самодержавия, видевшейся ему центральной причиной народных бед. Вместе с тем, что В. К. Коржавин отмечал заслуги Н. М. Ядринцева в развитии Сибири – общественного самосознания её населения, культурической и социальной работы, исследователь указывал на недостатки общей системы областнических взглядов Н. М. Ядринцева. Наиболее общий из них – сложность и противоречивость областнической концепции, её «туманность, прежде всего – в сознании самих областников»³⁴². Неопределенность эта была вызвана рядом причин.

³³⁸ Там же. – С. 70.

³³⁹ Он же. К характеристике сибирского общественного движения второй половины XIX в. Возникновение и сущность «областнической идеи» // Литературное наследство Сибири. – Новосибирск, 1979. – С. 9.

³⁴⁰ Там же.

³⁴¹ Коржавин В. К. К характеристике сибирского общественного движения второй половины XIX в. Возникновение и сущность «областнической идеи» // Литературное наследство Сибири. – Новосибирск, 1979. – С. 10.

³⁴² Там же. – С. 11.

Значительным успехом Н. М. Ядринцева стало осознание неэффективности политики самодержавия по отношению к Сибири, которое впоследствии он транслировал на страницах периодической печати. Но В. К. Коржавин писал о том, что Н. М. Ядринцев не предлагал (и не знал) «верных средств борьбы с самодержавием». Неверным был также курс на решение только местных задач, которые, по мысли областников, могли быть решены только сибирскими силами. Таким образом, В. К. Коржавин стремился представить неоднозначную интерпретацию областнических взглядов Н. М. Ядринцева, которая была обусловлена социально-политической ситуацией середины 1960–1970-х гг., характеризующейся демократизацией общественных наук.

Иное прочтение образа Н. М. Ядринцева–областника содержится в исследовании Б. А. Чмыхало, который рассматривал литературу как художественное обрамление областничества, переводящее основные идеи в эмоциональный план, «возбуждающее не только ум, но и чувства читателя»³⁴³. Синтез областнических – идейных – и литературных подходов обеспечил творчеству Н. М. Ядринцева то неповторимое своеобразие, которое делает его наследие предметом дискуссий литературоведов, историков, литературных критиков, его биографов.

Интерпретация областнического характера сибирской литературы в прочтении Н.М. Ядринцева содержится в исследовании А. Г. Кандеевой. Исследователь отмечала, что в автобиографических и мемуарных произведениях Н. М. Ядринцев обращался к вопросу о сибирском сепаратизме. Главная роль литературы им виделась в «возрождении провинций России, а не только Сибири»³⁴⁴. В этом аспекте областническая идея литературы имеет самое широкое применение, потому что не предполагает замыкания авторов на узком круге специфических тем, даёт возможность избежать «ошибки» культурного

³⁴³ Чмыхало Б. А. Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин как теоретики «сибирской литературы» в 70-е гг. XIX в. // Развитие литературно-критической мысли в Сибири / под ред. Л. П. Якимовой. – Новосибирск, 1986. – С. 62.

³⁴⁴ Кандеева А. Г. О литературно-публицистической деятельности Н. М. Ядринцева // Фольклор и литература Сибири. – Омск, 1976. – С. 82.

сепаратизма, о которых предостерегал Ю. С. Постнов³⁴⁵. Концепция любой региональной литературы, в том числе сибирской, оказывается вписанной в концепцию общерусской литературы, следует её традициям. Продолжая эту мысль, Е. А. Куклина писала о том, что Н. М. Ядринцев доказывал «плодотворность межнациональных культурных связей», не отрицая при этом специфики литературных произведений края³⁴⁶. В этом заключается важная характеристика Н. М. Ядринцева как литератора. Исследователи на материале его творческого наследия не противопоставляли сибирскую и общероссийскую литературу, но и не постулировали превосходство последней.

В связи с рассмотрением специфики региональной литературы перед Н. М. Ядринцевым встал вопрос об укоренении областнического мировоззрения в среде писателей-сибиряков. Аспект формирования личности и литературных взглядов сибирских писателей в представлении Н. М. Ядринцева занимает внимание исследователей в связи с упоминавшимися процессами формирования региональной идентичности. Т. М. Назарянц писала о требовании Н. М. Ядринцева служения сибирских писателей областной программе как о коренной особенности сибирской литературы в его представлении. Логичным выводом был постулат Н. М. Ядринцева о том, что «в провинции, в отличие от столицы, литераторов надо «делать»³⁴⁷. Наряду с рассмотрением личностных и мировоззренческих особенностей литераторов региона, исследователи писали о монополизации Н. М. Ядринцевым сибирской темы для писателей-сибиряков. Для создания пласта литературы, отвечающей запросам разных представителей сибирского региона, необходимо было знать их повседневность, волнующие их проблемы, уметь критично осмысливать их. По мнению Б. А. Чмыхало, Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин «проблемы сибирской культуры начали рассматривать пусть не совершенно самостоятельно, но автономно»³⁴⁸. Эта автономия

³⁴⁵ Постнов Ю. С. Н. М. Ядринцев – литературовед и критик // Литературные очерки. – Новосибирск, 1985. – С. 166.

³⁴⁶ Куклина Е. А. Идейно-эстетическая роль фольклора в поэзии Н. М. Ядринцева // Взаимодействие литератур народов Сибири и Дальнего Востока / под ред. Г. И. Ломидзе, Р. Ф. Юсуфова. – Новосибирск, 1983. – С. 264.

³⁴⁷ Назарянц Т. М. Указ. соч. – С. 158.

³⁴⁸ Чмыхало Б. А. Указ. соч. – С. 61.

заключалась в стремлении представить сибирскую культуру как часть общероссийской, но выделить её специфику, в том числе, в круге тем, которые затрагивались сибирскими авторами. В контексте этой идеи к авторам применялись особые требования: известен ряд высказываний Н. М. Ядринцева об изначальной невозможности верного изображения сибирской жизни пришлыми. Мысль о том, что для Н. М. Ядринцева не существовало локальной сибирской литературы высказана Ю. С. Постновым: «Он рассматривал литературу Сибири как неотъемлемую часть общерусской, подчиняющуюся единым для России общим и эстетическим закономерностям»³⁴⁹. В работах исследователя нами отмечена эволюция взглядов Н. М. Ядринцева на областной характер сибирской литературы. В 1970-е гг. Ю. С. Постнов концентрировал внимание на «ошибочной» сути культурного сепаратизма и критиковал Н. М. Ядринцева за узость тематики литературных произведений, посвящённых исключительно Сибири. Отклонение от сибирской темы рассматривалось как отступление от своей родины, что приводило исследователя к мысли об отрицательной сущности областничества для местной литературы: «Оно приводит к исключительной духовной самоизоляции Сибири, порождает непонимание насущных потребностей народа и государства в целом, толкает кискажениям, предвзятым суждениям о литературных явлениях, не укладывающихся в рамки областнической концепции»³⁵⁰. Иначе позиция Н.М. Ядринцева о существовании сибирской литературы – как части общероссийской – рассматривалась исследователем в середине 1980-х гг. Природа, климат и зависимые от этого основные занятия коренного населения оказали значительное воздействие на особенности народного творчества. Ю.С. Постнов называет комплекс ментальных установок аборигенов «душевным складом сибиряков»: именно он, по мнению исследователя, обусловил чёткую позицию Н.М. Ядринцева по отношению к сибирскому писателю и поэту. Важнейший признак принадлежности писателя к местной литературе, по Н. М. Ядринцеву, – это «глубокая, творческая,

³⁴⁹ Постнов Ю.С. Указ. соч. – С. 158.

³⁵⁰ Постнов Ю.С. Русская литература Сибири пер. пол. XIX в. – Новосибирск, 1970. – С. 16.

органическая связь с областью или краем»³⁵¹. Несомненно, что сам Н. М. Ядринцев обладал этой связью с Сибирью, даже находясь за её пределами. Хотя её определение имеет больше эмоциональную, чем научную характеристику, утверждение о существовании творческой связи с Сибирью содержится в исследованиях большинства сибирских литературоведов.

Большую роль в приобретении Н. М. Ядринцевым опыта в воссоздании реальных картин сибирской действительности сыграли его биографические факты: не понаслышке он был знаком со студенческим, тюремным, переселенческим, аборигенным бытом. Материал для литературного творчества был взят им из событий реальной жизни, а потому доступный для понимания и осмыслиения каждым. В связи со значительным влиянием жизненных обстоятельств Н. М. Ядринцева на мотивы и содержание его литературного творчества, для литературоведов особенно актуальным стали его автобиографические произведения. Биографические очерки Н. М. Ядринцева можно характеризовать как описательные – например, «Детство», «Воспоминания о томской гимназии», и идеиные. И те, и другие выступают как социально значимые воспоминания. Мотив их написания Н. М. Ядринцевым был обусловлен «потребностью оглянуться на пройденный путь и воскресить в душе ту веру, которая владела им в самом начале»³⁵². Исследователи, обращавшиеся к биографии Н. М. Ядринцева, отмечали его молодость, которая пришлась на 1860 – начало 1870-х гг. как время надежд, которые не исчезли даже в условиях политической ссылки. Это подтверждалось содержанием писем Н. М. Ядринцева к Г. Н. Потанину, которое анализировали авторы, занимающиеся исследованием эпистолярного наследия Н. М. Ядринцева.³⁵³ 1880–1890-е гг., совпавшие со временем политической реакции в стране, отмечены разочарованием и утратой жизненных сил в судьбе героя нашего исследования. А. Г. Кандеева писала об особой роли эпохи 1880-х гг. в

³⁵¹ Он же. Н.М. Ядринцев – литературовед и критик // Литературные очерки. – Новосибирск, 1985. – С. 166.

³⁵² Яновский Н. Н. Из малоизвестных рассказов Н. М. Ядринцева // Алтай. – 1978. – № 1. – С. 68.

³⁵³ Например: Чередниченко И. Г. Николай Михайлович Ядринцев – публицист, теоретик и организатор провинциальной печати. – Иркутск, 1999.

жизни Н. М. Ядринцева³⁵⁴. Осознание им потребности реформ для государства сталкивалось с консервативными политическими реалиями. Это столкновение порождало в его личности «острый идейный кризис», который стал поводом для осмыслиения им своих взглядов, их становления, и, как следствие, написания автобиографических произведений. Обобщая факты своей жизни, Н. М. Ядринцев создавал не только литературное творчество, но и продуцировал разработку социально-значимой тематики. Для Н. Н. Яновского в процессе конструирования образа Н. М. Ядринцева востребованным стал его рассказ «Калмычка»³⁵⁵. В повествовании о судьбе сибирской девушки Н. М. Ядринцев представлен как борец за права аборигенного населения Сибири, запрете его принижения, а также за права представителей «низших» слоёв населения и женщин. Так складывался образ Н. М. Ядринцева как гуманиста. Особый тип мировоззрения, ставящий человека с его потребностями в центре литературного творчества, присущ публицистическим произведениям Н. М. Ядринцева. Анализируя статьи литературоведов, мы пришли к выводу о существовании двух аспектов гуманизма Николая Михайловича. Первый заключается целевой аудитории, на которую рассчитывал лидер областничества при написании своих работ: это – не только интеллигенция, но и широкий круг читателей, интересующихся повседневностью сибирской жизни. Н. Е. Меднис писала о том, что «в центре внимания Н. М. Ядринцева всегда стоит не столько писатель, сколько читатель»³⁵⁶. Эта особенность его творчества обусловила специфику содержания произведений: Сибирь в них – не обезличенный регион, её статус, образ, потребности раскрываются в масштабе человеческой жизни. Это позволило литературному критику характеризовать Н. М. Ядринцева «как тонкого и знающего психолога», художественные публицистические, литературно-критические тексты которого обеспечивали «эффект целенаправленного воздействия»³⁵⁷. Социокультурное

³⁵⁴ Кандеева А. Г. О литературно-публицистической деятельности Н. М. Ядринцева // Фольклор и литература Сибири. – Омск, 1976. – С. 66-99.

³⁵⁵ Яновский Н. Н. Из малоизвестных рассказов Н. М. Ядринцева // Алтай. – 1978. – № 1. – С. 66-69.

³⁵⁶ Меднис Н. Е. Поэтика литературно-критических статей Н. М. Ядринцева // Литературная критика в Сибири / под ред. Л. П. Якимовой. – Новосибирск, 1988. – С. 132.

³⁵⁷ Меднис Н. Е. Поэтика литературно-критических статей Н. М. Ядринцева // Литературная критика в Сибири / под ред. Л. П. Якимовой. – Новосибирск, 1988. – С. 133.

значение автобиографии не утратило значения и на современном этапе развития Сибири, актуальной проблемой которой остаётся отток интеллигенции в европейскую Россию.

Окружающая молодого Н. М. Ядринцева сибирская, а затем петербургская действительность нашла отражение в его литературных произведениях. Жанром, позволявшим воздействовать на большое количество читателей и востребованным для газеты, был фельетон. Литературоведами отмечено влияние на сатиру Н. М. Ядринцева популярного в 1860-1870-е гг. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Вместе с тем его фельетоны не были простым повторением образов, созданных М. Е. Салтыковым-Щедриным, поскольку литературное творчество Н. М. Ядринцева в целом носило специфический характер и по целям создания, и по содержанию произведений. В рамках исследования литературного наследия Н. М. Ядринцева 1860-х гг. А. Г. Кандеевой были востребованы его фельетоны «Тюленьская жизнь» и «Эпизод из жизни киргизов в Петербурге», очерк «Петербург в его прелестях» и другие. Главной целью Н. М. Ядринцева, как отмечала исследователь, было его адресование литературных произведений сибирскому читателю из демократических низов общества, а также стремление занять критическую позицию по отношению ко многим явлениям и событиям столичной и сибирской жизни³⁵⁸. Особое место в его творчестве 1860-х гг. занимал образ «цивилизатора» Сибири. Обращаясь к рассказу «Бойкий мужчина и сто тысяч несчастий», Н. Н. Яновский писал о том, что Н. М. Ядринцев, «срывая все цветистые оперения», стремился показать подлинные лица многих сибирских чиновников и буржуазии – «высланные из столицы пройдохи, вообразившие себя истыми цивилизаторами и культуртрегерами в отсталой Сибири»³⁵⁹.

Утверждение областнического характера литературного наследия Н. М. Ядринцева актуализировало вопрос о степени реализма в изображении им картин сибирской действительности. С конца 1980-х гг., в период смягчения цензуры, исследователями предпринята попытка соотнести сибирскую реальность второй

³⁵⁸ Кандеева А. Г. Общественная и литературная деятельность Н. М. Ядринцева пер. пол. 60-х гг. XIX в. // Вопросы русской и советской литературы Сибири / под ред. В. Г. Одинокова. – Новосибирск, 1971.

³⁵⁹ Яновский Н. Н. Верность. – Новосибирск, 1984. – С. 34.

половины XIX в. и литературные тексты Н. М. Ядринцева. Б. А. Чмыхало писал о рассмотрении Н. М. Ядринцевым сибирской литературы «с позиций реалистического освоения действительности»³⁶⁰. Освещению сибирской жизни в подлинном виде препятствовала цензура, которая контролировала в большей степени политические, а не социально-экономические темы. В связи с этим последние в литературном творчестве Н. М. Ядринцева получили большее освещение. Реалистичное изображение картин сибирской жизни необходимо было во второй половине XIX в. по двум причинам. Опираясь на распространение легенд о крае, которые в общем виде могут быть сформулированы как «Сибирь – золотое дно», Н. М. Ядринцев призывал представлять реальные материальные отношения в регионе, исключать чисто потребительский подход к его богатствам. Этот аспект проблемы содержания сибирской литературы особенно остро представлен в литературоведческих дискуссиях постсоветского периода. Распределение ресурсов Советского Союза было подчинено приказам правительства, задействовать силы демократии, вести дискуссии было немыслимо в условиях командной экономики. Свобода слова позволила свободно высказывать своё мнение об экономическом статусе Сибири. Анализируя влияние Н. М. Ядринцева на развитие сибирской литературы, главный редактор журнала «Сибирские огни» Б. А. Берязев подчёркивал значение его наследия не только в ментальном смысле. «Златокипение её сегодняшнее упрятано в магистральные трубопроводы», но именно оно предопределяет восприятие Сибири как сырьевого края, «зараза алчности» не предполагает существование литературных, художественных и иных культурных богатств³⁶¹. Именно за «сбережение народа» боролся Н. М. Ядринцев, за самобытность его культуры, за создание условий для интеллектуального роста на территории края.

Публицистическое, художественное и поэтическое наследие Н.М. Ядринцева стало исходной точкой формирования литературного дискурса о нём. Годы оттепели и последовавшее за ними смягчение государственной политики в

³⁶⁰ Чмыхало Б. А. Указ. соч. – С. 20.

³⁶¹ Берязев Б. А. По следам Аввакума и князя Гагарина // Сибирские огни. – 2007. – № 1. – С. 149.

области культуры сделали востребованным литературное творчество Н. М. Ядринцева сибирскими литературоведами и литературными критиками. Формирующаяся в 1970–1980-е гг. концепция самобытности сибирской литературы предполагала содержательный анализ произведений Н.М. Ядринцева, раскрытие потенциала их литературных форм. Комплекс политических, экономических и социальных факторов в конце 1980-х – первой половине 1990-х гг. обусловил глубокие изменения в культуре. В литературной части они проявились в формировании чувства глубокой сплочённости, стремления доказать равнозначность сибирской литературы, представить её как полноценное самовыражение аборигенного самосознания. Злободневность проблем, поднятых Н. М. Ядринцевым в литературе во второй половине XIX в., для современного состояния Сибири, стала очевидной для литературного сообщества региона и сделала популярным творчество лидера областничества.

Резюмируя вышеизложенное, мы пришли к выводу о «присвоении» образа Н. М. Ядринцева научным сообществом на протяжении 1917 – 1994 гг. Для научного дискурса довоенных десятилетий характерен дуализм в конструировании образа Н. М. Ядринцева. Его взгляды на социально-экономический вектор развития Сибирского региона нередко подвергались критике. С другой стороны, просветительская деятельность Н. М. Ядринцева, его литературное наследие, стремление к этнографическому описанию края, критичное отношение к политике царизма в Сибирском регионе, – предохранили его имя от клеймения как «символа дореволюционных порядков» и от полного забвения.

Ренессанс памяти о Н. М. Ядринцеве пришёлся на 1960-е гг. В эпоху «оттепели» началось производство текстов о Н. М. Ядринцеве в рамках советской науки. В 1960-е гг. исследователи не только анализировали взгляды, тематику произведений и деятельность Н. М. Ядринцева, но и указывали на его «ошибки» в отношении классов российского общества и дальнейших путях развития Сибири. Идеологическое клише исследовательских текстов о Н. М. Ядринцеве проявлялось также в стремлении показать его «социалистом-революционером»,

выявить предпосылки революционной борьбы в Сибири. В связи с этим подчёркивалось влияние на его творчество переписки с Н. А. Некрасовым, годы политической ссылки. Тем не менее, гражданские идеи в наследии Н. М. Ядринцева стали для исследователей более важным вопросом, чем идеологические рамки.

В 1970–1980-е гг. в научном дискурсе представлен широкий диапазон контекстов, актуализирующих образ Н. М. Ядринцева. Центральной темой, раскрывающей отражение его образа в культурной памяти исследователей, стали вопросы об идеологической принадлежности областничества и о потенциале сибирской литературы. Проблема существования локальной литературы на окраинах, а также степени сепаратизма областников вызывает научные дискуссии вплоть до настоящего времени, побуждая повторять те вопросы, которыми задавался Н. М. Ядринцев в XIX столетии: об экономическом потенциале Сибири, о признании самостоятельности сибирской литературы, о необходимости равноправия народов, проживающих на территории региона. Несмотря на дискуссионность проблем, исследователями выделено основное качество Н.М. Ядринцева – особая духовная связь с Сибирью, ставшая предпосылкой формирования местного патриотизма, в том числе, хозяйственного, литературного, этнографического.

Репрезентации Н.М. Ядринцева как шестидесятника заключали такие черты его личности, как гуманист, просветитель, сторонник реформ. Последнее было особенно актуально в контексте освобождения от идеологического давления в 1980-е гг., когда происходило утверждение концепции многообразия форм патриотической деятельности. В связи с изображением Н.М. Ядринцева как борца за внедрение либеральных реформ на территории Сибири, исследователями отмечена его специфическая литературная черта – предпочтение стиля критического реализма с целью показать необходимость перемен на территории края.

В рамках научного дискурса исследователями были востребованы такие сюжеты, как темы творчества Н. М. Ядринцева, его социальные роли,

«излюбленные» жанры, мировоззренческая и идеологическая основа его взглядов и произведений. На выбор тематики исследования и его результаты значительное влияние оказывал хронологический период его создания. В дореволюционный период адресантом образа Н. М. Ядринцева были его единомышленники – областники, идеализирующие его творчество и биографические аспекты. В советский период исследовательские тексты Н. М. Ядринцеве носили дискуссионный характер. Содержание дискуссии заключалось в представлении разных точек зрения на вопросы об идейной ориентации областничества, о близости его лидера к взглядам народников или социалистов, о существовании сибирской литературы, её специфики и роли Н. М. Ядринцева в контексте её создания. Примечательно, что начало дискуссии пришлось на вторую половину 1970-х гг., время, когда начали проявляться центробежные силы в культуре Советского Союза. Именно в этот период группой советских учёных, в первую очередь, литературоведов, была высказана мысль о том, что советская идеология оказалась чуждой сибирской культуре, в то время как областниками была заложена фундаментальная система ценностей, характерная именно для сибирского мировоззрения.

Интерес исследователей к гуманистическим и просветительским взглядам Н. М. Ядринцева был обусловлен высокой ценностью этих категорий в Советском Союзе во второй половине XX в. В связи с этим репрезентация Н.М. Ядринцева как гуманиста включала в себя не только идею высшей ценности человека. Акцент ставился на признании за коренным сибирским населением права на собственную литературу, экономическую самостоятельность, право участия в государственном управлении.

Конструируя образ Н. М. Ядринцева в научном дискурсе, исследователи использовали характерные слова-маркеры, такие как: патриот, просветитель, сибиряк, сибирский писатель, гуманист, «шестидесятник». Последнее транслировалось практически всеми исследователями в области литературы в советский период, и было обусловлено актуальностью этой характеристики, прежде всего, для адресантов образа Н.М. Ядринцева, мировоззренческие

позиции которых формировались в 1960-е гг., в период оттепели. Таким образом, происходила экстраполяция представлений научного сообщества о характерных чертах поколения «шестидесятников» в XIX и XX вв. Они надеялись такими характеристиками, как социальная активность, способность влиять на окружающую действительность, повышение внимания к гражданским идеям в творчестве, подлинное знание сибирской темы.

Культурная память о Н. М. Ядринцеве в научном дискурсе отражает потребность сибирского исследовательского сообщества в фигуре, способной выступать в качестве символа интеллигенции, создающей специфическую культуру. И, хотя содержание образа Н.М. Ядринцева менялось на протяжении периода существования советской науки, он всегда оставался частью культурной памяти в текстах исследователей его взглядов, творчества и гражданской деятельности.

§ 3. «Места памяти» и коммеморативные практики, посвящённые Н. М. Ядринцеву

Политика советской власти по отношению к дореволюционным героям характеризуется амбивалентностью. Это связано со стремлением советской власти создать новый национальный дискурс, который подавлял

эмансипационный потенциал локальных сообществ. Дуализм советской политики в отношении «мест памяти» Н. М. Ядринцева заключался в переименовании села его имени, разрушении некоторых памятных дореволюционных зданий, его могилы, с одной стороны, и созданием «мест памяти» Н. М. Ядринцева, с другой.

С 1917 года одной из ведущих задач Советского государства было распространение и укрепление новой идеологии. В советском нарративе активно использовались категории патриотизма, Родины и малой Родины. Патриотизм рассматривался не только как духовная категория, но и как деятельность, в ходе которой каждый, даже рядовой гражданин государства, должен трудиться на его благо, делать посильный вклад в развитие своего края. В рамках советского патриотического дискурса проведение научного поиска расценивалось как проявление любви к Родине. И, хотя в советских исторических исследованиях появилась критика политических взглядов Н. М. Ядринцева как буржуазных, в результате которой он не мог стать полноправным сибирским героям, но игнорировать деятельность Н. М. Ядринцева в накоплении географических, этнографических, исторических знаний о Сибири, его просветительскую деятельность, советская власть не могла.

Могила Н. М. Ядринцева стала одним из важнейших «мест памяти» для сибиряков. В 1910 г. власти Барнаула поставили вопрос о закрытии Нагорного кладбища, которое препятствовало расширению городской застройки. В газете «Жизнь Алтая» в 1911 г. было написано о ванальном отношении к памятникам: многие были опрокинуты, разбиты, исписаны циничными фразами, ограды снесены³⁶². Такое состояние Нагорного кладбища поставило перед новой властью вопрос о необходимости разработки и реализации проекта его благоустройства. В 1925 г. Горсовет утвердил проект охраны городских кладбищ, но ситуация улучшилась лишь незначительно³⁶³.

Лето 1917 г. было периодом наибольшего расцвета демократии и гражданских инициатив в вопросах коммемораций Н. М. Ядринцева и других

³⁶²

³⁶³ Решение Горсовета Барнаула от 28.01.1925 г.; Петров А. И. Планировка городов Сибкрай // Коммунальное дело. – 1929. – № 2. – С. 98–102.

героев дореволюционной истории. В июне 1917 г. совет Общества попечения о начальном образовании выдвинул предложение о проведении ежегодной панихиды в годовщину смерти Н. М. Ядринцева и опубликовал объявление о ней в газете «Жизнь Алтая»³⁶⁴. Эта коммеморативная инициатива служит иллюстрацией для идеи Э. Ренана, который писал о необходимости обладания знанием об исторических корнях социальной группы (в данном случае – барнаульской, или, шире - сибирской интеллигенции) для её конструирования и определения границ.

С 1919 г. по инициативе Г. Н. Потанина и П. И. Макушина ежегодные панихиды были перенесены с летнего времени на 8 ноября. «Так, как в те дни, когда в Петрограде жил и работал Н. М. Ядринцев, день этот особо отмечался», – писала барнаульская литературная газета «Время»³⁶⁵. 8 ноября (26 октября по старому стилю) – День Сибири, который отмечался с 1881 г., когда праздновалось 300-летие её вхождения в состав России. До 1919 г. в этот праздник были приняты собрания интеллигенции, научных и образовательных организаций, где обсуждались перспективы развития и проблемы региона. Дореволюционная интеллигенция стремилась сохранить традицию празднования Дня Сибири и приурочить его к посещению могилы Н. М. Ядринцева. Это подчёркивало значимость его интеллектуального – областнического, исследовательского, публицистического – наследия, а также иллюстрировало «присвоение» его образа сибиряками.

Коммеморативные практики, связанные с посещением могилы Н. М. Ядринцева и её благоустройством, продолжались в 1920-е гг. Они иллюстрируют противоречия между интересами барнаульской интеллигенции и официальной государственной политикой памяти. В 1928 г. граждане Барнаула А. И. Глушков, А. И. Савельев, Н. А. Худолепова, Н. А. Лебедева и А. Н. Спасский подали в

³⁶⁴ [Объявление] // Жизнь Алтая. – 1917. – 7 июня.

³⁶⁵ Цит. по: Бурик Н.М. Образ Н.М. Ядринцева в газетной прессе Алтая 1910-х гг. // Культура и интеллигенция России: Личности. Творчество. Интеллектуальные диалоги в эпохи политической модернизации: материалы VIII Всероссийской научной конференции с международным участием в рамках подготовки к 300-летию Омска и празднованию юбилейных событий российской истории (Омск, 16-18 октября 2012 г.) / ответственный редактор В.Г. Рыженко, О.В. Петренко. – Омск, 2012. – С. 431.

Городской совет предложение о взимании платы за предоставление места на Нагорном кладбище. Вырученные средства инициативная группа намеревалась использовать для благоустройства кладбища. Предложение обосновывалось необходимостью сохранения могил видных дореволюционных деятелей – Н. М. Ядринцева, В. К. Штильке, С. И. Гуляева и др. Таким образом, кладбище воспринималось барнаульской интеллигенцией как хранилище культурных ценностей, памятник сибирской истории, необходимой для формирования «мы-группы» сибиряков. Это противоречило политике советской власти, отрицавшей необходимость существования территориальных сообществ с собственным идеологическим потенциалом, поэтому в предложении барнаульской инициативной группе было отказано³⁶⁶.

Наиболее амбивалентной политика советской власти в отношении коммеморации дореволюционных героев была в 1930-е гг. Одна из тенденций заключалась в продолжении политики их забвения и уничтожения связанных с ними материальных «мест памяти». Член Алтайского отдела Русского географического общества Г. Д. Няшин, выступавший за сохранение памятников старины Барнаула, в 1931 г. посетил Нагорное кладбище и констатировал снятый бюст Н. М. Ядринцева, который был отправлен на переплавку на Алтметаллзавод³⁶⁷. Запустение кладбища, отсутствие субъектов, способных осуществлять должный уход за погребениями, дополнялся намеренным уничтожением могил, которое, по воспоминаниям современников, отличалось особым цинизмом³⁶⁸. В 1934–1936 гг. Нагорное кладбище было реорганизовано, на его месте был спроектирован парк³⁶⁹. В связи с этим многие могилы были разрушены, памятник Н. М. Ядринцеву был частично повреждён – в

³⁶⁶ Акт государственной историко-культурной экспертизы проектов зон охраны объектов культурного наследия регионального значения, расположенных в г. Барнауле и Алтайском крае от 26.12.2019 [Электронный ресурс]. URL http://ukn22.ru/upload/iblock/71e/Akt-na-podpis_shtampik_.pdf (дата обращения 15.08.2021).

³⁶⁷ Гришаев В. Ф. Барнаульский некрополь: (к истории Нагорного кладбища) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 1995. – Вып. 5, ч. 1. – С. 173.

³⁶⁸ Дмитриева Л. М. Барнаул в сознании жителей города // Барнаул в воспоминаниях старожилов, XX в. – Ч. 2. – С. 259.

³⁶⁹ Постановление президиума Барнаульского горсовета «О закрытии Нагорного и Сад-городского кладбищ» от 16 ноября 1931 г.

барнаульском краеведческом музее есть фотография, подтверждающая демонтаж бронзового бюста.

Другая тенденция советской политики памяти во второй половине 1930-х гг. заключалась в попытке властей связать исторические эпохи, «вспомнить» дореволюционных героев. Параллельно социалистическому строительству 1930-х гг. перед государством стояла задача развития науки, формирования и поддержки местной интеллигенции. Для её решения нужно было не только создать сеть учебных заведений и учреждений науки, но и показать предшественников-интеллигентов, не имевших высокого социального статуса. С этой целью в 1936 г. в газете «Красный Алтай» была напечатана статья «Исторические могилы», в которой популяризовалась деятельность Н. М. Ядринцева, а также содержалась информация о его могиле³⁷⁰.

В 1956 г. во время создания краевой выставки достижений народного хозяйства была проведена реставрация могилы Н. М. Ядринцева. Над бюстом лидера сибирского областничества, отлитого из железобетона, трудился скульптор С. Ф. Черепенников, бронзовая пальмовая ветвь заменена лавровым венком, восстановлена крышка саркофага и верхняя часть стелы. «Затея по воссозданию памятника была спущена сверху, из крайкома КПСС, – писал А. Нагорный. – Там кто-то прочитал о том, что Владимир Ильич был очень высокого мнения о трудах сибиряка-сепаратиста. Получалось, не чтят в Барнауле любимого вождём публициста. Надо дело поправлять!»³⁷¹ Позже у основания памятника с восточной стороны была установлена чугунная мемориальная доска. На ней высечены слова: «Если на заре своей истории Сибирь не видела радостных дней, то ея лучшую будущность вера в счастье и благодеяние, доступное всем народам, должны воодушевить и подкрепить тех, кто отдает свои силы и труд на ее обновление. Ядринцев». Изготовление нового памятника Н. М. Ядринцеву в середине 1950-х гг. стало одним из мотивов упоминания его имени в периодической печати конца 1950-х – начала 1960-х гг. Статья Р. Скворцовой,

³⁷⁰ Шаронов С. Исторические могилы // Красный Алтай. – 1936. – 3 авг.

³⁷¹ Нагорный А. Три головы Николая Ядринцева // Свободный курс. – Барнаул, 2004. – 26 августа. – С. 20.

повествующая о краевой выставке достижений народного хозяйства, дополнена фотографией вновь изготовленного памятника Н. М. Ядринцеву³⁷². Реставрация могилы лидера областничества побудила советского краеведа А. П. Уманского упомянуть об этом³⁷³.

Резюмируем, что могила Н. М. Ядринцева – одно из его «мест памяти», иллюстрирующее динамику коммемораций о нём в 1917 – 1994 гг. Центральным институтом, определявшим этот процесс, стало государство. Изменения политики памяти по отношению к Ядринцеву как дореволюционному герою, как к сибиряку, к интеллигенту, просветителю, исследователю Сибири – отражались на мероприятиях по его увековечению, связанных с содержанием, разрушением и реставрацией его могилы. Время наибольшего «забвения» Н. М. Ядринцева на уровне государственной политики пришлось на вторую половину 1920 – первую половину 1930-х гг. Отказ от увековечения памяти Н. М. Ядринцева в этот период может объясняться проводимой в советском государстве «культурной революцией», необходимость которой В. И. Ленин обосновал в 1923 г.³⁷⁴ Несмотря на то, что областническое наследие героя нашего исследования подвергалось наибольшей критике в прессе и научном дискурсе именно в этот период, его могила не исчезла полностью благодаря коммеморативным инициативам сибирской интеллигенции.

Частью мероприятий, направленных на увековечение памяти Н. М. Ядринцева, стало создание коллекций, популяризующих его публицистическую и исследовательскую деятельность в сибирских музеях и библиотеках. Собрание экспонатов для музейных коллекций, посвящённых Н. М. Ядринцеву, началось ещё в дореволюционный период. Идея создания «мест памяти» лидера областничества в научных и культурных учреждениях сибирских городов была высказана в 1903 г. М. К. Лемке писал: «В прошлом году А. М. Головачёв высказался за необходимость собрания материалов о жизни и деятельности Н. М. Ядринцева, образование особых «ядринцевских витрин» или «ядринцевского

³⁷² Скворцова Р. Писателю-публицисту // Алтайская правда. – 1963. – 3 марта. – С. 3.

³⁷³ Уманский А. П. Памятники культуры Алтая. – Барнаул, 1959. – С. 12, 42–46.

³⁷⁴ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. – М., 1962. – Т. 45: О кооперации. – С. 372, 376, 377.

зала» в каком-либо учреждении, с бумагами покойного и пр.»³⁷⁵. К двадцатипятилетию со дня смерти лидера сибирского областничества совет Алтайского подотдела Русского географического общества 18 июня 1919 г. постановил организовать при его музее особый отдел, посвящённый памяти Н. М. Ядринцева. В алтайскую музейную коллекцию должны были войти рукописи, газеты и журналы, которые он публиковал, все его сочинения и фотографии.

Увековечение памяти о Н. М. Ядринцеве в барнаульской библиотеке заключается в присвоении его имени учреждению культуры: в 1964 г. центральная городская библиотека в г. Барнауле, расположенная по адресу ул. Профинтерна, 35, стала носить имя лидера сибирского областника. В барнаульской библиотеке руководство инициировало формирование Ядринцевского фонда, который содержит редкие книги, копии ценных архивных документов, писем, фотографий. Ежегодно в день знаний в библиотеке устраивают книжные выставки, на которых представлены публицистические материалы Н. М. Ядринцева, биографические материалы, исследовательские работы, связанные с его научной, литературной и общественной деятельностью. Выбор дня воспоминания о сибирском герое не традиционен для других сибирских городов, обычно популяризующих имя Н. М. Ядринцева в связи с 26 октября – днём Сибири или с памятными датами его рождения (октябрь 1842 г.) или смерти (июнь 1894 г.) Традиция барнаульской библиотеки иллюстрирует прочтение образа Н. М. Ядринцева, в первую очередь, как просветителя и исследователя Сибири. Повествование о Н. М. Ядринцеве в день знаний призвано сформировать у сибиряков положительное представление об истории регионального просвещения.

В омской библиотеке им. А. С. Пушкина 30 октября 1992 г. проходила выставка, посвящённая 150-летию со дня рождения Н. М. Ядринцева. На выставке было представлено более 150 документов, иллюстрирующих работы Н. М. Ядринцева и материалы о его жизни и творчестве 1868–1992 гг.: «Записки Императорского русского географического общества» (1881–1886 гг.), «Записки

³⁷⁵ Лемке М. К. Указ. соч. – С. 197.

Императорского русского археологического общества» (1887 г.), «Известия Восточно-Сибирского отделения Императорского русского географического общества» (1887 г.), сборники «Литературное наследство Сибири» (1979, 1980 гг.); журнальные публикации Н. М. Ядринцева и материалы о нем 70–80 гг. XIX в. в изданиях: «Вестник Европы», «Сибирь», «Отечественные записки», «Русская мысль». Рассмотрение литературного и публицистического аспектов творчества Н.М. Ядринцева характеризуют его, в первую очередь, как литератора.

Память о Н. М. Ядринцеве в г. Барнауле носит особый смысл в связи с тем, что последние дни своей жизни выдающийся сибирский деятель провёл именно в этом городе. Вместе с тем, историческая память барнаульцев о Николае Михайловиче не ограничивается сведениями о его внезапной кончине и захоронении на территории их города. Находясь на Алтае, г. Барнаул стал одним из центров культурной памяти о географической и этнографической деятельности Н. М. Ядринцева. В рамках исследовательской работы Н. М. Ядринцев ставил перед собой две задачи: «Причины обеднения инородцев и вымирания их и вопросы об их дальнейшем сохранении и об условиях, при которых совершаются нормальные переходы к оседлости»³⁷⁶. Поставленные задачи имели не только научное, но и гуманистическое содержание. В связи с этим Н. М. Ядринцев воспринимался жителями Алтая как региональный культурный герой, чьё имя заслуживает увековечения в названии одной из центральных улиц Барнаула. Переулок Н. М. Ядринцева в Барнауле расположен в Центральном и Железнодорожном районах города, от ул. Ползунова до пр. Строителей. Согласно Генерального плана г. Барнаула 1932 г., название 3-й Прудский переулок заменено на переулок Ядринцевский³⁷⁷.

В Омске результате новой застройки в 1970-е гг. улица им. Н. М. Ядринцева была упразднена, а затем, уже в 2007 г., вновь появилась в пос. Амурский³⁷⁸.

³⁷⁶ Фарафонтова Т. Н. М. Ядринцев // Юбилейный сборник Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества. – Омск, 1902. – С. 11.

³⁷⁷ ГААК Ф.Р. 490, Оп.1, Д.1, Л.83-84

³⁷⁸ Решение Омского горсовета № 141 от 28 мая 2008 г.; Улицы в Первокирпичном будут «именными» // Омская правда. – 2008. – 30 мая. – С. 4.

Обращение к сюжетам и героям прошлого Сибири в городском пространстве служит инструментом позитивной идентификации регионального сообщества. Во-вторых, топонимические источники отражают политику памяти как институт социального управления. Мы разделяем точку зрения исследователя политики символов в контексте формирования национальной идентичности О. Ю. Малиновой: «Практика политического использования прошлого властвующей элитой в полной мере отражает дилеммы, с которыми сопряжено конструирование идентичности сообщества, стоящего за современным Российской государством»³⁷⁹.

Портрет исторической личности соединяет сущностные и оценочные характеристики её образа. Трансляция портрета может рассматриваться как создание «мест памяти». До XIX в. портрет исполнялся в основном живописцем и означал принадлежность его референта к привилегированной социальной категории. В связи с развитием фотографии в XIX в. исследователи конца XIX – конца XX вв. получили возможность реконструировать образы власти, социальных групп, отдельных исторических личностей.

В контексте истории сибирской культуры второй половины XIX в. портреты Н.М. Ядринцева не транслировались массовой публике. Наиболее доступным способом передать информацию (в том числе, иллюстративную) была периодическая печать, но в указанный период она была слабо развита в Сибири и редко содержала изображения. Получить информацию о визуальном образе Н. М. Ядринцева стало возможным уже в советское время. Описание портрета встречается в областническом издании, выпущенном к 25-летию со дня смерти Н.М. Ядринцева. Сибирский историк-областник Н.Н. Козьмин писал: «Есть прекрасная фотография Н.М. Ядринцева. У него энергичное лицо и уверенное, но мягкое выражение человека, идущего избранной дорогой. Красивая шевелюра и борода. В петличке роскошная роза. Это была пора успеха «Восточного обозрения» и лучший период жизни Ядринцева, когда он был признанным

³⁷⁹ Малинова О. Ю. Эволюция символической политики и дилеммы российской идентичности: ресурсы исторической политики в постсоветской России [Электронный ресурс]. URL: <http://gefter.ru/archive/15351> (дата обращения: 07. 06. 2015).

руководителем общественного мнения Сибири и развил кипучую, разностороннюю деятельность, выступая с докладами в Петербурге, Париже, Финляндии. Около него группировалась учащаяся молодёжь, среди которой он мог видеть будущих сотрудников и преемников. Это лучший портрет Николая Михайловича»³⁸⁰. Фотография, о которой писал историк, не сохранилась до наших дней, однако её описание точно передаёт визуальный образ Н.М. Ядринцева. В описании портрета Н.М. Ядринцева большую роль играет роза как символ сибирской жизни. «В ея петлице, – писал Н.Н. Козьмин, – была также роза – бело-зелёная. Эту розу она принесла в жертву своей великой матери России»³⁸¹. Отождествляя судьбу Сибири и судьбу лидера сибирского областничества, Н.Н. Козьмин продолжал приводить описание визуального образа Н.М. Ядринцева: «Есть другой портрет. Николай Михайлович снят облокотившимся о книгу; голова опирается на руку. Он сильно постарел, и глаза уже смотрят грустно и устало. На всё ещё изящной фигуре не видно уже роскошной розы»³⁸². Описание портрета Н.М. Ядринцева Н.Н. Козьминым, таким образом, характеризуется как показатель патриотических настроений сибирских интеллектуалов времен Гражданской войны в России: потребность историка «оглянуться назад», осознать причины кризиса областнического движения трансформировалась в описание символов областничества – Н.М. Ядринцева и бело-зелёной розы.

После смены идеологической парадигмы советская власть была нацелена на формирование новой коллективной идентичности. В рамках этого процесса происходило противопоставление новых порядков символам дореволюционного времени. Стратегии, применявшиеся для реализации этого, включали забвение, критику, наглядное уничтожение «мест памяти» старого режима, с которыми могло бы ассоциировать собственную идентичность советское население. Именно этим можно объяснить публичную «казнь портрета» Н. М. Ядринцева в школе Любинского района Омской области. В 1937 г. лидер областничества был

³⁸⁰ Козьмин Н. Н. Вступительная статья // Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов Н.М. Ядринцева. – Красноярск, 1919. – С. XIII.

³⁸¹ Там же. – С. XIV.

³⁸² Там же.

объявлен «врагом народа», а его портрет – публично сожжён председателем сельсовета Спасибухиным³⁸³.

Возобновление трансляции портретов Н.М. Ядринцева произошло после 1956 г. на страницах периодической печати, что предполагало формирование образа лидера сибирского областничества на уровне массового сознания. Актуализация имени Н. М. Ядринцева в период «оттепели» стала возможной по двум причинам. Доминирующей темой советской истории и культуры памяти стал патриотический дискурс, обусловленный внешнеполитические события предшествовавших десятилетий. Развитию патриотического сознания советских граждан способствовал их индивидуальный опыт военных лет. В период Великой Отечественной войны каждый гражданин советского общества осознавал свою причастность к разгрому врага. Патриотизм во фронтовых действиях был очевиден, в то время как работа тыла требовала активной поддержки со стороны государства и выражалась в широкой пропаганде и появлении патриотических лозунгов, таких, как «Всё для фронта, всё для победы». Таким образом, патриотизм трактовался как вклад каждого гражданина в развитие государства. В рамках этой идеи происходила популяризация имени Н. М. Ядринцева, внёсшего значительный вклад в процветание сибирского региона. Важным фактом стал отход от рамок военного патриотизма: до молодого поколения важным было донести историю деятельности выдающейся личности родного края, которая должна была стать основой для формирования социального опыта и выбора профессии. Второй причиной возрождения памяти о Н. М. Ядринцеве стало изменение концепции советского образования в годы «оттепели»: повышение качества образования, переход к полному общему школьному образованию обусловил популярность лидера советского областничества в качестве просветителя. Можно говорить о конвергенции патриотического и просветительского дискурса в 1960-е гг.

Новый виток интереса общественности к увековечению имени Н. М. Ядринцева произошёл во второй половине 1980-х – 1990-е гг. Политика памяти в

³⁸³ Вольская-Лазеева М. Ф. Казнили...портрет! // Земля Сибирская, дальневосточная. – 1993. – № 1-2. – С. 52.

этот хронологический период включает вопросы установления, восстановления, демонтажа памятников, выбора их формы и художественного исполнения, присвоения или восстановления прежних исторических названий улиц, а также создание музеиных коллекций, увековечивающих значимые для населённого пункта события или личностей. Эти вопросы активно обсуждаются различными социальными группами, начиная с конца 1980-х гг. Хронологическая граница нового этапа формирования культурной памяти определяется запуском процессов складывания новой групповой идентичности, завуалированным высказыванием политических позиций, которые в силу идеологического наследия пока не могли транслироваться, «тоской по истории», которая может быть определена как потребность выйти за рамки советского нарратива.

На страницах сибирских газет с конца 1980-х гг. активизировались статьи, посвящённые увековечению «мест памяти». В 1989 г. редакция газеты «Омская правда» опубликовала статью «Память и памятники. Наше наследие», в которой содержался призыв «создать памятники или бюсты тем или иным видным деятелям партии и государства, писателям, актёрам, художникам»³⁸⁴. Среди перечисленных в статье деятелей, оказавших положительное влияние на историю Омска и Омской области, не оказалось уроженца города Н. М. Ядринцева, оставившего значительный след в общественном и интеллектуальном развитии сибирских городов последней четверти XIX в. В связи с этим на страницах той же газеты появилась статья П. Вибе, возглавлявшего краеведческий кружок исторического факультета Омского государственного педагогического института. Автор писал о необходимости сооружения памятника Н. М. Ядринцеву: «Это – дело чести омичей»³⁸⁵. И. Петров, приводя письмо ветерана войны М. Вольской-Лазеевой о роли Н. М. Ядринцева в повышении грамотности села, где она проживала, писал о необходимости восстановления прежних названий улиц и установке мемориальных досок или памятников Ф. М. Достоевскому, И. Д.

³⁸⁴ Память и памятники. Наше наследие // Омская правда. – 1989. – 4 октября. – С. 4.

³⁸⁵ Вибе П. Наше наследие // Омская правда. – 1989. – 6 декабря. – С. 2.

Бухгольцу, М. А. Врубелю, Н. М. Ядринцеву³⁸⁶. Почётный член Географического общества Д. Н. Фиалков писал: «Следы» учёного мы встречаем очень часто. Впервые это имя я узнал в голодном 1921 г. Мы, воспитанники детского дома № 6 в г. Барнауле, часто посещали старое кладбище на крутом обском берегу. У входа на кладбище была приметная могила и памятник в бронзе и чёрном мраморе – Николай Михайлович Ядринцев. Потом, в 1951 г., я уже взрослым человеком посетил эту могилу и сделал несколько фото памятника»³⁸⁷. Описывая «наложение» детских впечатлений и памяти о них, М. Хальбвакс пришёл к выводу, что дистанция во времени усиливает культурно-эмоциональную потребность вновь возвращаться к ранним воспоминаниям. «От каждой поры нашего прошлого, – писал исследователь, – у нас остаются некоторые воспоминания. Мы всё время воспроизводим их и в результате какой-то непрерывной филиации поддерживается чувство нашей идентичности»³⁸⁸.

Для постсоветского этапа характерно массовое восприятие образа Н.М. Ядринцева: появление его портретов в ряде газетных статей, содержащих информацию о «заступнике народном», «просветителе», «патриоте», «краеведе» характеризует, с одной стороны, устойчивость его образа, с другой – даёт представление жителям «визуальной» эпохи о злободневности его наследия для российских провинций. Фотопортреты Н.М. Ядринцева так же, как и до революции, снабжаются подписями, которые часто представляют собой цитаты из трудов выдающегося человека. В статье Н. Дмитриенко, опубликованной в журнале «Сибирская старина» начала 1990-х гг., фотография работы В. Павловского подписана: «Сибирь пережила все периоды, которые свойственны всем первооткрываемым странам. Она была колонией звероловной, колонией горнозаводской, местом поиска золота, наконец – местом ссылки. Постепенное заселение, земледельческий склад, оседлость и гражданские формы жизни создали в ней иные задатки жизни гражданской, воспользоваться которыми для

³⁸⁶ Петров И. О малой Родине и сыновьем долге // Омская правда. – 1988. – 22 мая. – С. 3. В журнале «Земля сибирская, дальневосточная» опубликованы воспоминания М. Ф. Вольской-Лазеевой от первого лица: Вольская-Лазеева М. Ф. Казнили... портрет! // Земля сибирская, дальневосточная. – 1993. – № 1-2. – С. 52-53.

³⁸⁷ Фиалков Д. Н. Из тьмы забвения // Омская правда. – 1992. – 3 ноября. – С. 2.

³⁸⁸ Хальбвакс М. Указ. соч. – С. 125.

создания прочного общества будет зависеть от нас самих»³⁸⁹. Изображение сибирского интеллигента вкупе с тезисом о необходимости развития демократии, самоуправления, сознательности каждого гражданина стало отражением общественных процессов в российской провинции в начале 1990-х гг. Другим аспектом обращения к портретам Н.М. Ядринцева в постсоветской России стала потребность иллюстрации истории регионального патриотизма, борьбы за экономический и культурный потенциал региона. «Говорят, что провинциальные вопросы слишком мелки, – цитировала Н.М. Ядринцева А.Г. Кандеева. – Да, конечно, так, как они понимаются ныне. Но свяжите их с жизнью народной – и они не будут мелки»³⁹⁰. Избранная автором цитата может рассматриваться как призыв к возрастанию гражданской активности населения, так и обращение к власти, сказанное в XIX в. и процитированное в XX в. представителями сибирской интеллигенции. Тенденция сопровождать газетные статьи, посвящённые наследию Н.М. Ядринцева, его портретами, не была утрачена и в первой половине 1990-х гг.³⁹¹.

В рамках сибирского научного сообщества одной востребованных форм коммеморации Н.М. Ядринцева стали посвящённые ему городские и региональные конференции и академические чтения, приуроченные к памятным датам биографии героя нашего исследования. 29–30 октября г., к 150-летию со дня рождения Н. М. Ядринцева, в г. Омске состоялась региональная научная конференция его памяти. В. Г. Рыженко, анализируя содержание образа Н. М. Ядринцева в материалах указанной конференции, обращала внимание на контекст эпохи её проведения. Свидетельством сложного периода культуры и духовности постсоветской России стал характерный внешний вид опубликованных материалов: «тоненькие брошюры в простом бумажном переплёте с текстом, подготовленном на пишущей машинке, размноженные на ризографе, бумага газетная, тираж не указан, как и прочие сведения, которые должны сопровождать

³⁸⁹ Дмитриенко Н. Николай Ядринцев в Томске // Сибирская старина. – 1993. – № 2. – С. 8.

³⁹⁰ Кандеева, А.Г. «Провинция – будущее!» // Новое обозрение. – 1991. – 12 апреля. – С. 7.

³⁹¹ Денисенко, С. Возвращение Николая Ядринцева // День за днём в Омске. – 2001. – № 5. – С. 5; Долгушин, А. Имя в строке истории // Омская правда. – 2001. – 17 января. – С. 7; Ранничен И. История Омской области в лицах // Дело молодое. – 2007. – № 1. – С. 82-85.

печатную продукцию. Наглядный пример научного «самиздата»!³⁹²

Содержательный анализ текстов показывает, что образ Н.М. Ядринцева оказал воздействие на постановку научных проблем, решение вопроса о востребованности наследия сибирских учёных и отбора содержания исследовательских материалов, актуализации региональной истории как фактору сплочения научного сообщества в постсоветский период. Среди докладчиков находим тех, кто в последующие годы активно занимался разработкой сюжетов, связанных с образами и деятельностью самого Н. М. Ядринцева и других видных областников (М. В. Шиловский, А. В. Ремизов), с общественными научно-просветительскими организациями Сибири и их традициями (А. В. Ремнёв, И. А. Скалабан, В. М. Самосудов), с образом русского учёного в историографической традиции (В. П. Корзун) и особенностями концепций крупных российских историков (Т. Е. Грязнова, О. П. Володьков).

Другим центром городских конференций, посвящённых памяти о Н.М. Ядринцеве, стал г. Барнаул. В Центральной городской библиотеке организованы Ядринцевские чтения, инициатором организации которых стал комитет по культуре г. Барнаула. К юбилею писателя Центральной городской библиотекой были выпущены иллюстрированный каталог книжной выставки «Светлый деятель Сибири» и путеводитель по памятным местам Н. М. Ядринцева в Барнауле «Дабы не сгинули имена: Николай Михайлович Ядринцев. Памятные места Барнаула». В исследовательских текстах, представленных на ядринцевских чтениях в Барнауле, представлен обзор источников, связанных с Н. М. Ядринцевым. Биографические и литературные источники, а также воспоминания о лидере областничества, хранящиеся на территории Алтайского края, можно разделить на две группы: архивные документы и библиотечные материалы.

Центр хранения архивного фонда Алтайского края включает документы, авторство которых принадлежит Н. М. Ядринцеву – его автографы и

³⁹² Рыженко В.Г. Оглядываясь в начало 1990-х годов: образ Н.М. Ядринцева в материалах научной конференции в Омске, посвящённой его памяти // Первые Ядринцевские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 170-летию со дня рождения Николая Михайловича Ядринцева (1842-1894), (Омск, 30-31 октября 2012 г.). – Омск: Изд-во Омского государственного историко-краеведческого музея, 2012. – С. 75.

собственноручно написанное им четверостишье; письма Д. А. Поникаровскому за 1880-1885 гг.; прошение о зачислении в штат управления для участия в хозяйственно-статистических исследованиях и рапорт о вступлении в должность. Другая группа источников архивного фонда включает материалы о Н. М. Ядринцеве: делопроизводственную документацию; текст телеграммы в Петербург о его скоропостижной кончине; эпистолярное наследие лично знавших Николая Михайловича людей – И. Я. Словцова и семьи Гуляевых, позволяющее прояснить факты общественной и научной деятельности Н. М. Ядринцева; материалы общественных организаций, в ходе работы которых (тексты, доклады, отчёты) упоминался Н. М. Ядринцев. Анализ последних позволяет утверждать, что память о Н. М. Ядринцеве на Алтае содержит центральную его характеристику как этнографа и географа, внесшего большой вклад в развитие науки края. Представившая обзор архивных документов Л. И. Ермакова обозначила актуальность своего сообщения в необходимости сохранения документальной памяти о Н. М. Ядринцеве как части культурной памяти алтайского научного и учащегося сообщества.

В контексте повествования о писательской, издательской и просветительской работе Н. М. Ядринцева В. П. Кладова представила описание связанных с ним материалов, в настоящее время хранящихся в фонде редкой книги Алтайской научной библиотеки им. В. Я. Шишкова³⁹³. Материалы включают в себя газетные и журнальные публикации о Н. М. Ядринцеве, вышедшие в память о нём после его смерти, биографические очерки Б. Глинского, К. Дубровского, А. В. Адрианова (в составе издания 1912 г. «Город Томск») и М. Лемке, опубликованные письма Н. М. Ядринцева к Г. Н. Потанину, изданные в 1918 г. в Красноярске, а также статьи, стихотворения и фельетоны самого Николая Михайловича, выпущенные к 25-летию со дня его смерти в 1919 г. редакцией журнала «Сибирские записки».

³⁹³ Кладова В.П. Н. М. Ядринцев – гражданин, писатель и учёный, наследие сибирского публициста в фонде редких книг – АКУНБ им. В. Я. Шишкова [Электронный ресурс]. URL: <http://www.akunb.altlib.ru/files/LiteraryMap/LiteraryReadings/Texts/052.html> (дата обращения: 14.03.2015).

В 1990-е гг. среди омской общественности разгорелся спор о принадлежности Н. М. Ядринцева к числу выпускников Омского кадетского корпуса. К 180-летию Омского отдела Сибирского казачьего войска газета «Иртышъ», позиционирующая себя как историко-литературное издание, в безымянной или анонимной статье «Выдающиеся питомцы корпуса» под номером 15 назвала Николая Ядринцева, который, по мнению авторов статьи, окончил учебное заведение в 1859 г. Во 2-3 (сдвоенном) выпуске журнала «Северо-Восток» в том же году тоже была напечатана юбилейная статья «Первый сибирский императора Александра I кадетский корпус. 1813–1925» омского историка Владимира Шулдякова. В статье также указывалось, что питомцем Омского кадетского корпуса был знаменитый Н. М. Ядринцев. Обе статьи вызвали противодействие со стороны историков, результаты которого представлены в статье А. Мещерякова «Не был Ядринцев кадетом»³⁹⁴. В опровержении автор ссылался на официальную биографию Н. М. Ядринцева, который не мог быть выпускником кадетского корпуса, потому что не проживал в Омске в предполагаемый период обучения, и на воспоминания его современников, опубликованные в пятом томе новосибирского «Литературного наследства Сибири». «Я бы приветствовал все исторические изыскания, как модные ныне, – заключал А. Мещеряков, – если бы они зачастую не превращались в анекдот... Господа историки, не нагромождайте лжи!»³⁹⁵. В дореволюционном документе – «Кратком историческом очерке первого сибирского кадетского корпуса», где перечислены выпускники учебного заведения, Н. М. Ядринцев не упоминается³⁹⁶.

Отражение образа Н. М. Ядринцева в городской и сельской топонимике, музейных и библиотечных экспозициях, материальных памятниках отражают намеренноеувековечение его имени в пространстве сибирской жизни, что может рассматриваться в двух аспектах. Установление и восстановление памятников, мемориальных досок, присвоение его имени улицам и библиотекам отражает

³⁹⁴ Мещеряков А. Не был Ядринцев кадетом // Омское время. – 1993. – № 26. – С. 4.

³⁹⁵ Там же.

³⁹⁶ Краткий исторический очерк первого сибирского кадетского корпуса. – М., 1915.

правительственную политику в области культуры. Примечательно, что это направление коммеморации получило развитие в период с 1960-х гг. Это объясняется стремлением власти поддерживать формирование советской сибирской интеллигенции.

Распространение памятников, изображений, наименований улиц, проведение мероприятий, связанных с именем Н. М. Ядринцева, призвано выполнять две актуальных социальные функции: идентификационную и интеграционную. Первая заключается в «узнавании» символа Сибири и её интеллигенции жителями региона, и, как следствие, причислении себя к указанной территориальной и интеллектуальной группе. Особая специфика идентификационной роли символического присутствия исторической фигуры Н.М. Ядринцева в городском пространстве заключается в массовой доступности этого вида источников: они «вписаны» в повседневную жизнь горожан, постоянно присутствуют в ней. Это объясняет возможность широкого, всеохватного использования образа Н.М. Ядринцева для территориальной идентификации сибиряков. Очевидно, что возникновение чувства интеллектуальной общности на основе общих исторических предпосылок и символов сибирской интеллигенции возможно только в той среде, которая заинтересована посещением научных конференций, музеиных и библиотечных выставок. Это характеризует вторую, интеграционную функцию коммеморации Н.М. Ядринцева в городском пространстве: она нацелена не только на причисление себя к большой социальной группе, но и на формирование чувства её сплочённости.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что процесс включения образа Н. М. Ядринцева в советское и раннее постсоветское культурное пространство осуществлялся в условиях окончательного складывания локальных групп и осознания ими собственной идентичности. В этой системе координат происходили коммеморации Н. М. Ядринцева, делались акценты на тех социальных ролях, которые способствовали идентификации и интеграции региональных сообществ.

К числу основополагающих факторов, определивших сложности, связанные с ограниченностью контекстов актуализации образа Н. М. Ядринцева в советском культурном пространстве, следует отнести цензуру, которая диктовала возможность обращения только к тем сюжетам, которые находились в границах советской идеологии, а также запрет на регионализм, который был особенно выражен в довоенное время.

В период 1917 – 1994 гг. основной социальной группой, принимавшей участие в коммеморациях Н. М. Ядринцева, была интеллигенция. Наиболее детально её позиции выражены в публицистических и научных статьях, монографиях, выступлениях на конференциях. Рост численности образованного населения и, как следствие, интеллигенции, наметившийся в послевоенный период, стал своеобразным импульсом, обусловившим включение фигуры Н. М. Ядринцева в социокультурный дискурс об исследовательской, творческой и просветительской деятельности сибирского интеллигента.

В рамках обозначенного периода динамика коммемораций Н. М. Ядринцева в нарративном дискурсе проявилась в переменах векторов: от замалчивания и критики областнических идей, указаний на идеологические «ошибки» лидера движения, к противопоставлению советской системы ценностей и сибирской культуры. Данный постулат свидетельствовал о том, что сибирская интеллигенция устанавливала идентификационные границы собственного сообщества, опираясь на исторический опыт предшественников.

Точной соприкосновения дореволюционного и раннего постсоветского дискурсов стало признание за Сибирью особого статуса в рамках России, что в значительной степени стимулировало формирование регионального сообщества, выработку им собственных границ и идентификационных признаков.

Интенсивность общественного дискурса о Н. М. Ядринцеве стимулировала реакцию центральных и местных властей, что определило участие государства в коммеморациях Н. М. Ядринцева. В рамках государственной политики происходило сохранение дореволюционных, а также создание новых «мест памяти» героя нашего исследования, репрезентируемых в официальном

делопроизводстве 1917 – 1994 гг. Дискурс власти в этот период продемонстрировал её представления о значимости фигуры Н. М. Ядринцева в региональной истории, позволил выделить его социальные роли, которые вписывались в пространство сибирских городов. Государственные коммеморации Н. М. Ядринцева в советский период происходили в условиях цензурных ограничений. Дополнительной сложностью была противоречивость действий местных администраций по отношению к «местам памяти» Н. М. Ядринцева, которая выражалась в их уничтожении и проведении политики забвения в довоенный период. В результате во второй половине XX века сформировалась компромиссная модель коммемораций Н. М. Ядринцева, которая отвечала потребностям местных локальных сообществ и соответствовала советской системе ценностей в рамках государственной идеологии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Со второй половины XIX в. Н. М. Ядринцев занимает прочное место в русской культурной памяти. Его образ, отражённый в широком круге источников, за более чем сто лет приобрёл устойчивые характеристики. Согласно основному тезису нашего исследования, эти характеристики можно интерпретировать как выражение концептов коллективной идентичности в рамках складывающихся больших территориальных и интеллектуальных социальных групп в каждой исторической эпохе.

Зарождение культурной памяти о Н. М. Ядринцеве на массовом уровне происходило посредством периодической печати. Мотивами написания текстов на страницах газет и журналов стали как памятные даты биографии лидера областничества, так и общественно-политические события, заставлявшие авторов обращаться к его наследию. В связи с динамикой общественно-политической ситуации в России происходила эволюция образа Н. М. Ядринцева в периодической печати.

Наибольшее количество характеристик и интерпретаций взглядов лидера сибирского областничества на страницах газет и журналов содержится в периоды, которые характеризуются социально-политическими потрясениями. Причина обращения к имени Н. М. Ядринцева заключается в стремлении найти в его творчестве и биографии объяснение происходящим событиям, поиске исторической личности, выступавшей символом борьбы Сибири за равноправие, возможности коммуникации грамотного населения на страницах периодической печати. Большое количество упоминаний о Н. М. Ядринцеве содержится в дореволюционных газетах и журналах. Для характеристики образа Н. М. Ядринцева использовались слова-маркеры: «патриотизм», «культурный и (или) политический сепаратизм», «гражданский долг», «нравственные идеалы». Герой нашего исследования характеризовался как «сибиряк», «областник», «просветитель», «борец за права Сибири». Областнические взгляды и эпизоды биографии Н. М. Ядринцева по-разному интерпретировались дореволюционными авторами в зависимости от мотивов написания статей, их собственной гражданской позиции, и всё больше радикализовались по мере нарастания революционного кризиса в стране.

В советский период память о Н. М. Ядринцеве на страницах периодической печати претерпела значительные изменения в связи с жёсткой цензурой, установлением обязательной идеологии в государстве, которая подразумевала становление новой системы ценностей. Это требовало забвения имени Н. М. Ядринцева как символа дореволюционного времени. Тем не менее, имя лидера областничества не исчезло полностью со страниц газет и журналов. Советские

авторы обращались к тем вопросам в биографии и творчестве Н. М. Ядринцева, которые были актуальны для системы советских ценностей. Это позволяет говорить о формировании устойчивых характеристик образа героя нашего исследования, таких, как «просветитель», «исследователь Сибири», «литератор», «публицист». Вместе с тем, в рамках советского идеологического контроля возникла необходимость пересмотра взглядов Н. М. Ядринцева. В этот момент сформировалось два направления оценки его областнического наследия. В ранний советский период преобладало негативное отношение к областничеству как течению, пропагандирующему культурную и экономическую автономию Сибири. Н. М. Ядринцев критиковался на страницах журналов за его лояльное отношение к сибирской буржуазии, купцам и промышленникам. Довоенная периодическая печать применяла к областническому наследию Н. М. Ядринцева такие слова-маркеры, как «неверная позиция», «базис», «трудящиеся».

Периоду «оттепели» присущее положительное прочтение образа Н. М. Ядринцева на страницах периодической печати. На 1960 – 1980-е гг. пришёлся пик формирования сибирской интеллигенции, что было связано с развитием сети образовательных, научных и исследовательских учреждений. В новой социальной группе происходили процессы самоидентификации, определения её границ, формирования культурного самосознания. В связи с этим сибирской интеллигенции был необходим исторический предшественник, идеи и результаты деятельности которого она могла бы соотнести с собственными научными и культурными потребностями и представлениями. По этой причине Н. М. Ядринцев получил характеристику «трудящегося интеллигента», которая вписывалась в рамки советской идеологии и отвечала потребностям адресанта образа. Анализируя характеристики Н. М. Ядринцева в советской культурной памяти 1960 – 1970-х гг., мы пришли к выводу о вписании устойчивых черт его образа в советскую идеологическую систему. Традиционный образ Н. М. Ядринцева как просветителя, к которому добавился эпитет «передовой», обусловливался особой ценностью образования в период строительства индустриального общества в Советском государстве. Произошёл возврат ранее

исчезнувшей со страниц периодической печати характеристики лидера областничества как «патриота», чему способствовало прочтение патриотизма Н. М. Ядринцева как пропаганды просвещения сибирского населения. С периода «оттепели» на страницах газет и журналов появилась также ранее преданная забвению роль Н. М. Ядринцева как покровителя инородцев. Эта характеристика была особенно актуальной в контексте пропагандируемой в Советском Союзе дружбы народов, интернационализма. Сибирские аборигены получили эпитет «трудящихся», была популяризована деятельность героя нашего исследования по обустройству быта, медицинской помощи, пропаганде просвещения среди инородцев. С 1970-х гг. пересмотру подверглись областнические взгляды Н. М. Ядринцева. В статьях периодической печати его областнические идеи представлены как демократические: интересы Сибири отождествлялись с интересами трудящихся. Эта оценка обусловливалась тем, что, в представлении советской интеллигенции, противопоставляя Сибирский регион европейской России, Н. М. Ядринцев выступал как критик царского режима. В этом же русле интерпретировалось заселение Сибири во взглядах Н. М. Ядринцева: оно носило исключительно народный характер, а главная роль в колонизации принадлежала земледельцам, а не правительству.

Газетные и журнальные статьи постсоветского периода отражают складывание региональной и территориальной идентичности в Сибири, в связи с чем наступил новый этап ренессанса памяти о Н. М. Ядринцеве. Он вновь был представлен как «патриот» и «областник» в периодической печати. В отличие от советского времени, в понятие патриотизма вкладывалось осознание и активная пропаганда сырьевого характера политики центральной власти по отношению к Сибири, необходимость борьбы за экономическое развитие региона. Поколение журналистов, писателей, публицистов 1990-х гг. осознало, что за сто лет с момента смерти Н. М. Ядринцева не изменились проблемы, о которых писал он сам, будучи основателем газеты «Восточное обозрение».

Актуальным на страницах постсоветской периодической печати стал топографический дискурс о Н. М. Ядринцеве. На его возникновение повлияли

процессы ностальгии по истории, популяризации дореволюционных персонажей, обусловленные самоидентификацией сибиряков, выстраиванием «границ» (по терминологии М. Хальбвакса) сибирского сообщества. Реконструкция местной истории дала возможность разным общественным группам почувствовать причастность к её сюжетам. Одновременно этот дискурс отражал потребность в возрождении содержательной памяти о Н. М. Ядринцеве.

В научном дискурсе образ Н. М. Ядринцева конструировался исследовательскими текстами представителей исторической, литературоведческой, этнографической науки. Наиболее ранние источники, характеризующие образ Н. М. Ядринцева, появились в конце XIX в. и относятся к историческим исследованиям. Время их появления совпало с расцветом общественной мысли в России, в том числе, в среде интеллигенции, а также с зарождением национального сибирского самосознания. Стремление осмыслить роль Н. М. Ядринцева в этих процессах привело к дискуссионному характеру его образа в исторической науке. В конце XIX в. сообщество, участвующее в создании памяти о нём, было невелико: воспоминания базировались на личном знакомстве героя нашего исследования с адресантом, и для немногочисленной сибирской интеллигенции Н. М. Ядринцев играл роль фигуры, формирующей коллективную идентичность. В дальнейшем отмечается эволюция образа Н. М. Ядринцева в исторических исследованиях. В революционный период память о Н. М. Ядринцеве распространилась за пределы воспоминаний современников. В это время образ героя нашего исследования начал получать актуальные политические акценты: объективно закладывались предпосылки формирования локального патриотизма, в связи с чем в академической среде происходило «присвоение» образа Н. М. Ядринцева в рамках исторического периода 1917–1921 гг.

Как следствие запросов времени, новые интерпретации получали категории патриотизма, гражданского долга, областничества. Революционная ситуация второго десятилетия XX в. способствовала трансформации образа Н. М. Ядринцева из фигуры воспоминаний в образ-символ, означающий потребность сибирской интеллигенции в интеграции и самоидентификации в рамках

социальной и территориальной группы. Именно в этот период возникли такие характеристики образа Н. М. Ядринцева, как «будильник общественной жизни», «лидер-интеллигент», «борец за права инородцев», «движитель сибирского самосознания».

Реконструируя процесс коммемораций Н. М. Ядринцева в академическом сообществе в ранний советский период, мы пришли к выводу о двух противоположных аспектах оценки его взглядов. Советский научный дискурс, придерживавшийся положительной трактовки образа Н.М. Ядринцева, содержит акценты на его просветительской, издательской, общественной, литературной и этнографической деятельности, часто умалчивая об областнических взглядах Николая Михайловича. Наряду с одобрительным прочтением образа Н. М. Ядринцева, существовала критическая трактовка его взглядов и деятельности, отразившаяся как в исторических трудах, так и в официальной политике памяти. Здесь на первый план в образе Н. М. Ядринцева вышел аспект областника, подвергшийся критике за лояльное отношение к сибирской буржуазии, отсутствие решительных действий по борьбе с царизмом, сепаратистские идеи. В 1930-е – 1940-е гг. имя Н. М. Ядринцева было предано забвению как символ дореволюционной России. Этот процесс сопровождался такими действиями властей, как разрушение могилы, уничтожение портрета, вытеснение другими, более подходящими для советской идеологии историческими фигурами.

Ренессанс памяти о Н. М. Ядринцеве в академической среде в советский период пришёлся на вторую половину 1950-х гг. и совпал с «оттепелью» в советской культуре. Со второй половины 1950-х гг. стали появляться литературоведческие исследования, содержащие образ Н. М. Ядринцева. Основной вопрос, обсуждавшийся литературоведами в этот период, заключался в возможности признания существования собственной, сибирской, литературы.

Причиной возрождения интереса к имени Н. М. Ядринцева в академических исследованиях стал новый этап формирования сибирской интеллигенции в Сибири. Во второй половине XX в. стали массово появляться местные университеты, был построен Академгородок в Новосибирске, возникали научно-

исследовательские институты, сибирские отделения Академии наук. Всё это создало предпосылки для активного формирования местной интеллигенции. В процессе сплочения социальной группы важную роль играет её представление о собственных «корнях», то есть предпосылках формирования. Образ Н. М. Ядринцева как сибирского интеллигента для местных исследователей стал символом групповой идентификации во второй половине XX в.

Смягчение цензуры в период «оттепели» предопределило большее количество контекстов для употребления имени Н. М. Ядринцева. Хотя в исследовательских текстах второй половины XX в. сохранилась критика областнических взглядов Н. М. Ядринцева, его отношения к буржуазии, вместе с тем закрепилась устойчивая положительная характеристика его как исследователя, интеллигента, просветителя, гуманиста, патриота. Акцент делался на его работах, посвящённых специфики истории, литературы, географии, этнографии Сибири. Таким образом, сибирская наука второй половины XX в. отразила конструирование собственной «мы-группы», в которой герой нашего исследования выступил символом идентификации и интегративным ресурсом.

Коммеморативные практики, посвящённые Н. М. Ядринцеву, начали формироваться в дореволюционный период и включали попытку увековечить «места памяти» Н. М. Ядринцева: наименование улиц, сохранение могилы и ежегодные встречи областников около неё, создание «ядринцевских» витрин в сибирских музеях. В этот период коммеморации лидера областничества исходили в двух направлениях. Первое – от государственных институтов, иллюстрируя политику власти в области культуры, а также её стремление сформировать собственно сибирскую интеллигенцию. Второе – от отдельных представителей сибирской интеллигенции: от современников Н. М. Ядринцева, разделявших его взгляды. Таким образом, начиная с дореволюционного периода складывались коммеморативные практики, реализующие интегративную и идентификационную функции.

Со второй половины 1920-х гг. ведущую роль в коммеморативных практиках стало играть государство, которое противопоставляло

дореволюционное прошлое советским идеалам. Расцвет политики, направленной на забвение прошлого посредством его символического и материального уничтожения, пришёлся на 1930-е гг. В это десятилетие происходило истребление «мест памяти» Н. М. Ядринцева: была разрушена могила, сожжены портреты, реорганизована деревня Ядринцево в ходе укрупнения колхозных хозяйств. В 1940-е гг. память о дореволюционных символах была вытеснена событиями Великой Отечественной войны и ихувековечиванием. Происходило целостное сплочение советского народа перед лицом общего врага, и локальные «мы-группы» отошли на второй план.

Возвращение к коммеморативным практикам, посвящённым Н. М. Ядринцеву, произошло во второй половине XX в. и иллюстрировало складывание региональной и территориальной идентичности в Сибири. Этой причиной обусловлено возвращение к дореволюционному патриотическому и областническому дискурсу в массовом сознании. К наименованиям объектов, музеемным и библиотечным коллекциям, включении «мест памяти» в экскурсионные маршруты, во второй половине XX в. стремительное развитие получил визуальный образ Н. М. Ядринцева. Как и другие виды источников, изображения лидера сибирского областничества содержат его характеристики, актуальные для сибирской современности – патриот, борец за равноправие Сибири, активный гражданин, просветитель, – и иллюстрируют складывание сибирской идентичности. В постсоветский период к традиционным коммеморативным практикам – присвоению улицам имени Н. М. Ядринцева, демонстрации библиотечных экспозиций, наименованию объектов культурного наследия, – возникли новые способы выражения коллективной памяти о Н. М. Ядринцеве: его имя было присвоено сибирским научным конференциям, появились мемориальные доски, «место памяти» лидера сибирского областничества закрепилось в интернет-сообществе. Многообразие коммеморативных практик свидетельствует о разных уровнях формирования памяти о Н. М. Ядринцеве – исследовательском и массовом.

Намеренноеувековечениемоглоисходитькакотсообщества—адресанта образа, так и от государственных институтов. В связи с последним стало актуальным исследование политики памяти по отношению к Н. М. Ядринцеву. Мы пришли к выводу о том, что его образ, закреплённый в городском и сельском пространстве, содержал его характеристики сибиряка, патриота, гражданина, исследователя, первооткрывателя.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Неопубликованные источники.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ): Ф. 163.

Глинский Б. Б. (1860 – 1917) – редактор-издатель журнала «Исторический вестник». Оп. 1. Д. 215. Л. 1; Ф. 191. Ефремов Пётр Александрович (1830 – 1907)

– библиограф, библиофил. Оп. 1. Д. 1740. Л. 1 – 91 (статьи и заметки о Н. М. Ядринцеве); Ф. 408. Попов И. И. (1862 – 1942) - публицист, редактор. Оп. 1. Д. 11. Л. 1-5 (Письма правителя дел Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества и Сазонова Якова Попову И. И. об организации чествования памяти Ядринцева Николая Михайловича в день 10-летия со дня его смерти); Ф. 580. Ядринцев Николай Михайлович (псевдоним – Семилужинский; 1842 – 1894) – писатель, публицист, путешественник-археолог, редактор журнала «Восточное обозрение». Оп. 1. Д. 9. Л. 1-8 (автобиография Н. М. Ядринцева); Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 1-3 (письма Н. М. Ядринцева Г. Н. Потанину); Оп. 1. Д. 22. Л. 1 (Список произведений Ядринцева Н. М., опубликованный в газетах и журналах); Оп. 1. Д. 24. Л. 1-3 (Опись материалов из архива Ядринцева Н. М.); Оп. 1. Д. 28. Л. 1-8 (Наумов. «Н. М. Ядринцев в Томской гимназии». Очерк); Оп. 1. Д. 29. Л. 1-34 (Попов И. И. «Николай Михайлович Ядринцев». Статья); Ф. 2226. Булгаков Валентин Фёдорович. Оп. 1. Д. 1537. Л. 1-2 (фотографии могилы Н. М. Ядринцева).

Исторический архив Омской области (ИАОО): Ф. Р-2702. Увало-Ядринский сельский совет Любинского района. Оп. 2. 1. Д. 1. Л. 1 (Протоколы заседаний исполкома Сельского совета и решения к ним); Ф. 3. Главное управление Западной Сибири в Омске. Оп. 9. Д. 13681. Л. 6-6, 55 (Об определении на службу в Западную Сибирь бывшего купеческого сына Николая Ядринцева); Ф. 3. Главное управление Западной Сибири в Омске. Оп. 15. Д. 18756. Л. 26 (Бумаги Шашкова); Ф. 3 Главное управление Западной Сибири в Омске. Оп. 15. Д. 18759. Л. 43 (Бумаги Ядринцева); Ф. 366. Катанаев Григорий Ефремович. Оп. 1. Д. 357. Л. 7 (Воспоминания за мои 65 лет сознательной жизни и наблюдений в Западной Сибири (с 1855 по 1921 год). Очерк 11: к истории просвещения в Сибири, Западно-Сибирский отдел РГО в Омске с 1877- 1921 г.); Ф. 86. Западно-Сибирский отдел императорского русского географического общества. Оп. 1. Д. 17. Л. 1-4 (Материалы об исследовании сельских общин Западной Сибири).

Архив Томского областного краеведческого музея (ТОКМ): Ф. 4. История досоветского периода (1720 – 2014). Оп. 86. Л. 2-7 (биографии и портреты Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева, Н. И. Наумова).

Государственный архив Иркутской области (ГАИО): Ф. 295. Ядринцев Н. М. Оп. 1. Д. 141. Л. 1; Ф. 295. Оп. 1. Д. 22. Л. 1-41; Ф. 295. Оп. 1. Д. 8. Л. 1-29;

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ): Ф. 102. Департамент полиции министерства внутренних дел. Оп. 90. Д. 638. Л. 1-22 (О купеческом сыне Николае Михайловиче Ядринцеве); Ф. 109. Третье Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Оп. 44. Д. 193. Л. 1,32 (О государственном преступнике Николае Ядринцеве); Ф. 109. Третье Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Оп. 230. Д. 10404. Л. 2 (Ядринцев Николай Михайлович); Ф. А385. Оп. 33. Д. 127. Л. 1 (Коллектив Центральной городской библиотеки им. Н. М. Ядринцева централизованной библиотечной системы г. Барнаула Алтайского края); Ф. 801. Семевский Василий Иванович. Историк, литератор, доцент Петербургского университета (1882 – 1886), член редакции журнала «Голос минувшего», сотрудник журналов «Отечественные записки», «Отечественные записки», «Русское богатство», «Вестник Европы», член партии народных социалистов. Оп. 1. Д. 816. Л. 1 (Некролог В. И. Семевского «Несколько слов памяти Николая Михайловича Ядринцева»); Ф. Р5871. Якушев Иван Алексеевич, член партии социалистов-революционеров, председатель Сибирской областной думы (1918 г.), председатель Общества сибиряков в Чехословакской республике, редактор сборников «Вольная Сибирь» и журнала «Сибирский архив» в Праге. Оп. 1. Д. 170. Л. 28-30 (Борис Курбский. «Н. М. Ядринцев в письмах» (у истоков сибирской публицистики)); Ф. Р5869. Редакция сборников «Вольная Сибирь». Прага. Оп. 1. Д. 40. Л. 9 (Н. Ядринцев. Воспоминания); Ф. 533. Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Оп. 6. Д. 4895. Л. 1 (Фотография Н. М. Ядринцева); Ф. 636. Лутохин Долмат Александрович, инженер-экономист, литератор, преподаватель Петроградского университета, член партии

социалистов-революционеров. Оп. 1. Д. 27. Л. 1-5 (Рукопись очерка С. Швецова о Николае Михайловиче Ядринцеве).

Опубликованные источники

1. Абуев К. К., Халиткызы Г., Еслямова А.З. Члены Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества о Северном Казахстане/К. К. Абуев, Г. Халиткызы, А. З. Еслямова // Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII – XX вв.): II Международная научная конференция: Тезисы докладов и сообщений / под ред. А. П. Толочко. – Омск: ОмГУ, 2001. – 268 с.
2. Адрианов А. В. Сибирская интеллигенция/А. В. Адрианов // Труды музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета им. В. М. Флоринского. – Томск: ТГУ, 2002. – С. 347 – 352.
3. Анучин, В. И. Сибирское областничество/ В. И. Анучин // Сибирский студент. – 1915. – № 1-2. – С. 66 – 83.
4. Арканов, С. К биографии Н. М. Ядринцева/ К. С. Арканов // Восточное обозрение. — 1904. – № 222. – С. 4.
5. Асоян Ю. А. Идея культуры в сибирском областничестве Н. М. Ядринцева / Ю. А. Асоян // Первые Ядринцевские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 170-летию со дня рождения Николая Михайловича Ядринцева (1842 – 1894) (Омск, 30-31 октября 2012 г.) / под ред. П. П. Вибе, Е. М. Бежан. – Омск: ОГИК музей, 2012. – С. 15-17.
6. Атамановская Н. А. О фельетонах Н. М. Ядринцева /Н. А. Атамановская // Уч. записки Барнаульского пед. института. – 1966. – Т. 6. – Вып. 1. – С. 45 – 62
7. Б. Р. Праздник краеведов Западной Сибири/ Б. Р. // Рабочий путь. – 1928. – 10 января. – С. 4.
8. Бальжиев, В. Н. М. Ядринцев – просветитель/ В. Н. Бальжиев // Байкал. – 1985. – № 4. – С. 136-137.

9. Берг Л. С. Всесоюзное географическое общество за сто лет: 1845 – 1945/Л. С. Берг. – М. – Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1946. – 261 с.
10. Бережнова М. Л. Н. М. Ядринцев о русском этносе и русской нации в Сибири («Сибирь как колония»: размышления читателя)/ М. Л. Бережнова // Культурологические исследования в Сибири. – Омск: ОмГПУ, 2003. – № 3. – С. 195 – 199.
- 11.Берязев, В. А. «Дело моё – душа...» [Электронный ресурс]/ В. А. Берязев // Сибирские огни. – 2009. – № 4. – Режим доступа: <http://xn--90aefkbacm4aisie.xn--p1ai/content/delo-moe-dusha>
- 12.Берязев В. А. По следам Аввакума и князя Гагарина [Электронный ресурс]/В. А. Берязев // Сибирские огни. – 2007. – № 1. – Режим доступа: <http://xn--90aefkbacm4aisie.xn--p1ai/content/po-sledam-avvakuma-i-knyazya-gagarina>
- 13.Боголепов, М. Финансовые отношения Сибири и Европейской России /М. Боголепов // Сибирские вопросы. – 1906. – № 2. – С. 3.
- 14.Брычков, П. Наши омские улицы: К 290-летию Омска / П. Брычков // Бизнес-курс. – 2006. – № 32. – С. 77-85.
- 15.Брож, К. О. Портрет Н. М. Ядринцева (с фотографии В. Павловского) / К. О. Брож // Всемирная иллюстрация. – Т. 51. – № 1325. – С. 416.
- 16.Буктугугова Р. С. Очерки истории общественного движения в Степном крае в конце XIX – начале XX вв./ Р. С. Буктугугова. – Кокшетау [б.и.], 2006. – 296 С.
- 17.Бурик Н. М. Образ Н. М. Ядринцева в газетной прессе Алтая 1910-х гг./ Н. М. Бурик // Культура и интеллигенция России: Личности. Творчество. Интеллектуальные диалоги в эпохи политической модернизации: материалы VIII Всероссийской научной конференции с международным участием в рамках подготовки к 300-летию Омска и празднованию юбилейных событий российской истории (Омск, 16–18 октября 2012 г.) / ответственный редактор В. Г. Рыженко, О. В. Петренко. – Омск: ОМГУ, 2012. – 488 с. – С. 431.
- 18.Ватин, В. А. Юбилей Потанина и молодая Сибирь/ В. А. Ватин // Сибирский архив. – 1915. – № 12. – С. 7–9.

19. Вегман, В.Д. Областнические иллюзии, рассеянные революцией /В. Д. Вегман // Сибирские огни. – 1923. – № 3. – С. 89–116.
20. Вержбицкий, Н. «Вы работаете в нашей газете»/ Н. Вержбицкий // Советская печать. – 1958. – № 4. – С.8.
21. Ветошкин, М. К.Сибирское областничество / М. К. Ветошкин // Современный мир. – 1913. – № 3. – С. 119–139.
22. Ветошкин М. К. Очерки по истории большевистских организаций и революционного движения в Сибири (1898 – 1907 гг.)/ М. К. Ветошкин. – М.: Госполитиздат, 1953. – 308 с.
23. Вибе, П. Наше наследие / П. Вибе // Омская правда. – 1989. – 6 декабря. – С. 2
24. Вологодский, П. В. Из истории освободительного движения в Сибири/ П. В. Вологодский // Сибирские вопросы. – 1906. – № 2. – С. 244.
25. Воложанина Е. Е., Кравец Н. М., Порхунов Г. А. История Сибири: учебное пособие для студентов/ Е. Е. Воложанина, Н. М. Кравец, Г. А. Порхунов. – Омск: ОмГПУ, 2008. – 254 с.
26. Вольская–Лазеева, М. Ф. Казнили... портрет!/ М. Ф. Вольская-Лазеева // Земля сибирская, дальневосточная. – 1993. – № 1–2. – С. 52–53.
27. Выставка книг редкого фонда к 170-летию патриота Сибири Н. М. Ядринцева в Иркутской областной библиотеке им. И. И. Молчанова – Сибирского [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pribaikal.ru/obl-events/article/13670.html?cHash=763cb661f8f57f1b0cf77a5246008ad9&print=1>
28. Гацунаев Н. К. Географы и путешественники/ Н. К. Гацунаев. – М.: РИПОЛ классик, 2001. – 573 с.
29. Глинский Б. Б. Н. М. Ядринцев: биографический очерк / Б. Б. Глинский. – М., 1895. – 63 с.
30. Голованов, В. М. Николай Михайлович Ядринцев – сибирский этнограф и педагог (1842–1894) / В. М. Голованов // Российский исторический журнал. – 2001. – № 1. – С. 53.
31. Головачёв, Д. Ядринцев и переселенцы 1891 г. /Д. Головачёв // Сибирский вестник. – 1904. – № 121. – С. 3–4.

32. Головачёв, А. Воспоминания о друге молодёжи/ А. Головачёв // Восточное обозрение. – 1896. – № 56–58.
33. Головачев, А. Ядринцевские четверги / А. Головачёв // Сибирская жизнь. – 1902. – № 234. – С. 2-3.
34. Гольдфарб С. И. Н. М. Ядринцев / С. И. Гольдфарб// Весь Иркутск. – Иркутск. – 1992. – С.166–169.
35. Гольдфарб С. И. Н. М. Ядринцев / С. И. Гольдфарб // Иркутск: Из прошлого в будущее. – Иркутск, 1989. – С. 182–187.
36. Гольдфарб С. И. «Восточное обозрение». 125 лет со дня выхода первого номера/ С. И. Гольдфарб // Приангарье: годы, события, люди. – Иркутск, 2006. – С. 103–108.
37. Горшенин А. В. Беседы о сибирской литературе: книга для школьников / А. В. Горшенин. – Новосибирск: Горница, 1997. – 272 с.
38. Горшенин, А. В. Подвижник сибирской литературы [Электронный ресурс] / А. В. Горшенин // Сибирские огни. – 2004. – № 12. Режим доступа: <http://xn--90aefkbacm4aisie.xn--p1ai/content/podvizhnik-sibirskoy-literatury>
39. Горюшкин Л. М. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX вв.) / Л. М. Горюшкин. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1984. – 317 с.
40. Горюшкин Л. М. Место Сибири в России в период капитализма / Л. М. Горюшкин // Исторический опыт освоения Сибири. Бахрушинские чтения. – Новосибирск, 1986. – С. 37–50.
41. Горюшкин Л. М. Областники о хозяйственной самостоятельности Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. /Л. М. Горюшкин // Известия СО РАН. Серия «История, филология и философия». – 1999. – Вып. 1. – С. 37–44.
42. Грушко Е. А. Энциклопедия знаменитых россиян / Е. А. Грушко. – М.: Прессверк, 2001. – С. 655.
43. Гудошников, М. А. Классовая природа областничества / М. А. Гудошников // Будущая Сибирь. – 1931. – № 1. – С. 30–35.

44. Гузаров В. Н. История Сибири: учебное пособие / В. Н. Гузаров. – Томск: Том.политехн. ун-т, 2012. – 107 с.
45. Гузаров В. Н. История Сибири: учебное пособие / В. Н. Гузаров. – Томск: Том. политехн. ун-т, 2012. – 108 с.
46. Гурьев Н. Николай Михайлович Ядринцев: некролог / Н. Гурьев. – Томск: Паровая типо-литография П. И. Макушина, 1895. – 22 с.
47. Д. П. Воспоминания о Николае Михайловиче Ядринцеве / Д. П. // Сибирский сборник. – 1896. – Вып. 1. – С. 189–214.
48. Денисенко, С. Возвращение Николая Ядринцева / С. Денисенко // День за днём в Омске. – 2001. – № 5. – С. 5.
49. Дмитриенко, Н. Ядринцев в Томске (к 150-летию со дня рождения) / Н. Дмитриенко // Сибирская старина. – 1993. – № 2. – С. 8.
50. Долгушин, А. Имя в строке истории / А. Долгушин // Омская правда. – 2001. – 17 января. – С. 7.
51. Дрожбин, П. Корифей сибирской общественности / П. Дрожбин // Сибирский рассвет. – 1919. – № 9. – С. 79–93.
52. Дубровский, К. Н. М. Ядринцев в его стихотворениях / К. Н. Дубровский // Сибирская жизнь. — Томск, 1912. — № 251. — 11 ноября. — С. 3.
53. Духин, Я. К. Русское окружение Чокана Валиханова / Я. К. Духин // Вопросы истории. – 2002. – № 1. – С. 138–143.
54. Евгеньев-Максимов В. Е. Некрасов в кругу современников / В. Е. Евгеньев-Максимов. – Ленинград: ГИХЛ, 1938. – 270 с.
55. Жеребцов Б. Сибирский поэт и публицист Н. М. Ядринцев (1842-1894) / Б. Жеребцов // Сибирский литературный календарь. — Иркутск: Обл. изд., 1940. — С. 85–89.
56. Жидиловский, С. Николай Михайлович Ядринцев. Краткая биография-характеристика / С. Жидиловский // Сибирский рассвет. – 1919. – № 9. – С. 67–78.
57. Жук А. В. Из ранних археологических впечатлений Н.М. Ядринцева / А. В. Жук // Россия и Восток: археология и этническая история: Материалы IV

- международной научной конференции «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». – Омск: ОмГУ, 1997. – С. 109 – 112.
58. Захарова И. В., Томилов Н. А. Этнографическая наука в Омске: истоки, история и современное состояние / И. В. Захарова, Н. А. Томилов // Народы Сибири и сопредельных территорий. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1995. – 320 с.
59. Захарова И. В., Томилов Н. А. Этнографические научные центры Западной Сибири середины XIX – начала XXI вв. Омский этнографический центр / И. В. Захарова, Н. А. Томилов. – Омск: Наука, 2007. – 399 с.
60. Зверев А. В., Зуев А. С., Кузнецова Ф. С. История Сибири. Часть II. Сибирь в составе Российской империи: учебное пособие для 8 класса общеобразовательных учреждений / А. В. Зверев, А. С. Зуев, Ф. С. Кузнецова. – Новосибирск, 2006. – 352 с.
61. Зеленский, В. И. Сибирь как колония [Электронный ресурс] / В. И. Зеленский // Сибирские огни. – 2001. – № 1. – Режим доступа: <http://xn--90aefkbacm4aisie.xn--p1ai/content/sibir-kak-kaloniya>
62. Зеленский, В. И. Великий радетель Сибири [Электронный ресурс] / В. И. Зеленский // Сибирские огни. – 2008. – № 2. – Режим доступа: <http://xn--90aefkbacm4aisie.xn--p1ai/content/velikiy-radetel-sibiri-0>
63. Из программы будущего съезда областников-федералистов Ново-Николаевска // Сибирские записки. – 1917. – № 3. – С. 152.
64. Ильина, Л. Славные сыны Сибири / Л. Ильина // Третья столица. – 2004. – 16 декабря. – С. 8.
65. История Сибири с древнейших времён до наших дней / под ред. А. П. Окладникова. – Л.: Наука, 1968. – В 5 Т. – Т. 3.
66. Казаркин, А. П. Проза Сибири в ХХ в. [Электронный ресурс] / А. П. Казаркин // Сибирские огни. – 2008. – № 7. – Режим доступа: <http://xn--90aefkbacm4aisie.xn--p1ai/content/proza-sibiri-v-xx-veke>
67. Камбалов, Н. Путешественник, краевед, публицист / Н. Камбалов // Алтайская правда. – 1964. – 1 ноября. – С. 3.

68. Кандеева А. Г. Общественная и литературная деятельность Н. М. Ядринцева пер. пол. 60-х гг. XIX в. / А. Г. Кандеева // Вопросы русской и советской литературы Сибири. – Новосибирск: Наука, 1971. – С. 130–145.
69. Кандеева, А. Г. «Провинция – будущее!» / А. Г. Кандеева // Новое обозрение. – 1991. – 12 апреля. – С. 7.
70. Кандеева А. Г. О двух гранях наследия Ядринцева (этнограф и писатель) / А. Г. Кандеева // Мир историка: идеалы, традиции, творчество. – Омск: Курьер, 1999. – 320 с.
71. Кандеева А. Г. О литературно-публицистической деятельности Н.М. Ядринцева / А. Г. Кандеева // Фольклор и литература Сибири. – Омск: ОМПИ, 1976. – С. 66 – 99.
72. Кандеева А. Г. Слово о Ядринцеве/ А. Г. Кандеева. – Омск: ОмГПУ, 2001. – 160 с.
- 73.Кандеева, А. Г. Н. М. Ядринцев — фельетонист газеты «Восточное обозрение» / А. Г. Кандеева // Ученые записки Омского педагогического института. — 1969. — Вып. 40. — С. 50–67.
- 74.Кандеева, А. Г. Ядринцев и Плещеев / А. Г. Кандеева // Омская правда. – 1969. – № 130. – С. 4.
- 75.Кладова В. П. Н. М. Ядринцев – гражданин, писатель и учёный, наследие сибирского публициста в фонде редких книг - АКУНБ им. В. Я. Шишкова [Электронный ресурс] / В. П. Кладова // Литературная карта Алтайского края. – Режим доступа:
<http://www.akunb.altlib.ru/files/LiteraryMap/LiteraryReadings/Texts/052.html>
- 76.Коваль С. Ф. За правду и волю / С. Ф. Коваль. – Иркутск: Вост.-Сиб. книжное изд-во, 1966. – С. 192.
- 77.Козьмин Н. Н. Вступительная статья / Н. Н. Козьмин // Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов Н. М. Ядринцева. – Красноярск: Изд-во журнала «Сиб. записки», 1919. – С. III–XIV.
- 78.Козьмин, Н. Н. Областничество / Н. Н. Козьмин // Сибирские записки. – 1918. – № 1. – С. 40–54.

79. Кондратьев, Н. К истории альманашной и журнальной прессы в Сибири / Н. Кондратьев // Сибирь. – 1973. – № 3. – С. 118–124.
80. Коржавин, В. К. Неопубликованные ранее произведения Н.М. Ядринцева / В. К. Коржавин // Алтай. – 1984. – № 4. – С. 126–128.
81. Коржавин В. К. Ядринцев и сибирская буржуазия / В. К. Коржавин // Уч. записки Кемеровского пед. института. – 1973. – Вып. 33. – С. 45–68.
82. Коржавин В. К. Ядринцев как исследователь сибирского крестьянства / В. К. Коржавин // Известия Новосибирского отдела Географического Общества СССР. – 1973. – Вып. 6. – С. 159–166.
83. Коржавин В. К. Н. М. Ядринцев и проблема присоединения и заселения Сибири / В. К. Коржавин // Известия СО АН СССР. Общественные науки. – Вып. 3. – № 11. – С. 69–77.
84. Коржавин, В. К., Мирзоев В. Г., Яновский, Н. Н. К характеристике сибирского областничества / В. К. Коржавин, В. Г. Мирзоев, Н. Н. Яновский // Сибирские огни. – 1971. – № 12. – С. 138–151.
85. Корш, Е. В. Восемь лет в Сибири / Е. В. Корш // Исторический вестник. – 1910. – № 5. – С. 423–449.
86. Косенко, П. П. Скрещение судеб / Косенко П. П. // Простор. – 1981. – № 1. – С. 84–112.
87. Кошелев Я. Р. Новое о Ядринцеве / Я. Р. Кошелев // Из истории культуры Сибири. – Томск, 1966. – С. 65–115.
88. Круглов, А. Воспоминания о Н. М. Ядринцеве / А. Круглов // Новости. – 1894. – № 166. – С. 1.
89. Круссер Г. В. Сибирское областничество по данным следственной комиссии 1865 г. / Г. В. Круссер // Известия Западно-Сибирского Русского географического общества. – Т. IV. – Вып. 1. – Омск: б. и., 1924. – С. 225–243.
90. Круссер Р. Г. Политическая ссылка и «Восточное Обозрение» 80-х – начала 90-х гг. XIX в. / Р. Г. Круссер // Из истории общественно-политической жизни Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1981. – С. 3–17.

91. Крутовский, В. М. Из истории одной дружбы: Н. М. Ядринцев – Г. Н. Потанин / В. М. Крутовский // Сибирские записки. – 1919. – № 2. – С. 11–22.
92. Крутовский, В. М. Областное обозрение / В. М. Крутовский // Сибирские записки. – 1917. – № 3. – С. 141–152.
93. Крутовский, В. М. Отрывки из воспоминаний о Н. М. Ядринцеве / В. М. Крутовский // Сибирские записки. – 1919. – № 2. – С. 36–45.
94. Крутовский, В. М. Ученые труды Николая Михайловича Ядринцева / В. М. Крутовский // Сибирские записки. – 1919. – № 2. – С. 65–70.
95. Кудинов, И. П. Последняя любовь Ядринцева [Электронный ресурс] / И. П. Кудинов // Сибирские огни. – 2004. – № 6. – Режим доступа: <http://xn--90aefkbacm4aisie.xn--p1ai/content/poslednyaya-lyubov-nikolaya-yadrinceva>
96. Куклина Е. А. Идеи преобразования Сибири в поэтическом творчестве Н. М. Ядринцева / Е. А. Куклина // Вольная поэзия в Сибири. – Новосибирск: Наука, 1977. – С. 52–62.
97. Куклина Е. А. Идейно-эстетическая роль фольклора в поэзии Н. М. Ядринцева / Е. А. Куклина // Взаимодействие литератур народов Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 263–270.
98. Кулехов М. Ваша правда. [Электронный ресурс] / М. Кулехов. – Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=Xv5Bver1sg4>
99. Ландарма. По поводу писем Н. М. Ядринцева / Ландарма // Сибирские записки. – 1916. – № 2. – С. 71–78.
100. Лапин Н. А. Революционное движение 60-х гг. XIX в. в Западной Сибири / Н. А. Лапин. – Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1967. – 186 с.
101. Лапин Н. А. Сибирское крестьянство в трудах Н. М. Ядринцева / Н. А. Лапин // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири: доклады и сообщения научной конференции по истории сельского хозяйства и крестьянства Урала и Западной Сибири 10–12 июня 1965 г. // Учёные записки. – Сборник 38. – Свердловск, 1966. – С. 191–203.
102. Левин, Н. Памяти хорошего человека / Н. Левин // Восточное обозрение. – 1894. – № 89. – С. 3–4.

103. Лемке М. К. Н. М. Ядринцев: биографический очерк к десятилетию со дня кончины / М. К. Лемке. – СПб.: Типо-Литография «Герольд», 1904. – 219 с.
104. Нагорный, А. Три головы Николая Ядринцева / А. Нагорный // Свободный курс. – Барнаул, 2004. – 26 августа. – С. 20.
105. Назарянц Т. М. К характеристике просветительских взглядов Н. М. Ядринцева (60-е – начало 70-х годов XIX в.) / Т. Назарянц // Вопросы русской и советской литературы Сибири. – Новосибирск: Наука, 1971. – С. 146–163.
106. Наумов, Н. И. Письма Г. Н. Потанину / Н. И. Наумов // Сибирский сборник. – 1895. – Вып. 4. – С. 5.
107. Малинова О. Ю. Эволюция символической политики и дилеммы российской идентичности: ресурсы исторической политики в постсоветской России [Электронный ресурс] / О. Ю. Малинова. Эволюция символической политики и дилеммы российской идентичности: ресурсы исторической политики в постсоветской России // Гефтер. 2015. – № 6. – Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/15351>
108. Малолетко А. М. Труды первых географов Западной Сибири как источник изучения топонимики Алтая / А. М. Малолетко // Конференция по географии Западной Сибири (к 100-летию Омского отдела географического общества). – Омск, 1977. – С. 64–67.
109. Мартынов П. К. Цвет нашей интеллигенции: Словарь-альбом русских деятелей XIX в. в силуэтах, кратких характеристиках, надписях к портретам и эпитафиях / П. К Мартынов. – СПб.: Тип. Р. Р. Голике, 1891. – 246 с.
110. Меднис Н. Е. Поэтика литературно-критических статей Н. М. Ядринцева / Н. Е. Меднис // Литературная критика в Сибири. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1988. – 224 с.
111. Меламед, Е. Сибирские встречи / Е. Меламед // Алтай. – 1983. – № 4. – С. 103–104.
112. Мещеряков, А. Не был Ядринцев кадетом / А. Мещеряков // Омское время. – 1993. – № 26. – С. 4.

113. Милевский, П. А. Фото: М. Я. Писарев, Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин, М. В. Загоскин, А. П. Нестеров. 1890-е гг. (из архива редакции) [Электронный ресурс]/ П. А. Милевский // Свободный курс. – 2015. – 3 апреля. – Режим доступа: <http://altapress.ru/story/154828>
114. Миненко Н. А., Рыженко В. Г. Из XVIII в. – в век XXI: история Омска: историко-краеведческий альбом / Н. А. Миненко, В. Г. Рыженко. – СПб.: Русь, 2006. – 366 С.
115. Мирзоев В. Г. Историография Сибири (дореволюционный период)/ В. Г. Мирзоев. – М.: Мысль, 1970. – 391 с.
116. Митина Н. П. Революционное движение в Сибири в канун восстания политических ссыльных на Кругобайкальской дороге / Н. П. Митина // Ученые записки института Востоковедения АН СССР. – М., 1965. – Т. 29.
117. Михайловский Н. К характеристике Н. М. Ядринцева / Н. К. Михайловский // На сибирские темы: сб. в пользу Том. Воскрес. школ и Гоголевского народного дома. – СПб., 1905. – С. 57–61.
118. Могильницкая, К. И. «Сибирский барабанщик» Николай Ядринцев / К. И. Могильницкая // Томский вестник. – 1996. – 14 марта. – С.6.
119. Мордкевич, Т. П. Имя на карте Омской области / Т. П. Мордкевич // Вестник культуры. – 2014. – № 1. – С. 6.
120. Мордовцев, Д. Л. Печать в провинции / Д. Л. Мордовцев // Дело. – 1875. – № 9. – С. 10.
121. Нагорный, А. Три головы Николая Ядринцева / А. Нагорный // Свободный курс. – Барнаул, 2004. – 26 августа. – С. 20.
122. Назарянц Т. М. К характеристике просветительских взглядов Н. М. Ядринцева (60-е – нач. 70-х годов XIX в.) / Т. М. Назарянц // Вопросы русской и советской литературы Сибири. – Новосибирск: Наука, 1971. – 330 с.
123. Наумов Г. В. Русские географические исследования Сибири в начале XIX – начале XX в. / Г. В. Наумов. – М., 1965. – 93 с.
124. Новосибирск в фотозагадках: Ядринцев Николай Михайлович [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nsk-kraeved.ru/viewtopic.php?id=967>

125. О-въ, А. Н. М. Ядринцев: некролог / О-въ А.// Журнал министерства народного просвещения. — 1894. — № 8. — С. 59–62.
126. Олех Л. Г. История Сибири: учебное пособие / Олех Л. Г. – Р/н/Д: Феникс; – Новосибирск: Сибирское соглашение, 2005. – 360 с.
127. Омская правда. Память и памятники. Наше наследие // Омская правда. – 1989. – 4 октября. – С. 4.
128. От редакции. Улицы в Первокирпичном будут «именными» // Омская правда. – 2008. – 30 мая. – С. 4.
129. От редакции. Иркутская хроника // Восточное обозрение. – 1894. – 22 июня. – С. 1.
130. Острогорский, В. Памяти Н. М. Ядринцева / В. Острогорский // Восточное обозрение. – 1894. – № 104 . – С. 2–3.
131. От редакции. Исследователи Сибири // Вечерний Омск. – 1980. – 27 октября. – С. 3.
132. Павловский В. Николай Михайлович Ядринцев. Фотография В. Павловского // Юбилейный сборник Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества. Цветная вклейка между с. III – IV.
133. Петров, И. О малой Родине и сыновьем долге / И. Петров // Омская правда. – 1988. – 22 мая. – С. 3.
134. Писателю-публицисту // Алтайская правда. – Барнаул, 1963. – 3 марта. – С. 3.
135. Подбельский, Е. Казаков, В. Н. Записки колониального чиновника. Рассказы, повесть. Новосибирск, 2005. [Электронный ресурс] / Е. Подбельский, В. Н. Казаков. – Режим доступа: <http://xn--90aefkbacm4aisie.xn--p1ai/content/kazakov-vn-zapiski-kolonialnogo-chinovnika-rasskazy-povest-novosibirk-ip-sova-2005>
136. Поникаровский, Д. Воспоминания о Николае Михайловиче Ядринцеве / Д. Поникаровский // Сибирский сборник. — 1896. — Вып. 1. — С. 189–214.
137. Попов, И. И. Памяти Н. М. Ядринцева и А. В. Потаниной /И. И. Попов // Известия ВСОРГО. — 1894. — Т. 25. — № 1. — С. 1–28.

138. Постнов Ю. С. Русская литература Сибири первой половины XIX в./ Ю. С. Постнов. – Новосибирск: Наука, 1970. – С. 16–24.
139. Постнов Ю. С. Н. М. Ядринцев – литературовед и критик / Ю. С. Постнов // Литературные очерки. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1985. – С. 157–174.
140. Потанин, Г. Н. Воспоминания. Ядринцев / Г. Н. Потанин // Сибирская жизнь. – 1913. – № 98, 103, 109, 114.
141. Потанин Г. Н. Николай Михайлович Ядринцев. Некролог / Г. Н. Потанин // Этнографическое обозрение. – 1894. – № 4. – С. 154–157.
142. Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азиатским владениям России / под ред. В. А. Долгорукого. – Томск: Паровая Типо-Литография П. И. Макушина, 1895. – 352 с.
143. Пыпин А. Н. История русской этнографии. – Т. IV: Белоруссия и Сибирь. – СПб.:Тип. М.М. Стасюлевича, 1892. – 488 с.
144. Разгон И. М. Предисловие / И. М. Разгон // Сесюнина М. Г. Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев – идеологи сибирского областничества (к вопросу о классовой сущности сибирского областничества второй половины XIX в.). – Томск, 1974. – С. 3–6.
145. Раннинен, И. История Омской области в лицах / И. Раннинен // Дело молодое. – 2007. – № 1. – С. 82–85.
146. Раппопорт Г. П. Страницы литературного прошлого Алтая / Г. П. Раппопорт. – Барнаул, 1958. – С. 31–39.
147. Раппопорт, Е. Г. Лицом граждансства озарён / Е. Г. Раппопорт // Молодёжь Алтая. – 1969. – 31 мая. – С. 6.
148. Раппопорт Е. Г. Рукопись считалась утерянной / Е. Г. Раппопорт. – Иркутск: Восточно-Сиб. кн. изд-во, 1967. – 97 с.
149. Рафиенко Л. С. Мемориальные памятники Н.М. Ядринцеву в Сибири / Л. С. Рафиенко // Памятники истории и культуры Сибири: Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научно-практической конференции. – Омск: ОмГПУ, 1995. – С. 53–57.

150. Рафиенко Л. С. Памятник выдающемуся сибиряку Н. М. Ядринцеву / Л. С. Рафиенко // Областная научно-практическая конференция, посвящённая 275-летию Омска. Секция: история культуры. – Омск: [б.и.], 1992. – С. 92.
151. Ремнёв А. В. Н. Г. Казнаков и Н. М. Ядринцев (из истории общественной жизни Сибири 70-х гг. XIX в.) / А. В. Ремнёв // Проблемы классовой борьбы и общественного движения в Сибири в дооктябрьский период: Межвузовский сборник научных трудов. – Омск: Гос. ун-т., 1992. – 167 с.
152. Рожков, Н. А. Исторический эскиз / Н. А. Рожков // Сибирский студент. – 1915. – № 1–2. С. 83–88.
153. Русаков, Э. Век двадцатый и далее... [Электронный ресурс] / Э. Русаков // Сибирские огни. – 2009. – № 5. – Режим доступа: <http://xn--90aefkbacm4aisie.xn--p1ai/content/vek-dvadcatyy-i-dalee>
154. Рыженко В. Г. Выставки в культурном пространстве современного города // Культурологические исследования в Сибири. — Вып. 2. — Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999. — С.91—101.
155. Рыженко В. Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы: вопросы теории, истории, историографии, методов исследования. – Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та; Омск: Изд-во ОМГУ, 2003.
156. Рыженко В. Г. Оглядываясь в начало 1990-х годов: образ Н. М. Ядринцева в материалах научной конференции в Омске, посвящённой его памяти / В. Г. Рыженко // Первые Ядринцевские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 170-летию со дня рождения Николая Михайловича Ядринцева (1842–1894), (Омск, 30–31 октября 2012 г.). – Омск: ОГИК, 2012. – С. 75–76.
157. Рыженко В. Г. Социокультурные функции интеллигенции крупных городов Сибири в условиях 1920-х гг.: поиск подходов // Интеллигенция в советском обществе. — Кемерово, 1993. — С.88-98.
158. Рыженко В. Г., Назимова В. Ш., Алисов Д. А. Пространство советского города (1920-е — 1950-е гг.): теоретические представления, региональные

социокультурные и историко-культурологические характеристики (на материалах Западной Сибири). — Омск: Издат. дом «Наука», 2004. — 292 с.

159. Рыженко В. Г., Петренко О. В. Современные конференции как коммуникативная площадка и особое звено интеллектуального пространства «без границ» // Культура и интеллигенция России: Личности. Творчество. Интеллектуальные диалоги в эпохи политических модернизаций: материалы VIII Всероссийской научной конференции с международным участием (Омск, 16—18 октября 2012 г.). — Омск: Изд-во ОМГУ, 2012. — С. 14—18.
160. С. П. Николай Михайлович Ядринцев / С. П. // Восточное обозрение. — 1904. — № 134. — С. 2—4.
161. Сапоцкий, С. Большевиком не был, доску открыли / С. Сапоцкий // Омский вестник. — 1992. — 6 ноября. — С. 3.
162. Сватиков С. Г. Россия и Сибирь (к истории сибирского областничества в XIX веке) / С. Г. Сватиков. — Прага, 1930.
163. Свиридовский О. А. Н. М. Ядринцев о проблеме строительства железных дорог в Сибири / О. А. Свиридовский // Областная научно-практическая конференция, посвящённая 275-летию г. Омска. Омск: ОГПИ, 1991. — С. 24—25.
164. Семевский В. И. Несколько слов в память Н. М. Ядринцева / В. И. Семевский // Русская мысль. — 1895. — Кн. 1. — С. 29—37.
165. Седельников А. Н., Белопогов Т. П., Столпянский П. Н. Восточная часть Киргизского края / А. Н. Седельников, Т. П. Белопогов, П. Н. Столпянский // Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. — СПб.: Изд-во А. Ф. Девриена, 1903. — С. 343—435.
166. Семёнов В. Ф. Очерк пятидесятилетней деятельности Западно-Сибирского Отдела Государственного Русского Географического Общества / В. Ф. Семёнов. — Омск: Издание Зап.-Сиб. отдела Гос.Рус. геогр. о-ва, 1927. — 144 с.
167. Семиколенов М. В. Взгляды Н. М. Ядринцева на инородческий вопрос / М. В. Семиколенов // Первые Ядринцевские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 170-летию со дня рождения

- Николая Михайловича Ядринцева (1842 – 1894) (Омск, 30-31 октября 2012 г.). – Омск, 2012. – С. 93–95.
168. Серебряный, В. «...И оживают забытые имена» / В. Серебряный // Алтайская правда. – 1980. – 12 декабря. – С. 4.
169. Сесюнина М. Г. Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев – идеологи сибирского областничества (к вопросу о классовой сущности сибирского областничества второй половины XIX в.) / М. Г. Сесюнина. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1974. – 138 с.
170. Сибирь как колония. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=3uWzoL57HKw>
171. Сибиряк-скиталец. Лесные «бунты» на Алтае // Сибирские вопросы. – 1907. – № 2. – С. 81–100.
172. Скворцова Р. Вторая экспедиция Н. М. Ядринцева на Алтай / Р. Скворцова // Страницы из истории Алтая. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1971. – С. 77.
173. Старый Омск: Начало XVIII – начало XX в.: иллюстрированная хроника событий / сост. П. П. Вибе, Т. М. Назарцева и др. – Омск: ЛЕО, 2006. – 290 с.
174. Степанов Н. П. А. Словцов (у истоков сибирского областничества) / Н. П. Степанов. – Л.: [б.и.], 1935.
175. Степанская Т. М. Археология Алтая XVIII – XX вв. / Т. М. Степанская. – Барнаул [б.и.], 2006. – С. 294–299.
176. Сушко А. В. Исторические идеи и политические практики сибирского сепаратизма // Вестник ТГУ. – 2018. - № 426. – С. 192 – 206.
177. Сушко А. В. Областничество и проблема формирования сибирской этнической общности / А. В. Сушко // Отечественная историография и региональный компонент в образовательных программах: проблемы и перспективы. Материалы научно-методической конференции (11-12 мая 2000 г., г. Омск). – Омск: Курьер, 2000. – С. 251–252.
178. Терентьев А. Н. М. Ядринцев / А. Терентьев // Сибирские огни. – 1934. – № 6. – С. 132–143.

179. Тимонин Е. И. История Сибири: уч. пособие для студентов всех специальностей / Е. И. Тимонин. – Омск: ОМЭИ, 2010. – 39 с.
180. Тиунова, Н. От яви у великих не помрачнеют лики? / Н. Тиунова // Вечерний Барнаул. – 2000. – 9 сентября. – С. 1.
181. Томилов, Н. А. Омская этнографическая наука и проблема её периодизации / Н. А. Томилов // Вестник Омского университета. – 1999. – Вып. 2. – С. 68
182. Томилов, Н. А. Патриот России и Сибири / Н. А. Томилов // Земля сибирская, дальневосточная. – 1993. – № 1–2. – С. 52.
183. Томилов, Н. А. Омская этнографическая наука и проблема её периодизации / Н. А. Томилов // Вестник Омского университета. – 1999. – Вып. 2. – С. 68–72.
184. Трушкин В. П. Литературная Сибирь первых лет революции / В. П. Трушкин. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1967. – 312 с.
185. Ужакин, А. Сибирский альпинист [Электронный ресурс] / А. Ужакин // Сибирские огни. – 2011. – № 11. – Режим доступа: <http://xn--90aefkbacm4aisie.xn--p1ai/content/sibirskiy-alpinist>
186. Улица Елизаровых – Ядринцевская улица // Томский вестник. – 1993. – 22 декабря. – С. 8–9.
187. Ус Л. Б. Международные научные связи Сибири (конец XIX – начало XX вв.) / Л. Б. Ус. – Новосибирск: Сова, 2005. – 238 с.
188. Фарафонова Т. Н. Н.М. Ядринцев / Т. Н. Фарафонова // Юбилейный сборник Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества. – Омск, 1902: Тип. Окр. штаба. – 190 с.
189. Фарафонова Т. Н. М. Ядринцев / Т. Н. Фарафонова. Омск: [б. и.], 1902. – 22 С.
190. Фиалков, Д. Н. Из тьмы забвения / Д. Н. Фиалков // Омская правда. – 1992. – 3 ноября. – С. 2.
191. Фото П. А. Милевского. М. Я.Писарев, Н. М. Ядринцев, Г. Н.Потанин, М. В. Загоскин, А. П.Нестеров. 1890-е гг. (из архива редакции). [Электронный ресурс] / П. А. Милевский // Свободный курс. – 2015. – 3 апреля. – Режим доступа: <http://altapress.ru/story/154828>

192. Хваленская Е. Ю. Фельетоны Н. М. Ядринцева в сибирской печати 70 – 80-х гг. XIX в. / Е. Ю. Хваленская // Вопросы языка и литературы. – Новосибирск: Наука, 1969. – Вып. 3. – Ч. 1. – С. 144–152.
193. Хренков, М. «Заступнику народному»: светлой памяти Н. М. Ядринцева / М. Хренков // Алтайская правда. – 1994. – 22 июня. – С. 4.
194. Худяков, М. Г. Дореволюционное сибирское областничество и археология / М. Г. Худяков // Проблемы истории докапиталистических обществ. – 1934. – № 9 – 10. – С. 135–143.
195. Чередниченко И. Г. Николай Михайлович Ядринцев – публицист, теоретик и организатор провинциальной печати / И. Г. Чередниченко. – Иркутск: ИрГТУ, 1999. – 179 с.
196. Чижик, Д. Н. М. Ядринцев: мечты о Сибири / Д. Чижик // Вечерний Омск. – 1991. – 12 апреля. – С. 3.
197. Чмыхало Б. А. Н. М. Ядринцев и вопросы «сибирской литературы», Б. А. Чмыхало // Очерки литературной критики Сибири. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 18 – 28.
198. Чмыхало Б. А. Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин как теоретики «сибирской литературы» в 70-е гг. XIX в. / Б. А. Чмыхало // Развитие литературно-критической мысли в Сибири. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 57–75.
199. Чужак, Н. Ф. К подлинному лицу областничества / Н. Ф. Чужак // Забайкальское обозрение. – 1916. – 14 марта. – № 10–11.
200. Чужак, Н. Ф. О сибирской и иносибирской интеллигенции / Н. Ф. Чужак // Сибирский архив. – 1913. – № 5. – С. 270–275.
201. Чуркин М. К. «Спящая красавица»: образ Сибири в научно-публицистическом наследии Н. М. Ядринцева / М. К. Чуркин // Первые Ядринцевские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 170-летию со дня рождения Н. М. Ядринцева. – Омск: Изд-во Омского гос. истор.-краев. музея, 30 – 31 октября 2012. – С. 101–103.

202. Чуркин М. К. Колонизационный процесс и его специфика в исторической концепции Н. М. Ядринцева / М. К. Чуркин // Литературное наследие Сибири: Сборник материалов областной научно-практической конференции, посвящённой 165-летию со дня рождения Н. М. Ядринцева. – Омск, 2007. – С. 8–11.
203. Шаракшинова Н. О. Вопросы фольклора в кругу научных интересов Н. М. Ядринцева / Н. О. Шаракшинова // Проблемы востоковедения в трудах учёных Восточной Сибири. – Иркутск: ИГУ: Вост.-Сиб. отд-ние Геогр. о-ва СССР, 1980. – С. 80.
204. Шатилов, М. Б. На славном посту / М. Б. Шатилов // Сибирский студент. – 1915. – С. 43–66.
205. Шашков С. С. Красоты обывательской журналистики // Дело. – 1873. – № 11. – С. 64.
206. Швецов С. П. Тени прошлого. Отрывки из воспоминаний Н. М. Ядринцева / С. П. Швецов // Альманах «Утренники». – Кн. 1. – СПб., 1922. – С. 99–100.
207. Швецов, С. П. Ядринцевский переселенческий пункт / С. П. Швецов // Сибирский вестник. – 1903. – 11 июля. – С. 3.
208. Шиловский, М. В. Дело сибирских областников 1865 г. / М. В. Шиловский // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея: Изд-во Омского государственного историко-краеведческого музея – 1998. – № 6. – 246 с.
209. Шиловский М. В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона / М. В. Шиловский. – Новосибирск: Сова, 2008. – 269 с.
210. Шиловский, М. В. Эволюция взглядов Н. М. Ядринцева на оценку процесса колонизации Сибири в 60 – 70-е гг. XIX в. (к 160-летию со дня рождения) / М. В. Шиловский // Гуманитарные науки в Сибири. – 2002. – № 2. – С. 3–6.
211. Шиловский М. В. Экономические воззрения сибирских областников / М. В. Шиловский // Финансы в Сибири. – 1997. – № 7. – С. 38–41.
212. Шиловский, М. В. Кем был открыт Каракорум? / М. В. Шиловский // Наука в Сибири. – 1994. – № 5–6. – С. 9.

213. Шиловский М. В. Н. М. Ядринцев и степной край (вторая половина XIX в.) / М. В. Шиловский // Степной край Евразии: историко-культурное взаимодействие и современность: тезисы докладов и сообщений V Международной научной конференции. – Омск, 2007. – С. 15–17.
214. Шиловский, М. В. Патриот Сибири / М. В. Шиловский // Сибирский исторический журнал. – 2002. – № 1. – С. 100–104.
215. Шиловский М. В. Роль государства в освоении Сибири и Верхнего Прииртышья в XVII – XX вв. / М. В. Шиловский. – Новосибирск: Параллель, 2009. – 402 с.
216. Щапов, А. П. Сибирское общество до Сперанского / А. П. Щапов // Известия Сибирского отделения РГО. – Иркутск, 1874. – Т. 5. – № 1. – С. 29.
217. Щербаков Н. Н. Влияние ссыльных пролетарских революционеров на культурную жизнь Сибири (1907-1917) / Н. Н. Щербаков. – Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1984. – 244 с.
218. Южанов С. Н. Памяти Н. М. Ядринцева / С. Н. Южанов // На сибирские темы: сб. в пользу Томских воскресных школ и Гоголевск. нар. дома. – СПб, 1905. – С. 62–68.
219. Юрьева, Л. Возвращение к истокам / Л. Юрьева // Вечерний Новосибирск. – 2006. – 7 декабря. – С. 8.
220. Ядринцев Н. М. Письма Н. М. Ядринцева: Д. А. Поникаровскому, 1880–1888 гг. / публ. Р. С. Скворцовой // Алтай. – Барнаул, 1969. – № 4. – С. 124–131.
221. Ядринцев Н. М. Письма Н. М. Ядринцева к А. А. Ионину / Н. М. Ядринцев // Сибирский архив. – 1914. – № 5. – С. 221–227.
222. Ядринцев Н. М. Письма Николая Михайловича Ядринцева Г. Н. Потанину (с 20 февраля 1872 г. по 8 апреля 1873 г.) / Н. М. Ядринцев // Сибирские записки. – Красноярск, 1918. – Вып. 1. – С. 8–232.
223. Ядринцев Н. М. Вы думаете, что-то поменялось за 150 лет? Н.М. Ядринцев, 1863 г. Сибирским патриотам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://forum.vtomske.ru/topic/?id=9620>

224. Ядринцев Н. М. Программа для исследования инородцев Западной Сибири / Н. М. Ядринцев. – Омск: Тип. окр. Штаба, 1880. – 16 с.
225. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония / Н. М. Ядринцев. – СПб.: Изд. И.М. Сибирякова. – 720 с.
226. Ядринцев Н. М. Сибирь перед судом русской литературы / Н. М. Ядринцев // Томские губернские ведомости. – 1865. – № 9. – С. 1–7.
227. Ядринцев Николай: патриот русской провинции [Электронный ресурс] / Н. М. Ядринцев // К моей автобиографии. – Режим доступа: <http://www.gumilev-center.ru/nikolajj-yadrincev-patriot-russkojj-provincii/>
228. Якимова, Л. «Моё сибирское богатство» [Электронный ресурс] / Л. Якимова // Сибирские огни. – 2009. – № 10. – Режим доступа: <http://xn--90aefkbacm4aisie.xn--p1ai/content/moe-sibirskoe-bogatstvo>
229. Яновский, Н. Н. Из малоизвестных рассказов Н.М. Ядринцева / Н. Н. Яновский // Алтай. – 1978. – № 1. – С. 66–69.
230. Яновский Н. Н. «Я – жизнь свою даю!..» / Н. Н. Яновский // Алтай. – 1980. – № 4. – С. 61 – 66.
231. Яновский Н. Н. Верность / Н. Н. Яновский. – Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1984. – 295 с.
232. Яранцев, В. Н. На почве ревности и любви. [Электронный ресурс] / В. Н. Яранцев // Сибирские огни. – 2004. – № 10. – Режим доступа: <http://xn--90aefkbacm4aisie.xn--p1ai/content/na-pochve-revnosti-i-lyubvi>
233. Яранцев, В. Н. Сибирское «воскресенье» [Электронный ресурс] / В. Н. Яранцев // Сибирские огни. – 2008. – № 9. – Режим доступа: <http://xn--90aefkbacm4aisie.xn--p1ai/content/sibirskoe-voskresenie>
234. Яранцев, В. Н. О «сакральном» хаосе в литературе [Электронный ресурс] / В. Н. Яранцев // Сибирские огни. – 2006. – № 4. – Режим доступа: <http://xn--90aefkbacm4aisie.xn--p1ai/content/o-sakralnom-haose-v-literature>

Исследовательская литература

1. Азадовский М. К. Очерки литературы и культуры Сибири / М. К. Азадовский. – Иркутск: ОГИЗ, 1947. – Вып. 1. – 203 с.
2. Арзютов Д. В. Сибирь в контексте русской модели колонизации (XVII – начало XX вв.) / Д. В. Арзютов. – СПб.: МАЭ РАН, 2014. – 299 с.
3. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 323 с.
4. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом, и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман; пер. с нем. М. М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
5. Барт Р. Camera lucida. Комментарий к фотографии / Р. Барт. – М.: Ad Marginem, 2011. – С. 267.
6. Беседина Е. А., Буркова Т. В. «В этом здании жил и работал...»: мемориальные доски как образ исторической памяти / Е. А. Беседина, Т. В. Буркова // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. – 2013. – № 16. – С. 45–68.
7. Гокк С. А. Развитие библиографии в Сибири (XIX в. – 1917 г.) / С. А. Гокк. – Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2006. – 235 с.
8. Гольдфарб С. И. Газета «Восточное Обозрение (1882 – 1906 гг.) / С. И. Гольдфаб. – Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1997. – 218 с.
9. Гольдфарб С. И. Газетное дело в Сибири. Первая половина XIX – начало XX века / С. И. Гольдфаб. – Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 2002. – 139 с.
10. Гольдфарб С. И. Периодическая печать Сибири – источник по изучению общественно-политической жизни Восточной Сибири в XIX в. (по материалам «Восточного Обозрения») / С. И. Гольдфарб // Проблемы источниковедения и историографии истории Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1982. – С. 102–106.
11. Ермолинский Л. Л. Сибирские газеты 70 – 80-х гг. XIX в. / Л. Л. Ермолинский. – Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1985. – 135 с.

12. Ефремова Н.Н. Мемориальные доски Санкт-Петербурга // Мемориальные доски Санкт-Петербурга: Справочник / Сост.: В. Н. Тимофеев, Э. Н. Порецкая, Н. Н. Ефремова. – СПб.: Арт-Бюро, 1999. – 608 с.
13. Источниковедение истории СССР XIX – начала XX века / под ред. И. А. Федосова. – М., 1970. – С. 368.
14. Красильникова Е. И. Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (1919 – середина 1941 г.): Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. – Новосибирск, 2016.
15. Красильникова Е. И. Память региональных отличий: юбилеи сибирских городов (1904–1943 гг.) / Е. И. Красильникова // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 443. – С. 119–131.
16. Красильникова Е. И. Политика памяти: исторические символы и коммеморативные практики в системе социально-политической саморегуляции сибирского региона в XX - начале XXI вв. / Е. И. Красильникова, И. А. Вальдман // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2020. – Т. 26. – №1. – С. 47 -54.
17. Красильникова Е. И. Помнить нельзя забыть... Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (1919 – середина 1941 г.). – Новосибирск, 2016.
18. Копосов Н. Память строгого режима: история и политика в России / Н. Копосов. – М.: НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ, 2011. – 315 с.
19. Корзун В. П. Образы исторической науки на рубеже XIX – XX вв. – Екатеринбург-Омск, 2000. – 226 с.
20. Краткий исторический очерк первого сибирского кадетского корпуса. – М.: Типо-Литография т-ва И. М. Кушнерёва и Ко, 1915. – 448 с.
21. Кром М. М. Отечественная история в антропологической перспективе / М. М. Кром // Исторические исследования в России – II. Семь лет спустя. – М., 2003. – С.190.
22. Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении / Ю. М. Лотман // Избранные статьи. – Т. 1. – Таллин, 1992. – С. 200–202.

- 23.Любимов Л. С. История сибирской печати / Л. С. Любимов. – Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1982. – 78 с.
24. Мандрика Ю. Л. Провинциальная частная печать / Ю. Л. Мандрика. – Тюмень: РИЦ ТГАКИ, 2007. – 103 с.
25. Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей / И. Ф. Масанов. – М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1956. – 442 с.
26. Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР / сост. Л. С. Рафиенко. – М.: НИИК, 1990. – 113 с.
27. Миллер А. Роль экспертных сообществ в политике памяти в России [Электронный ресурс] / А. Миллер // Гефтер. – 2014 . – № 1. – Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/11115>
- 28.Николаев В. И. Сибирская печать и политическая ссылка / В. И. Николаев // Каторга и ссылка. – 1928. – № 4, 6 .
- 29.Нора П. Франция – память / П. Нора; пер. с фр. Д. Хапаевой. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та,1999. – 327 с.
- 30.Нуркова В. В. Свершенное продолжается: психология автобиографической памяти / В. В. Нуркова. – М.: Издательство Университета РАО, 2000. – 320 с.
- 31.Палашенков А. Ф. Памятники и памятные места Омска и Омской области / А. Ф. Палашенков. – Омск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, Омское отделение, 1967. – С. 208–209.
- 32.Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту: Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX в. / А. И. Рейтблат. – М. : Изд-во МПИ, 1991. – 223 с.
- 33.Ремнёв А. В. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX - начала XX века / А. В. Ремнёв. – Омск: Наука, 2013. – 246 с.
- 34.Ренан Э. Что такое нация? / Э. Ренан // Собрание сочинений: В 12 Т. / Пер. с фр. В. Н. Михайловского. – Киев: Фукс, 1902. – Т. 6. – Ч. II. – С. 87–101.
- 35.Репина Л. П. Культурная память и проблемы историописания / Л. П. Репина. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 42 с.

36. Репина Л. П. Память о прошлом и история // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под ред. Л. П. Репиной. – М.: Кругъ, 2008. – 800 с.
37. Румянцева М. Ф. Теория истории / М. Ф. Румянцева. – М.: Аспект-пресс, 2002. – 319 с.
38. Сибирский характер как ценность: коллективная монография / под общей ред. М. И. Шиловой. – Красноярск: КГПУ, 2007. – 296 с.
39. Сибиряков И. В. Интеллигенция и советская власть: первый опыт сосуществования // Интеллигенция и мир. – 2007. - № 3. – С. 34-44.
40. Сибиряков И. В. Интеллигенция и террор: исторический опыт России начала XX века // Интеллигенция и мир. – 2011. - № 1. [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/intelligentsiya-i-terror-istoricheskiy-opyt-rossii-nachala-hh-veka>. Дата обращения: 1.06. 2012.
41. Сибиряков И. В. Интернет-интеллигенция: миф или реальность? // Интеллигенция и мир. – 2009. - № 2. – С. 18-26.
42. Сибиряков И. В. Нравственные ценности российского либерализма (Исторический аспект): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Челябинск, 1998.
43. Сибиряков И. В. Празднование столетней годовщины первой обороны Севастополя // Новейшая история России. – 2020. – Т. 10. - № 31. – С. 483-502.
44. Степанов Н. П. А. Словцов (У истоков сибирского областничества) / Н. П. Степанов. – Л. [б.и.], 1935. – 43 с.
45. Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика / А. Г. Тартаковский. – М.: Наука, 1980. – 312 с.
46. Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. / под ред. В. П. Корзун. – М., 2011.
47. Труды музея археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского Томского государственного университета: в 2 Т. – Томск: Изд-во ТГУ, 2002. – Т. 1.

48. Трушкин В. П. Литературная Сибирь первых лет революции / В. П. Трушкин. – Иркутск, 1967. – С.111.
49. Ферро М. Кино и история / М. Ферро // Вопросы истории. – 1993. – № 2. – С. 47–57.
50. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. – М.: Новое изд-во, 2007. – 325 с.
51. Шевцов В. В. Правительственная периодическая печать Сибири (вторая половина XIX — начало XX века) / В. В. Шевцов. – Томск : Изд-во Томского университета, 2016. – 619 с.
52. Шейнфельд М. Б. Историография Сибири (конец XIX – начало XX вв.) / М. Б. Шейнфельд. – Красноярск: пед. ин-т, 1973. – 399 с.
53. Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263 – 2000). / Ф. Б. Шенк. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 592 с.

Библиография работ Н. М. Ядринцева

1. Автобиография // Сибирский сборник. – 1895. – Т. 3. – С. 68 – 74.
2. Администрация в Сибири // Неделя. – 1873. – № 15. – С. 2 – 6.
3. Александра Викторовна Потанина // Восточное обозрение. – 1893. – № 58. – С. 2 – 3.
4. Амурский край и управление барона Корфа // Русская жизнь. – 1893. – № 40. – С. 12 – 13.
5. Археологические изыскания и открытия доктора Пояркова близ Токмака // Зап. Императорской Академии наук. – СПб., 1889. – Т. 52. – Кн. – 1. – С. 252.
6. Аул // Ядринцев Н. М. Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов. – Красноярск, 1919. – С. 175 – 182.
7. Балаган, Ветрянка, Родина (стихотворения) // Сибирские мотивы. – СПб., 1886.
8. Беглые и сибирские царства // Восточное Обозрение. - 1882. – № 29. – С. 11 – 12.

9. Безвестная отлучка головы от тела // Восточное обозрение. – 1884. – N 46. – С. 12 – 14.
10. Без стыда, без совести (Портреты и типы уголовной ссылки) // Восточное обозрение. – 1887. – N 28. – С. 12 – 16; N 38. – С. 11 – 13.
11. Белые люди. Рассказ о сибирской жизни // Восточное обозрение. – 1888. – N 25. – С. 10 – 12.
12. Беседа с Кондратом и его потомством // Восточное обозрение. – 1886. – N 25. – С. 12 – 14.
13. Беседа о читателе - простеце // Восточное обозрение. – 1887. – N 24. – С. 11 – 13.
14. Беспомощная губерния // Неделя . – 1873. – N 42. – С. 11 – 13.
15. Благодействия ссылки // Голос. – 1874. – N 336. – С. 6 – 7.
16. Бойкий мужчина и сто тысяч несчастий (Из знакомых типов) // Восточное обозрение. – 1885. – N 23 . – С. 12 – 14; N 24. – С. 12 – 14; N 25. – С. 12 – 14; N 26. – С. 12 – 14.
17. Бойкий полет // Искра. – 1866. – N 19. – С. 4.
18. Божьи дети // Неделя. – 1875. – N 37. – С. 8.
19. Борьба провинции с гласностью // Письма Г.Н. Потанина. – Иркутск, 1988. – Т. 2. – С. 233 – 248.
20. Борьба с кобылкой энтомологов и народа // Восточное обозрение. – 1892. – N 28. – С. 7 – 9.
21. Брак (статья не закончена, упом.: Литературное наследство Сибири - Новосибирск. – 1977. – Т. 2. – С. 190.)
22. Бродячее население Сибири // Дело. – 1866. – N 9. – С. 233 – 266; N 10. – С. 65 – 104; N 11. – С. 71 – 114.
23. Будущность провинциальной печати // Неделя. – 1875. – N 58. – С. 49 – 52.
24. Буран (По поводу вчерашнего бурана в Петербурге) // Русская жизнь. – 1892. – N 345. – С. 54.
25. В Америку на всемирную выставку в Чикаго (Письма редактора-издателя

- «Восточного Обозрения») // Восточное обозрение. – 1893. – N 26. – C. 8; N 27. – C. 6; N 30. – C. 7 – 8; N 31. – C. 6 – 7; N 32. – C. 9 – 10; N 40. – C. 7 – 8; N 44. – C. 8 – 10; N 59. – C. 4 – 5.
26. В глубину Азии // Восточное обозрение. – 1890. – N 39. – C. 12 – 14.
27. В горах и долинах Швейцарии // Литературное наследство Сибири. – Новосибирск. – 1979. – Т. 4. – C. 109 – 125.
28. В дальних странствиях (Из путешествия в Алтай) // Мир Божий. – 1893. – N 1. – C. 49 – 52.
29. В деревню (Из записок сибиряка) // Восточное обозрение. – 1885. – N 31. – C. 10 – 13.
30. В.И. Вербицкий // Восточное обозрение. – 1893. – N 66–67. – C. 4 – 5.
31. В Калифорнии // Восточное обозрение. – 1885. – N 18. – C. 13 – 14.
32. В мире гномов и циклопов // Неделя. – 1880. – N 51. – C. 20.
33. В обществе для вспомоществования нуждающимся переселенцам // Русская жизнь. – 1893. – N 9. – C. 7.
34. В память Александры Викторовны Потаниной // Восточное обозрение. – 1893. – N 58. – C. 2 – 3.
35. В пустыне (Воспоминания о Телецком озере) // Восточное обозрение. – 1885. – N 15. – C. 11 – 13.
36. В стране чудес и курьезов // Восточное обозрение. – 1888. – N 18. – C. 13 – 15; N 32. – C. 10 – 11; N 36. – C. 9 – 11; N 50. – C. 10 – 12.
37. В Сибирь, так в Сибирь! Или приключения цивилизаторов. (Из путевых очерков и картин) // Восточное обозрение. – 1886. – N 24. – C. 12 – 13; N 39. – C. 11 – 12; N 40. – C. 11 – 13; N 43. – C. 11 – 13; N 45. – C. 10 – 13.
38. В тайге. Летние впечатления // Восточное обозрение. – 1888. – N 31. – C. 9 – 11.
39. В чем монополия столичной прессы. Провинциальные обличители (последняя статья «Провинциальных красот») // Камско-Волжская газета. – 1873. – N 137. – C. 16.
40. В чужих краях // Восточное обозрение. – 1890. – N 36. – C. 9 – 11.

41. Варпава // Восточное обозрение. – 1888. – N 16 – 17. – C. 14 – 16.
42. Вдоль по Сибири // Восточное обозрение. – 1890. – N 37. – C. 7 – 9.
43. Великая сибирская железная дорога и переселение // Русская жизнь. – 1893. – N 9. – C. 61 – 63.
44. Великий сибирский путь // Русская жизнь. – 1894. – N 35. – C. 65.
45. Венок на могилу А.Н. Плещееву // Восточное обозрение. – 1893. – N 65. – C. 3.
46. Веселый рассказ сибирского старожила // Восточное обозрение. – 1885. – N 9. – C. 14 – 15.
47. Весенние впечатления // Восточное обозрение. – 1887. – N 21. – C. 11 – 13.
48. Ветрянка и песня // Камско-Волжская газета. – 1873. – N 34. – C. 19.
49. Вопрос обрусения или своя своих не познаша // Русская жизнь. – 1893. – N 18. – C. 29.
50. Вопрос о землевладении в Европе // Камско-Волжская газета. – 1873. – N 144. – C. 17.
51. Вопрос о переселении и его разрешение // Русский курьер. – 1880. – N 8. – C. 10 – 11.
52. Вопрос о судебной реформе в Сибири // Восточное обозрение. – 1893. – N 6. – C. 1 – 2.
53. Вопросы голодающих местностей // Восточное обозрение. – 1892. – N 31. – C. 10 – 11.
54. Вопросы переселения и настоятельные нужды переселенческого дела // Путь-дорога. – СПб., 1893. – C. 579 – 587.
55. Воспоминания // Сибирская жизнь. – 1915. – N 4. – C. 20 – 22.
56. Воспоминания и грезы (Восточного фельетониста) // Восточное обозрение. – 1882. – N 2. – C. 13 – 15.
57. Воспоминания о Томской гимназии // Сибирский сборник. – 1888. – Вып. 1. – 32 с.
58. Встречи с нашими в столице // Восточное обозрение. – 1883. – N 35. – C. 12 – 14.

59. Выставка в Чикаго и сибирская железная дорога // Русская жизнь. – 1892. – N 351. – C. 14.
60. Генерал-адъютант Казнаков и Западная Сибирь // Восточное обозрение. – 1885. – N 8. – C. 1 – 3.
61. Гениальные преступники – актеры // Восточное обозрение. – 1885. – N 46. – C. 11 – 13.
62. Генрих Ланаделль // Восточное обозрение. – 1882. – N 29. – C. 9.
63. Гигиенические условия сибирских городов // Русские Ведомости. – 1893. - N 223. – C. 45.
64. Гоголь и его областное значение // Восточное обозрение. – 1886. – N 18. – C. 8 – 10.
65. Гонение раскола в Западной Сибири // Неделя. – 1878. – N 38. – C. 49 – 52.
66. Гордиевы узлы сибирской жизни // Восточное обозрение. – 1885. – N 29. – C. 1 – 3.
67. Городское самоуправление и печать в Сибири // Восточное обозрение. – 1884. – N 39. – C. 11 – 12.
68. Гражданская апатия Сибири. - ИАОО, ф. 3, оп. 15, д. 18759, л.л. 20-21.
69. Два соседа - Екатеринбург да Тюмень // Литературное наследие Сибири. – Новосибирск. – 1979. – Т. 4. – С.
70. Дед-караульщик // Русская жизнь. – 1894. – N 15. – C. 27.
71. Держи ухо (Рассказ из жизни захолустьев) // Восточное обозрение. – 1886. – N 5. – C. 11 – 14.
72. Десятилетие переселенческого вопроса // Вестник Европы . – 1891. – N 8. – C. 790 – 826.
73. Деятельность и заслуги Н.К. Михайловского // Русская жизнь. – 1892. – N 310.
74. Дикая коза (Из жизни дальних окраин) // Сибирский сборник. – 1894. – Вып. 2. – C. 1 – 6.
75. Древний усуньский город на берегу озера Иссык-Куль // Восточное обозрение. – 1885 . – N 3. – C. 8 – 9.

76. Дорожная песня (стихотворение) // Восточное обозрение. – 1888. – N 3. – C. 12.
77. Дорожные сцены (Из летних эскизов) // Восточное обозрение. – 1886. – N 37. – C. 13 – 14; N 38. – C. 12 – 13.
78. Достоевский в Сибири // Сибирский сборник. – 1897. – Вып. 1. – N 12. – C. 393 – 401.
79. Драма из жизни Ушаковска // Восточное обозрение. – 1887. – N 12. – C. 11 – 13.
80. Древние памятники и письмена в Сибири. – СПб., 1885. – 37 с.
81. Древняя столица сибирского царства (Археологическая находка М. С. Знаменского) // Восточное обозрение. – 1884. – N 22. – C. 8 – 11.
82. Думы о сибирской железной дороге // Сибирь. – 1878. – N 2.
83. Е.М. Черемшанский (некролог) // Восточное обозрение. – 1886. – N 17. – C. 13 – 14.
84. Есть ли дело на родине (ответные письма) // Восточное обозрение. – 1884. – N 10. – C. 9 – 12.
85. Есть ли спасение от малоземелья при колонизации // Сибирь. – 1894. – N 6. – C. 23.
86. Жгучий вопрос // Русская жизнь. – 1893. – N 95.
87. Женевское озеро и алтайские озера // Лит. насл. Сиб. - Новосибирск, - 1979. – Т. 4.
88. Женщина в Сибири в XVII и в XVIII в. // Женский вестник. – 1864. – N 8. – C. 104 – 122.
89. Жертвы американцев на народное образование // Русская жизнь. – 1893. – N 333. – C. 27.
90. Живой покойник (истинное происшествие) // Сибирь. – 1877. – N 23.
91. Жизнь и деятельность Г.Н. Потанина // Восточное обозрение. – 1894. – N 46. – C. 2.
92. Жизнь и труды А.П. Щапова // Восточное обозрение. – 1883. – N 25. – C. 9 – 12; N 27. – C. 9 – 11; N 31. – C. 7 – 11.

93. Жизнь первого журналиста // Восточное обозрение. – 1898. – N 143. – C. 2 – 3.
94. За русскую провинцию // Письма Г.Н. Потанина. – Иркутск, 1988. – Т. 2. – С. 248 – 256.
95. Забайкалье в гостях у ламайского епископа// Восточное обозрение. – 1889. – N 15 – 16. – С. 10 – 13.
96. Забракованная страна (из исповеди Сибири) // Неделя. – 1877. – N 39. – С. – 12.
97. Зазимовали (Рождественский рассказ) // Русская жизнь. – 1893. – N 345. – С. 13 – 14.
98. Замок Люнебург// Камско-Волжская газета. – 1873. – N 116. – С. 4.
99. Замки новых крезов (Летние картины) // Неделя. – 1876. – N 21 – 22. – С. 16.
100. Записки о параллелизме в системе лестницы наказаний // Письма Г.Н. Потанина. – Иркутск. – 1988. – Т. 2. – С. 257 – 273.
101. Западно-Сибирская низменность // Тр. Московского археологического общества. – М., – 1884. - Том: Живописная Россия. – С. 53 – 62.
102. Заселение окраин // Русская жизнь. – 1893. – N 26, 34. – С. 13, 15.
103. Затмение и светопреставление (Сцены во время затмения солнца) // Восточное обозрение. – 1887. – N 35. – С. 11 – 13.
104. Здоровое направление благотворительности и первая «нормальная Столовая» в Сибири // Восточное обозрение. – 1891. – N 48. – С. 2 – 3.
105. Земельные богатства Сибири // Русская жизнь. – 1893. – N 318. – С. 12.
106. Зимний сибирский сезон в Петербурге // Восточное обозрение. – 1885. – N 47. – С. 11 – 13.
107. Знакомые друзья и герои // Восточное обозрение. – 1886. – N 51 . – С. 10 – 12.
108. Значение женщины в жизни писателя (Из воспоминаний о Е.П. Елисеевой и О. И. Щаповой) // Восточное обозрение. – 1896. – N 51. – С. 2 – 3.
109. Значение Сибири в русской истории // Восточное обозрение. – 1882. – N 31. – С. 9 – 11.
110. Значение сибирского университета // Неделя. – 1877. – N 36. – С. 58 – 84.

111. И. А. Кущевский (к текущим некрологам) // Сибирь . – 1876. – N 40. – C. 7 – 8.
112. И. А. Хлестаков в Сибири // Восточное обозрение. – 1888. – N 47. – C. 11 – 12.
113. И. Е. Паргачевский и его завещание // Восточное обозрение. – 1885. – N 48. – C. 8 – 9.
114. Из бумаг сибирского патриота // Восточное обозрение. – 1902. – N 139. – C. 2 – 3; N 188. – C. 2 – 3; 1903. – N 184. – C. 2 – 3; 1904. – N 86. – C. 2 – 3.
115. Из весенних песен (два стихотворения) // Камско-Волжская газета. – 1873. – N 52. – C. 15.
116. Из восточных мотивов // Камско-Волжская газета. – 1873. – N 116. – C. 5.
117. Из записной книжки Добродушного Сибиряка // Восточное обозрение. – 1887. – N 39. – C. 12 – 13; N 40. – C. 11 – 13; N 42. – C. 12 – 13; N 44. – C. 11 – 12; N 45. – C. 11 – 12.
118. Из истории гонений на человеческое слово // Восточное обозрение. – 1886. – N 17. – C. 11 – 13.
119. Из летописи сибирских событий // Восточное обозрение. – 1887. – N 25 . – C. 10 – 12.
120. Из летописи скорбящего града // Восточное обозрение. – 1884. – N 9. – C. 12 – 14.
121. Из неурожайных округов Тобольской губернии // Русские Ведомости. – 1893. – N 189. – C. 145.
122. Из путевых писем // Восточное обозрение . – 1887. – N 2. – C. 12 – 14.
123. Из путешествий в пустынях Центральной Азии // Сибирский сборник. – 1891. – Т. 1. – C. 120 – 124.
124. Из путевых очерков и картин // Восточное обозрение. – 1886. – N 24. – C. 12 – 13; N 39. – C. 11 – 12; N 40. – C. 11 – 13; N 43. – C. 11 – 13; N 45. – C. 10 – 13.
125. Из Сибири // Восточное обозрение. – 1889. – N 46. – C. 9 – 11.
126. Из сибирского дневника // Восточное обозрение. – 1885. – N 11. – C. 13 – 14.

127. Из странствий по чужим землям // Восточное обозрение. – 1891. – N 2. – C. 9 – 11.
128. Из страны чудес и курьезов. Фельетоны // Восточное обозрение. – 1882. – N 12. – C. 12 – 14; 1883. – N 23. – C. 11 – 13; N 38. – C. 12 – 13; N 41. – C. 11 – 13; 1884. – N 3. – C. 11 – 13; N 8. – C. 11 – 13; N 17. – C. 11 – 13; N 20. – C. 11 – 14; N 24. – C. 12 – 14; N 41. – C. 12 – 13; N 45. – C. 11 – 13; N 47. – C. 11 – 12; 1885. – N 5. – C. 10 – 13; N 32. – C. 11 – 12; 1886. – N 11. – C. 13 – 14; N 27. – C. 11 – 13; 1887. – N 9. – C. 12 – 13; N 16. – C. 11 – 13; 1888. – N 18. – C. 13 – 15; N 50. – C. 10 – 12.
129. Из судебной хроники Сибири // Русская жизнь. – 1894. – N 92. – C. 12 – 14.
130. Из хроники сибирской жизни // Русская жизнь. - 1892. - N 303, 310, 321, 326, 329, 338, 344, 347.
131. Из хроники сибирской общественной жизни // Русская жизнь. - 1893. - N 3. – C. 10.
132. Идея мира в верованиях древних народов // Восточное обозрение. – 1887. – N 23. – C. 10 – 11.
133. Из очерков сибирской цивилизации // Восточное обозрение. – 1885. – N 49-50. – C. 21 – 23.
134. Иллюзия // Восточное обозрение. – 1896. – N 100. – C. 2 – 3.
135. Иллюзия величия и ничтожества: Россию пятят назад. – 2-е изд. – Женева, – 1897. – 32 с.
136. Имение бывшего министра (Из поездки в Рязанскую губернию) // Неделя. – 1876. – N 49–50. – C. 23–24.
137. Инородческий вопрос // Неделя. – 1881. – N 13. – C. 14 – 17.
138. Инородческое просвещение на русском Востоке // Порядок . – 1881. – N 322. – C. 12 – 14.
139. Ирбитская ярмарка – благодетель Сибири // Восточное обозрение. – 1885. – N 13. – C. 11 – 13.
140. Исказ Мулла // Первый шаг. – Казань. – 1876. – C. 9 – 11.
141. Искусство в Сибири // Восточное обозрение. – 1889. – N 43. – C. 3 – 4.

142. Исследование Сибири и губернские ведомости // Восточное обозрение. – 1882. – N 6. – C. 9 – 11.
143. Исправительное значение русской ссылки // Дело. – 1870. – N 1. – C. 193 – 213; N 2. – C. 174 – 198.
144. Исповедь елки (рождественский рассказ) // Восточное обозрение. – 1886. – N 52. – C. 11 – 13.
145. Ядринцев Н.М. Исправительное значение русской ссылки: Исторический очерк. - СПб., 1870. – 198 с.
146. Испорченное торжество. Из жизни глухого города (фельетон был сдан в «Восточное обозрение», но не прошел). ГАИО, ф. 295, ОЦ, N 82, 4 л.
147. Исследование г. Щапова о сибирской общине // Неделя. – 1875. – N 40. – C. 97 – 117.
148. Истекшее пятилетие «Восточного Обозрения» // Восточное обозрение. – 1887. – N 15. – C. 3 – 4.
149. Истинный смысл последних постановлений комитета Сибирской дороги // Русская жизнь. – 1893. – N 64. – C. 14 – 15.
150. История горного мира// Неделя. – 1880. – N 27. – C. 35 – 47.
151. История одного странствия (Из Сибири в Архангельскую губернию по этапу) // Отечественные записки . – 1871. – N 12. – C. 509 – 546.
152. История с петербургским корреспондентом // Голос. – 1879. – N 23. – C. 22.
153. Исторические очерки русской ссылки в связи с развитием преступлений // Дело. – 1870. – N 10. – C. 207 – 240.
154. К моей автобиографии // Русская мысль. – 1904. – К 6. – C. 152 – 170.
155. К чему идет Сибирь // Неделя. – 1874. – N 25 – 26. – C. 44 – 46.
156. Как добраться до Америки // Русская жизнь. – 1893. – N 137. – C. 10 – 12.
157. Калмыки // Литературное наследство Сибири. – Новосибирск, 1979. - Т. 4.
158. Калмычка//Восточное обозрение. – 1897. – N 3. – C. 2 – 3.
159. Каракорум - столица Монгольского царства // Восточное обозрение. – 1886. – N 15 – 16. – C. 13 – 14.

160. Карантин или борьба с эпизоотией // Восточное обозрение. – 1884. – N 13. – C. 11 – 13.
161. Киргиз и казак (киргизская народная легенда) // Камско-волжская газета. – 1873. – N 79. – C. 18 – 20.
162. Киргизские народные легенды // Камско-волжская газета. – 1873. – N 79. – C. 17 – 18.
163. Кобылка // Восточное обозрение. – 1892. – N 36. – C. 10 – 11; N 37. – C. 9 – 10.
164. Козни злонамеренных // Искра. – 1863. – N 14. (а также: Лит. Наследство Сибири. – Новосибирск, – 1979. – Т.4.)
165. Колонизационное значение русской ссылки // Дело. – 1870. – N 12. – C. 1 – 34.
166. Колossalное банкротство и любезность кредиторов // Восточное обозрение. – 1884. – N 34. – C. 12 – 14.
167. Колossalная тюрьма (Очерки нашей штрафной колонизации) // Неделя. – 1874. – N 42 – 43. – C. 17 – 22.
168. Кому масленица // Восточное обозрение. – 1886. – N 9. – C. 12 – 14.
169. Кондрат благоденствующий и Кондрат утопающий // Восточное обозрение. – 1883. – N 10. – C. 11 – 14.
170. Кондрат на поприще литературы // Восточное обозрение. – 1883. – N 32. – C. 10 – 13.
171. Кондрат у себя дома. Очерк нравов // Восточное обозрение. – 1882. – N 39-40. – C. 17 – 18.
172. Кочевой быт и исследования в степях // Восточное обозрение. – 1886. – N 12. – C. 10 – 12.
173. Красавец-мужчина в Сибири // Восточное обозрение . – 1883. – N 3. – C. 11 – 12.
174. Красный столб // Письма Г.Н. Потанина. – Иркутск, 1988. – Т. 2. – С. 274 – 277.

175. Крепость традиций в Сибири (исторический очерк) // Восточное обозрение. – 1882. – N 21. – C. 2 – 4; N 22. – C. 9 – 11.
176. Крымский вечер // Русская жизнь. – 1894. – N 136. – C. 5 – 6.
177. Культурное и промышленное состояние Сибири . – СПб.: тип. Суворина, – 1884. – 40 с.
178. Культуртрегерское воздействие // Восточное обозрение. – 1885. – N 35. – C. 12 – 14.
179. Кустарные промыслы в Сибири и значение их. СПб., 1913. . – 29 C.
180. Лес севера (стихотворение) // Первый шаг. Провинциальный литературный сборник. – Казань, – 1876.
181. Летучая интеллигенция // Письма Г.Н. Потанина. – Иркутск, - 1988. - Т. 2. – C. 277 – 281.
182. Литературные и студенческие воспоминания сибиряка. Первое землячество // Восточное обозрение. – 1884. – N 36. – C. 9 – 11.
183. Литература и провинция // Камско-Волжская газета. – 1873. – N 36. – C. 12.
184. Любовь к родине и судьба А.П. Щапова // Восточное обозрение. – 1885. – N 17. – C. 13 – 14.
185. Любовь Юнуса // ВО. – 1888. – N 12. – C. 2 – 3; N 15. – C. 2 – 4.
186. Люди шестидесятых годов // Литературное наследство Сибири. – Новосибирск, – 1979. – Т. 4.
187. М.И. Орфанов и его пребывание в Сибири // Восточное обозрение. – 1884. – N 38. – C. 13 – 14.
188. Майские впечатления // Восточное обозрение. – 1888. – N 19. – C. 11 – 12.
189. Малолетние преступники и тюрьма // Голос . – 1875. – N 194. – C. 43.
190. Материалы и авторские черновики о поездке по Западной Сибири и горному Алтаю с программой по сбору сведений о переселенцах, состояния земледелия, скотоводства, горного промысла на Алтае // Записки Зап.-Сиб. отд. РГО. – Омск, 1880 г. – Т. II.
191. Международный московский конгресс истории археологии и

- антропологии // Восточное обозрение. – 1892. – N 37. – C. 7 – 9; N 38. – C. 12 – 13; N 41. – C. 6 – 7.
192. Мирза // Первый шаг. – Казань, – 1876.
193. Мелочи из жизни // Восточное обозрение. – 1888. – N 22. – C. 11 – 12.
194. Мнимые провинциальные вопросы // Неделя. – 1874. – N 49. – C. 7 – 10.
195. Мнимые цивилизаторы Сибири // Восточное обозрение. – 1883. – N 37. – C. 11 – 14.
196. Монголия (путевые письма)//Русские Ведомости . – 1891. – N 214.
197. Морской сибирский путь // Русская жизнь. – 1893. – N 92. – C. 18.
198. Мост вздохов // Неделя. – 1874. – N 35.
199. Мырат-пи // Камско-Волжская газета. – 1873. – N 8.
200. Мысли о провинциальной печати (По поводу областных обозрений в столичной печати) // Восточное обозрение. – 1886. – N 6. – C. 9 – 11.
201. Наброски сибирского поэта // Восточное обозрение. – 1882. – N 24. – C. 13 – 15; N 26. – C. 12 – 14.
202. На границах Китая (из путевых очерков) // Русская жизнь . - 1894. - N 7.
203. Надежды Сибири // Восточное обозрение. – 1883. – N 19. – C. 1 – 3.
204. Надежды Западной Сибири // Голос. – 1875. – N 148.
205. Надежды и ожидание Сибири (По поводу празднования сибирского юбилея) // Неделя. – 1881. – N 45.
206. На железной дороге//Восточное обозрение. – 1884. – N 35. – C. 11 – 13.
207. На заре жизни человечества//Сибирский сборник. – 1887. – Т. 4. – С. 55 – 70.
208. Н.И. Костомаров (некролог)//Восточное обозрение. – 1885. – N 15. – C. 13.
209. Накануне освобождения от ссылки // Сибири. - 1877. - N 33.
210. На краю света // Восточное обозрение. – 1884. – N 40. – C. 13 – 15.
211. На обетованных землях (Из путешествия по Алтаю) // Сибирский сборник. – 1886. – Кн. 2. – С. 36 – 43.
212. На отлете//Восточное обозрение. – 1887. – N 51, 52. – С. 17 – 18.
213. На пароходе // Восточное обозрение. – 1891. – N 14. – С. 9 – 10.
214. Народно-медицинская помощь и санитарные отряды в Сибири //

Русские Ведомости. – 1892. – N 189.

215. На севере (После посещения Крыма) // Восточное обозрение. – 1891. – N 24. – С. 10 – 11.
216. На Урал (Из путевого дневника странствующего корреспондента) // Восточное обозрение. – 1886. – N 29. – С . 6 – 9.
217. На чистом воздухе // Неделя. – 1874. – N 28.
218. На чужбине (Из исповеди абсентеиста) // Восточное обозрение. – 1883. – N 29. – С. 13 – 14.
219. На чужой стороне. Из нравов поселенцев в Сибири // Азиатский вестник. – 1872. – N 1.
220. Народно-областное начало в Русской жизни и истории // Восточное обозрение. – 1884. – N 9. – С. 1 – 3; N 10. – С. 1 – 2; N 13. – С. 9 – 11.
221. Народно-медицинская помощь и санитарные отряды в Сибири // Русские Ведомости. – 1892. – N 189.
222. Научные новости // Восточное обозрение. – 1885. – N 48. – С. 5 – 6.
223. Наши гости // Восточное обозрение. – 1882. – N 8. – С. 12 – 13.
224. Н.В. Гоголь и его областное значение (По поводу юбилея «Ревизора») // Восточное обозрение. – 1886. – N 18. – С. 8 – 10.
225. Н.И. Наумов // Русские Ведомости. – 1892. – N 298.
226. Научные знания местных музеев // Литературное наследство Сибири. – Новосибирск, – 1980. – Т. 5.
227. Народное здравие в Сибири // Порядок. – 1881. – N 255.
228. Народно-областное начало в русской жизни и истории // Восточное обозрение. – 1884. – N 9. – С. 1 – 3; N 10. – С. 1 – 2; N 13. – С. 9 – 11.
229. Научные новости // Восточное обозрение. – 1885. – N 48. – С. 5 – 6.
230. Начало сибирских реформ // Восточное обозрение. – 1882. – N 5. - С. 1 – 3.
231. Наши аргонавты // Неделя. – 1874. – N 44.
232. Наши выселенные и колонизация // Вестник Европы. – 1880. – N 6.
233. Невинная жертва (посвящается Е.К. Г-вой) // Неделя. – 1877. – N 33.

234. Невежественная Сибирь и услуги культуртрегерства // Восточное обозрение. – 1887. – N 10. – C. 10 – 12.
235. Негр // Письма Г.Н. Потанина. – Иркутск, 1988. – Т. 2. – С. 274 – 277.
236. Недоразумения в тюремной реформе // Голос. – 1875. – N 169.
237. Необыкновенный арестант и кушающая Фемида (Из недавнего прошлого) // Восточное обозрение. – 1887. – N 8. – С. 12 – 13.
238. Неожиданный гость на сибирских святках (святочный рассказ) // Восточное обозрение. – 1885. – N 1. – С. 11 – 12.
239. Не оскудела русская земля // Русская жизнь. – 1893. – N 10.
240. Несторианство Азии // Восточное обозрение. – 1886. – N 14. – С. 10 – 11; N 38. – С. 11 – 12.
241. Неудачи и успехи наших цивилизаторов // Восточное обозрение. – 1884. – N 14. – С. 11 – 14.
242. Неурожайные округа Тобольской губернии // Русские Ведомости. – 1892. – N 189.
243. Нечто о безнравственности сибирского крестьянина. // Восточное обозрение. – 1887. – N 34. – С. 11 – 13.
244. Новости нашего Востока // Ядринцев Н. М. Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов. – Красноярск, 1919. – С. 88 – 112.
245. Новая Сибирская летопись // Восточное обозрение. – 1883. – N 11. – С. 12 – 13.
246. Новая эра и опасность для железнодорожных деятелей в Сибири // Восточное обозрение. – 1897. – N 114. – С. 2; N 115. – С. 2.
247. Новые взгляды на Сибирь // Восточное обозрение. – 1888. – N 25. – С. 9 – 10.
248. Новые иллюстрации к переселенческому делу // Русская жизнь. – 1893. – N 68.
249. Новые отношения Европы и Азии // Сибирь. – 1876. – N 1.
250. Новые потребности Сибири // Алтай. – 1981. – N 4. – С. 126 – 130.
251. Новый баян // Неделя. – 1874. – N 35.
252. Ночь в Avenue de l'Opera // Сибирский сборник. – 1896. – Т. 2. – С. 216 – 230.

253. Нравы далеких окраин и бойкие романисты // Восточное обозрение. – 1886. – N 22. – С. 11 – 13; N 23. – С. 12 – 14.
254. Нужды Западной Сибири // Голос. – 1877. – N 81.
255. Нужды и условия жизни рабочего населения Сибири (Исследование о сибирской кабале, монополии и мироедстве) // Отечественные записки. – 1876. – Т. 229. – N 12. – С. 210 – 247.
256. Нужны ли реформы Сибири? (письмо из Томска) // Молва. – 1881. – N 47.
257. Нынешнее состояние Западной Сибири // Голос. – 1877. – N 84.
258. О, земля родная. Стихи. // Сиб. зап. – 1918. – Кн. 4.
259. О земледелии. - ГАИО, ф. 295, ОЦ.
260. Об алтайцах и черневых татарах // Известия ИРГО. – 1881. – Вып. 4. – С. 228 – 254.
261. О Гейне (из писем) // Восточное обозрение. – 1897. – N 54. – С. 2.
262. О колонизации Амурского края // Голос. – 1881. - N 132.
263. О культе медведя преимущественно у северных инородцев // Этнограф. – 1890. – N 1.
264. О, счастливейшая Сибирь // Восточное обозрение. – 1886. – N 13. – С. 12 – 13.
265. О скифском народе саках - ГАИО, ф. 295, он. 1.
266. Обетованные земли (из путевых очерков по Сибири) // Неделя . – 1881. – N 33.
267. Областная история и областной историк // Восточное обозрение. – 1885. – N 16. – С. 1 – 3.
268. Оборванный аккорд // Восточное обозрение. – 1896. – N 93. – С. 2.
269. Общественная жизнь в Сибири // Томские губернские ведомости. – 1865. – 5 февр. – С. 1 – 4.
270. Община и ее жизнь в русском остроге // Дело. – 1869. – N 7 ,9.
271. Один из русских централистов // Неделя. – 1875. – N 45.
272. Однодневная перепись в уездном городе // Неделя. – 1874. – N 44.

273. Ожидание железной дороги (Фантастические картины и предсказания) // Восточное обозрение. – 1885. – N 40. – С. 16 – 17.
274. Ожидание реформ на Востоке // Камско-Волжская газета. – 1873. – N 110, 112, 124.
275. О переселениях // Голос. – 1881. – N 132.
276. Отворяйте ворота: новый суд идет! // Восточное обозрение. – 1886. – N 31. – С. 12 – 14.
277. Ответ г. Гацискому на заметку о реформах в Сибири // Камско-Волжская газета. – 1873. – N 132.
278. Отмена русской ссылки (Ответ на вопрос Спасовича) // Биржевые Ведомости. – 1874. – N 254.
279. Отношение к бедным и несчастным у первобытных народов // Мир Божий. – 1894. – N 7.
280. Отчет и дневник о путешествии по Орхону и Юж. Хантай в 1891 г. Сб. тр. Орхонской экспедиции. - СПб., – 1901.
281. Отчет об экспедиции на Орхон, совершенный в 1889 г. по поручению Вост.- Сиб. Отд. ИРГО // Сб. тр. Орхонской экспедиции. - СПб., – 1892.
282. Отъезд Добродушного Сибиряка в Сибирь // Восточное обозрение. – 1887. – N 47. – С. 10 – 11.
283. Очередные задачи переселенческого дела // Русская жизнь. – 1893. – N 6.
284. Очерки английской колонизации (Legoyt, "Histoire diemigration Evropeene") // Дело. – 1872. – N 8, 9.
285. Очерки общественной жизни в Сибири (Из дневника сибирского писателя) // Сибирь. – 1877. – N 16.
286. Очерки Сибири С. Я. Елпатьевского // Литературное наследство Сибири. – Новосибирск, 1980. – Т. 5. – С. 125 – 127.
287. Очерк общественной жизни и нравов // Восточное обозрение. – 1889. – N 4. – С. 10 – 12; N 11. – С. 10 – 12.
288. Очерки общественной жизни и прогресса. Успехи ссылки // Сибирь. – 1880. – N 3.

289. Очерки общественной жизни на окраинах // Восточное обозрение. – 1883. – N 16. – С. 12 – 14; N 18. – С. 11 – 13; N 47. – С. 11 – 14; N 49. – С. 11 – 14.
290. Очерки сибирской жизни // Голос. – 1879. – N 3.
291. Очерки общественной жизни Сибири (Дневник писателя) // Сибирь. – 1878. – N 16. – 21 мая.
292. Очерки сибирской общественной жизни // Восточное обозрение. – 1888. – N 26. – С. 9 – 10; N 48. – С. 10 – 12.
293. Падшие царства и исчезнувшие народы (Картины и впечатления из путешествий в пустынях Центральной Азии) // Сибирский сборник. – 1891. – Т. 1. – С. 21 – 61.
294. Памяти Черского // Русские Ведомости. – 1892. – N 248.
295. Пассажир с сибирской дороги // Неделя. – 1874. – N 15.
296. Пельмень // Ядринцев Н. М. Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов. – Красноярск, 1919. – С. 188 – 192.
297. Первобытная музыка в связи с историей музыкальной идеи // Исторический вестник. – 1885. – N 3.
298. Перед праздником // Восточное обозрение. – 1884. – N 51 – 52. – С. 18 – 20.
299. Переписка между колонией и метрополией // Восточное обозрение. – 1884. – N 37. – С. 9 – 11; N 40. – С. 11 – 13.
300. Перепись в уездном городе. Из воспоминаний повершика. Посвящается А.С. Гацкому // Неделя. – 1874. – N 44.
301. Переселенческие движения // Русские Ведомости. – 1891. – N 144.
302. Переселенческие семьи и дети // Науч.-лит. сб. – СПб., – 1893.
303. Переселенческий вопрос // Неделя. – 1881. – N 41.
304. Переселенческое горе//Восточное обозрение. – 1888. – N 33. – С. 9 – 10.
305. Переселенческое движение в 1892 г. // Русские Ведомости. – 1892. – N 223.
306. Песня с окраины (памяти Некрасова) // Восточное обозрение. – 1884. – N 4. – С. 10.

307. Песня неизвестному другу, из Гейне, Wellcome! // Ядринцев Н. М. Письма Николая Михайловича Ядринцева к Г. Н. Потанину. – Красноярск, 1918. – Вып. 1. – С. 24.
308. Петербург в его прелестях // Литературное наследство Сибири. – Новосибирск, – 1979. – Т. 4.
309. Письма из Петербурга // Сибирская газета. – 1881. – № 18, 24.
310. Письма Николая Михайловича Ядринцева к Г.Н. Потанину. – Красноярск, – 1918.
311. Письма Н.М. Ядринцева к Г.Н. Потанину из Шенкурска (1873-1874) // Письма Г.Н. Потанина. – Иркутск, – 1988. – Т.2. – С. 233 – 343.
312. Письма Сибиряка из Европы // Восточное обозрение. – 1885. – № 36. – С. 12 – 14; № 39. – С. 16 – 19; № 42. – С. 11 – 13; № 44. – С. 11 – 13; № 48. – С. 10 – 13.
313. Письма о Сибири // Дело. – 1866. – № 5.
314. Письма о сибирской жизни // Дело. – 1868. – № 5. – С. 72 – 110.
315. Письма о Родине // Восточное обозрение. – 1884. – № 49. – С. 10 – 12.
316. Письма Ядринцева (Д.А. Поникаровскому) 1880-1888 // Алтай. – 1969. – № 4. – С. 124 – 131.
317. Письма Ядринцева к А. А Ионину // Сибирский архив – 1914. – № 15.
318. Письмо в редакцию (о пожертвованиях в литературный фонд) // Сибирь. – 1877. – № 41.
319. Письмо из Нижнеудинска // Дело. – 1873. – № 109.
320. Письмо Пругавину А.С. от 27 м. 1873 г. (упом.: Лемке М. Николай Михайлович Ядринцев. Биографический очерк к десятилетию со дня кончины (1894-1904). – СПб., 1904. – С. 82.
321. По вопросу о ссылке в Сибирь // Русская речь. – 1880. – № 10. – С. 324 – 347.
322. По дороге в Сибирь // Литературное наследство Сибири. – 1979. – Т. 4.
323. По поводу выставки г. Пясецкого // Восточное обозрение. – 1882. – № 22. – С. 16.
324. По поводу перенесения газеты «Восточное обозрение» из Петербурга в Сибирь // Восточное обозрение. – 1887. – № 47. – С. 2 – 3.

325. По поводу предстоящего преобразования управления государственными имуществами западной Сибири // Русская жизнь. – 1893. – N 113.
326. По поводу сибирского университета // Томские губернские ведомости. – 1864. – N 5.
327. По чужим и родным полям // Литературное наследство Сибири. – Новосибирск, – 1979. – T.4.
328. Подвижники и благотворители на окраинах (Из переписки редакций) // Восточное обозрение. – 1883. – N 15. – C. 11 – 13.
329. Поземельный вопрос в Сибири // Восточное обозрение. – 1882. – N 13. – C. 1 – 3.
330. Погода // Восточное обозрение. – 1889. – N 35. – C. 9
331. Поездка в земледельческие колонии малолетних преступников // Голос. – 1875. – N 50.
332. Покинутые переселенческие дети (рождественский рассказ) // Русская жизнь. – 1892. – N 351.
333. Положение золотых приисков // Сибирская газета. – N 20. – C. 26.
334. Положение переселенцев в Сибири // Вестник Европы. – 1881. – N 8.
335. Положение пострадавших округов Тобольской губернии в 1891 – 1892 г.г. // Русская жизнь. – 1892. – N 319.
336. Положение провинциального обличителя // Камско-Волжская газета. – 1873. – N 140.
337. Положение ссыльных в Сибири // Вестник Европы. – 1875. – T. 6. - N 11. – C. 283 – 312, N 12. – C. 529 – 556.
338. Помощь переселенцам // Сибирская газета. – 1881. – N 29.
339. Последнее слово о ссылке // Сибирь. – 1877. – N 37.
340. Последний завоеватель // Детское чтение . – 1882. – N 12.
341. После сибирского юбилея // Восточное обозрение. – 1883. – N 2. – C. 12 – 15.
342. Потребности знаний на Востоке (По поводу учреждения сибирского университета) // Дело. – 1875. – N 10. – C. 33 – 69.
343. Потребность просвещения в Сибири // Голос. – 1875. – N 183.

344. Предварительный отчет об исследовании по р. Толе, Орхону и Южному Хангаю. – СПб., – 1892.
345. Предсказания и мифы человечества // Восточное обозрение. – 1887. – N 1. – 17 – 20.
346. Предстоящее трехсотлетие Сибири // Сибирь. – 1880. – N 9.
347. Предчувствия (Отрывки из путевых заметок Добродушного Сибиряка) // Восточное обозрение. – 1888. – N 40. – С. 12 – 13.
348. Прежде и теперь // Восточное обозрение. – 1889. – N 23. – С. 11 – 12.
349. Преступление перед судом литературы. – ГАИО, ф. 295, оп. 1.
350. Преступники по изображению романтической натуральной школы// Дело. – 1872. – N 6. – С. 161 – 193.
351. Привольные места Сибири. Степи и море // Отечественные записки. – 1880. – N 4. – С. 475 – 496.
352. Приисковая почта или «не из тучи гром» (Из таежных рассказов) // Восточное обозрение. – 1886. – N 8. – С. 11 – 14.
353. Приключения несчастного Маффа, пестрого попугая, занесенного обстоятельствами в хладную Сибирь // Восточное обозрение. – 1889. – N 37. – С. 10 – 12.
354. Провинциальные красоты // Камско-Волжская газета. – 1873. – N 100, 103, 107, 112, 117, 123.
355. Провинциальные обличители // Камско-Волжская газета. – 1873. – N 137.
356. Провинциальные письма (Обозрение провинциальной литературы и ее направление) // Камско-Волжская газета. – 1873. – N 100, 103, 107, 112, 117, 123, 138, 145.
357. Программа для исследования сельской общины // Записки Зап.-Сиб. отд. ИРГО. – Омск, – 1881. – Т. 3. – С. 1 – 22.
358. Программа для описания сибирских инородцев. – Омск, 1880. – 16 с.
359. Продажа земель в Сибири // Русская жизнь. – 1892. – N 50.
360. Проект обогащения Сибири, сочиненный капитаном Копейкиным // Голос. – 1879. – N 44.

361. Простодушный Сосипатр (из осенних рассказов) // Восточное обозрение. – 1889. – N 40. – C. 10 – 11.
362. Прошлое и будущее сибирской печати // Восточное обозрение. – 1885. – N 22. – C. 10 – 13.
363. Прошлое и настоящее монголов // Русская мысль. – 1890. – N 3.
364. Публика и переселенческий вопрос // Сибирский листок. – 1892. – N 98.
365. Путевые заметки // Русская жизнь. – 1893. – N 205.
366. Путешествие на верховья Орхона к развалинам Каракорума // Известия ИРГО. – Т. 26.
367. Путешествие по Алтаю и посещение Катунских ледников // Записки Зап.-Сиб. отд. ИРГО. – Омск, – 1881.
368. Пути прочного устройства переселенческого дела // Восточное обозрение. – 1893. – N 26. – C. 2 – 3.
369. Разгадка руноподобных надписей Сибири и Центральной Монголии // Русская жизнь. – 1894. – N 91.
370. Раскаяние сибиряков в своих грехах // Восточное обозрение. – 1885. – N 45. – C. 10 – 13.
371. Раскольничьи общины на границе Китая // Сиб. сб. – 1886. – Кн. 1.
372. Рейн и Иртыш // Литературное наследство Сибири. – 1979. – Т. 4.
373. Результаты тюремной реформы // Неделя. – 1874. – N 21.
374. Речь на могиле И.С. Полякова // Восточное обозрение. – 1887. – N 15. – C. 16.
375. Рига, Ревель, Нарва, Гельсингфорс в Сибири // Неделя. – 1878. – N 3.
376. Родина // Сибирские мотивы. – СПб., 1886. – C. 14 – 16.
377. Родные картины (Сон на Новый год. Фельетон) // Восточное обозрение. – 1884. – N 1. – C. 13 – 15.
378. Рождественский рассказ // Восточное обозрение. – 1888. – N 51 – 52. – C. 12 – 13.
379. Рождество в тайге // Восточное обозрение. – 1892. – N 6. – C. 8 – 10.
380. Россия и Азия // Русская жизнь. – 1892. – N 328.

381. Русская государственность и инородческие вероисповедания // Восточное обозрение. – 1884. – N 47. – C. 8 – 10.
382. Русская народность на Востоке // Дело. – 1874. – N 11. – C. 297 – 340. – 1875. – N 4. – C. 167 – 198.
383. Русская община в тюрьме и ссылке. – СПб., 1872. – 719 с.
384. Русские переселенцы в Сибири и помощь им // Сибирь. – 1881. – N 14.
385. С Барабы // Сибирь. – 1878. – N 24.
386. С дальнего пути // Русские Ведомости. – 1891. – N 166.
387. С тюремного международного конгресса (письмо из Петербурга) // Восточное обозрение. – 1890. – N 29. – C. 6 – 7; N 30. – C. 7 – 9.
388. Сведенья о мараловодстве в Алтае // Записки Зап.-Сиб. отд. ИРГО. – Омск. – 1879. – Т. 1. – C. 1 – 6.
389. Светлые минуты (Из воспоминаний ко дню открытия университета) // Восточное обозрение. – 1888. – N 29. – C. 10 – 11.
390. Северо-Американская промышленность // Восточное обозрение. – 1894. – N 50. – C. 2 – 3; N 51. – C. 2.
391. Сельско-народное образование в Сибири // Сибирский сборник. – 1891. – Т. 1. – C. 138 – 165.
392. Сибирская адвокатура // Русская жизнь. – 1894. – N 111.
393. Сибирская белочка // Детское чтение. – 1881. – N 9.
394. Сибирская железная дорога // Русская жизнь. – 1892. – N 306, 343.
395. Сибирская уголовщина // Восточное обозрение. – 1885. – N 20. – C. 12 – 14.
396. Сибирская филантропия // Восточное обозрение. – 1883. – N 44. – C. 13 – 15; N 45. – C. 13 – 15.
397. Сибирская Швейцария (Из путевых записок об Алтае) // Русское богатство. – 1880. – N 8. – C. 47 – 60.
398. Сибирские американцы и их медвежья наука // Восточное обозрение. – 1884. – N 5. – C. 9 – 12.
399. Сибирские анонсы // Восточное обозрение. – 1885. – N 14. – C. 12 – 13.
400. Сибирские воспоминания // Восточное обозрение. – 1887. – N 26. – C. 11 – 13.

401. Сибирские Гарун-Аль-Рашиды (Из восточных анекдотов) // Восточное обозрение. – 1882. – N 21. – C. 11 – 13.
402. Сибирские идиллии // Восточное обозрение. – 1884. – N 27. – C. 11 – 14; N 29. – C. 8 – 11; N 31. – C. 12 – 14; N 32. – C. 13 – 15.
403. Сибирские изобретатели // Восточное обозрение. – 1884. – N 20. – C. 8 – 9.
404. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. – СПб., 1891. – 308 с.
405. Сибирский писатель Н.В. Ушаров (некролог) // Камско-Волжская газета. – 1873. – N 129.
406. Сибирский фельетон // Восточное обозрение. – 1883. – N 40. – C. 11 – 12; N 43. – C. 12 – 14.
407. Сибирская филантропия // Восточное обозрение. – 1883. – N 44. – C. 11 – 13; N 45. – C. 13 – 15.
436. Сибирское рождество и святки // Восточное обозрение. – 1883. – N 1. – C. 12 – 14.
408. Сибирское лесоохранение // Русская жизнь. – 1894. – N 69.
409. Сибирское многоземелье и малоземелье // Русская жизнь. – 1894. – N 14.
410. Сибирское хлебопашество // Восточное обозрение. – 1893. – N 19. – C. 5 – 7 .
411. Сибирь в 1 января 1865 г. // Томские губернские ведомости. – 1865. – N 1.
412. Сибирь, ее современное состояние и нужды. - СПб., 1908.
413. Сибирь и Александр I (В памятный юбилей 12 дек. 1877г.) // Сибирь. – 1878. – N 2.
414. Сибирь как колония. – СПб., 1882. – 472 с.
415. Сибирь на московской выставке (письмо из Москвы) // Восточное обозрение. – 1882. – N 16. – C. 11 – 13; N 18. – C. 10 – 12; N 20. – C. 10 – 11; N 23. – C. 11 – 13; N 25. – C. 11 – 13.
416. Сибирь на похоронах Тургенева // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1980. – Т. 5.
417. Сибирь пред судом русской литературы // Томские губернские ведомости. – 1865. – N 9.

418. Сибирь просит света // Русская жизнь. – 1894. – N 57.
419. Сибиряки за океаном // Восточное обозрение. – 1882. – N 14. – C. 12 – 14.
420. Сибиряки на границе Монголии (из путевых писем) // Восточное обозрение. – 1889. – N 36. – C. 8 – 9.
421. Сибиряки-мореходы (Рассказ из истории северного мореплавания) // Восточное обозрение. – 1883. – N 27. – C. 11 – 13.
422. Сибиряки-студенты // Русская жизнь. – 1892. – N 349.
423. Сибиряки - эгоисты и цивилизаторы - альтруисты // Восточное обозрение. – 1886. – N 2. – C. 9 – 12.
424. Скучающая публика и бедствующий переселенец // Восточное обозрение. – 1885. – N 18. – C. 8 – 10.
425. Смерть в ледяном царстве // Сибирские вопросы. – 1906. – N 2. – C. 81 – 87.
426. Смерть и дорогие могилы // Восточное обозрение. – 1887. – N 17. – C. 8 – 10.
427. Снабжение нуждающихся губерний хлебом из Сибири водяным путем // Русские Ведомости. – 1892. – N 23.
428. Современная мания к путешествиям // Отечественные записки. – 1876. – N 8. – C. 147 – 165.
429. Современное состояние Западной Сибири // Голос. – 1878. – N 102.
430. Солидный обыватель и несолидный читатель // Восточное обозрение. – 1887. – N 22. – C. 10 – 11.
431. Сочувствие к наукам на Востоке // Камско-Волжская газета. – 1873. – N 129.
432. Сперанский и его реформа в Сибири // Вестник Европы. – 1876. – Т. 3. – N 5. – C. 93 – 116, N 6. – C. 461 – 502.
433. Спящая красавица // Восточное обозрение. – 1882. – N 6. – C. 13 – 14.
434. Степь // Камско-Волжская газета. – 1873. – N 116.
435. Стихи на сибирские темы // Сб. в пользу томских воскресных школ. - СПб., 1905.
436. Стихотворение (без заголовка) // Камско-волжская газета. – 1873. – N 95.
437. Стихотворение (без заголовка) // Камско-Волжская газета. – 1874. – N 8.
438. Стихотворение в прозе // Восточное обозрение. – 1900. – N 202. – C. 2.

439. Столичная печать о Сибири // Сибирь. – 1876. – N 8.
440. Столичные новости о Сибири (интервью редактора-издателя «Восточного обозрения») // Восточное обозрение. – 1894. – N 1. – C. 2 – 3.
441. Страна ссыльных (Из воспоминаний сибиряка) // Неделя. – 1874. – N 35.
442. Странник на Золотом озере // Восточное обозрение. – 1882. – N 1. – C. 11 – 13.
443. Странные привязанности // Восточное обозрение. – 1882. – N 31. – C. 12 – 14.
444. Страсть к мамонтам // Восточное обозрение. – 1883. – N 8. – C. 13 – 14.
445. Стрела (Сибирская легенда) // Восточное обозрение. – 1883. – N 19. – C. 12 – 13.
446. Студенческие и литературные воспоминания сибиряка // Восточное обозрение. – 1884. – N 33. – C. 12 – 14; N 34. – C. 9 – 11.
447. Судьба женщин, следующих за мужьями, ссылаемыми в Сибирь // Голос. – 1875. – N 177.
448. Судьба печатного станка на Востоке // Восточное обозрение. – 1883. – N 51. – C. 9 – 12.
449. Судьба провинции и провинциальный вопрос во Франции // Камско-Волжская газета. – 1873. – N 65,71,81.
450. Судьба русских переселений за Урал // Отечественные записки. – 1879. – T. 242. – N 6. – C. 141 – 160.
451. Судьба сибирских ливингстонов // Восточное обозрение. – 1882. – N 11. – C. 11 – 13.
452. Судьба сибирской прессы // Неделя. – 1874. – N 30.
453. Судьбы Сибири (по поводу статьи г. Авесова) // Неделя. – 1873. – N 5.
454. Судьбы талантов и ученых (по поводу биографии отца Иакинфа Бичурина) // Восточное обозрение. – 1888. – N 41. – C. 8 – 10.
455. Сумасшедший с Востока или европейские китайцы // Восточное обозрение. – 1891. – N 25. – C. 9 – 11.
456. Существует ли охота на людей в Сибири // Русская жизнь. – 1893. – N 106.
457. Ссылка и ссыльные в Сибири. – СПб., – 1895. – T. 12. – Ч. 1.

458. Типы сибирского острога // Дело. – 1870. – N 5.
459. Томские адвокатские дела, или с больной головы на здоровую // Восточное обозрение. – 1887. – N 37. – С. 11 – 12.
460. Трактовая дорога и герой бойкой езды // Восточное обозрение. – 1885. – N 7. – С. 11 – 13.
461. Трехсотлетие Сибири с 26 окт. 1581 г. // Вестник Европы. – 1881. – Т.6. – N 12. – С. 834 – 849.
462. Тюленьская жизнь // Искра. – 1866. – N 33.
463. Тюмень // Русские Ведомости. – 1892. – N 146.
464. Тюрьма и ссылка // Восточное обозрение. – 1890. – N 28. – С. 1 – 4.
465. Убытки золотого дела // Петербургские Ведомости. – 1874. – N 301 – 308.
466. Угрожает ли Европе буддизм? // Сибирь. – 1897. – N 92.
467. Уменьшение вод в Арабо-Каспийской низменности в пределах Западной Сибири: по картографическим исследованиям за 100 лет // Известия ИРГО. – 1886. – Т. 22. – N 1. – С. 53 – 62.
468. Умственное развитие и познание первобытного человека, выясняемые взглядом на историю угро-алтайцев // Восточное обозрение. – 1896. – N 68. – С. 2; N 69. – С. 2.
469. Условия, при которых возможно создание частной крупной промышленности в южно-уссурийском крае // Сиб. газета. – 1885. – N 38.
470. Условия прогресса в сфере наказания // Дело. – 1871. – N 6. – С. 124 – 148, N 7. – С. 217 – 232.
471. Успехи Западной Сибири // Голос. – 1878. – N 88.
472. Фельетонные мелочи и картинки // Восточное обозрение. – 1887. – N 4. – С. 10 – 13.
473. Физическое воспитание детей у разных племен в связи с историей культуры // Восточное обозрение. – 1885. – N 5. – С. 8 – 10.
474. Цивилизация дикарей (По поводу статьи «Просвещенный язычник» в газете «Новости») // Восточное обозрение. – 1883. – N 39. – С. 12 – 14.
475. Цивилизация на Востоке // Камско-Волжская газета. – 1873. – N 94, 125.

476. Чай и чаепитие в Сибири // Восточное обозрение. – 1886. – N 19. – C. 10 – 13.
477. Чего ждать Сибири // Восточное обозрение. – 1882. – N 8. – C. 1 – 2.
478. Человеческие жертвы у сибирских инородцев // Восточное обозрение. – 1884. – N 36. – C. 12 – 14.
479. Чем заменить ссылку // Неделя. – 1874. – N 45.
480. Чем заменены обличения или шантаж на сибирской почве // Восточное обозрение. – 1886. – N 7. – C. 11 – 14.
481. Через Байкал // Восточное обозрение. – 1889. – N 14. – C. 11 – 13.
482. Чокан Чингисович Валиханов (некролог) // Литературное наследство Сибири. – Новосибирск, 1980. – C. 28 – 31.
483. Что стоила Сибири ссылка // Голос. – 1874. – N 349.
484. Шаманство в Сибири. ГАИО, ф. 295, оп. 1.
485. Шарманты люди (Деревенские картинки) // Неделя. – 1874. – N 25.
486. Шенкурский крестьянин (письмо из Архангельской губернии) // Неделя. – 1870. – N 2.
487. Швейцария // Литературное наследство Сибири. – Новосибирск, – 1979. – Т. 4.
488. Шпионы и палачи, из быта острожных и ссыльных // Неделя. – 1870. – N 23 – 24.
489. Юбилейные песни и думы // Восточное обозрение. – 1883. – N 5. – C. 12 – 13.
490. Экономическое значение Сибири в связи с потребностями знания // Дело. – 1876. – N 4. – C. 58 – 84.
491. Экономические особенности сибирского населения // Томские губернские ведомости. – 1865. – N 15. – C. 17 – 18.
492. Экономический кризис в черноземной полосе Южной Сибири // Русское Богатство. – 1894. – N 8.
493. Экспедиция на Алтай // Известия ИРГО. – 1881. – Т. 17. – N 5. – C. 2 – 5.
494. Эпизод из приключений киргизов в Петербурге // Искра. – 1866. – N 46.
495. Этнографическая карта племен и народов Азии // Восточное обозрение. – 1887. – N 13 – 14. – C. 10 – 11.

496. Этнографические и статистические исследования с приложением статистических таблиц. СПб., 1891. – 308 с.
497. Этнологические особенности сибирского народонаселения // Томские губернские ведомости. – 1865. – N 15. – С. 1 – 5, – N 17, 18. – С. 1 – 4.
498. Эшафот...//Камско-Волжская газета. – 1873. – N 111.
499. Ю.А. Соколов (некролог) // Сибирь. – 1877. – N 43.
500. Я жить хочу // Первый шаг. – Казань, – 1876.

Список иллюстративного материала

Приложение

Фотографический портрет Н.М. Ядринцева, выполненный В. Павловским.

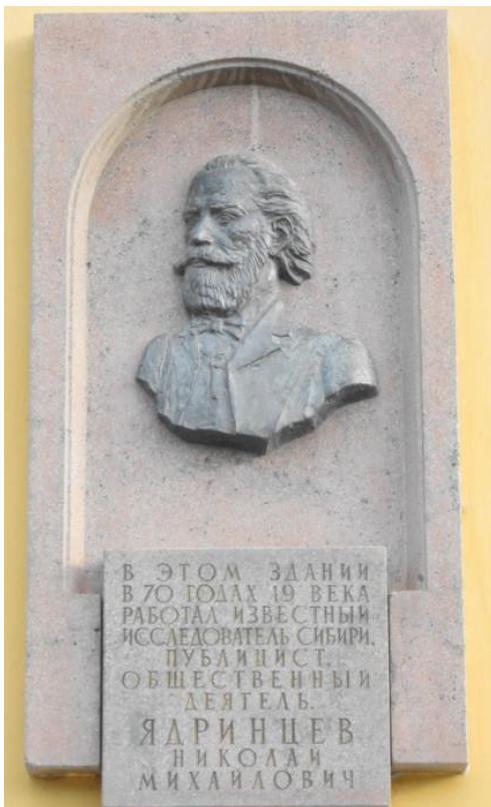
Карандашный портрет Н.М. Ядринцева, автор – К.О. Брож.

На фото слева направо: М.Я. Писарев, Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин, М.В. Загоскин, А.П. Нестеров. Фото П.А. Милевского.

Мемориальная доска Н.М. Ядринцеву в Барнауле (переулок Ядринцева, 146).

Мемориальная доска Н.М. Ядринцеву в Омске (ул. Ленина, 23).

Н. М. Ядринцев во время экспедиции по Алтайскому краю (1891 г.)

